

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»**

На правах рукописи

Сафина Марина Рафаиловна

**МЕХАНИЗМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕКОНТРОЛИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ
НА УРОВНЕ СТРУКТУРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, доцент
Рахманкулова Светлана Евгеньевна

Нижний Новгород

2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. НЕКОНТРОЛИРУЕМОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК ТИП СИТУАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.....	13
1.1. Понятие о действии в различных областях знания и обыденном сознании .	13
1.2. Проблема определения категории контролируемости / неконтролируемости и способы ее выражения	19
1.3. Структура ситуации неконтролируемого действия. Обязательные и факультативные компоненты неконтролируемого действия.	35
1.4. Типы неконтролируемых действий.....	42
Выводы	51
ГЛАВА II. ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ ФРАГМЕНТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	53
2.1. Предложение как языковой знак	53
2.2. Механизмы синтаксической репрезентации фрагмента мира	65
2.3. Механизмы синтаксической концептуализации	73
Выводы	84
ГЛАВА III. СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕКОНТРОЛИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ НА УРОВНЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	87
3.1. Принципы отбора и анализа материала	87
3.2. Типы неконтролируемого действия и их синтаксическая репрезентация	91
3.2.1. Действия-реакции.....	91
3.2.2. Машинальные действия	129
3.2.3. Происшествия.....	141
3.2.3.1. Случайности	141

3.2.3.2. Каузативные ситуации	156
3.2.3.2.1. Неконтролируемая каузация эмоционального состояния	157
3.2.3.2.2. Неконтролируемая каузация контролируемого действия с другим субъектом	161
3.2.4. Девиации / контролируемые действия с отрицательным результатом .	172
3.2.5. Не полностью контролируемые действия с положительным результатом	186
3.2.5.1. Действия с нерегулярным способом исполнения	186
3.2.5.2. Ситуации с ослабленным контролем	188
3.2.5.3. Действие, успех которого определяется усилиями не только субъекта	193
Выводы	197
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	201
БИБЛИОГРАФИЯ	205
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ ПРИМЕРОВ	222

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших задач когнитивной лингвистики является изучение процессов концептуализации окружающего мира средствами языка: как известно, за различиями формальных структур всегда стоят содержательные различия [Langacker 1975]. Интерес в том числе вызывает кодирование так называемых скрытых категорий, «не находящихся явного морфологического выражения, но существенных для построения и понимания высказывания» [Лингвистический энциклопедический словарь 2002]. Одной из таких категорий является категория контролируемости, являющаяся классификационным признаком действия. Поскольку действие занимает центральную позицию в поле мировоззренческих концептов [Арутюнова 1992], характеризующий его признак контролируемости / неконтролируемости, и, соответственно, средства его языковой репрезентации широко рассматриваются лингвистами. Существует немало лингвистических работ, посвященных изучению видов неконтролируемых действий и способов их репрезентации [Аринштейн, Пантелеева 1988; Шатуновский 1989; Зализняк 1992; Givón 2001; Стексова 2002; Шрамко 2002; Падучева 2004; Левонтина 2006; Мустайоки 2006; Леонова 2007; Письмак 2009; Болотина 2008; Куцевич 2015 и др.]. Однако авторы, как правило, делают акцент на лексических и лексико-грамматических особенностях выражения данной категории, концентрируясь на особенностях проявления неконтролируемости в семантике отдельных предикатов или других лексических маркеров неконтролируемости, в то время как в последние десятилетия внимание лингвистов стали привлекать также и синтаксические, структурные механизмы концептуализации мира, в том числе и концептуализация реальности посредством англоязычного простого предложения как языковой репрезентации высказывания [Goldberg 1995; Фурс 2004; Болдырев 2009, 2016; Магировская 2009; Кузьмина 2014, 2015, 2018 и др.].

Таким образом, **актуальность** исследования определяется его включенностью в такое динамично развивающееся направление современного

языкознания, как когнитивная лингвистика, а также необходимостью рассмотрения механизмов языкового выражения скрытой семантической категории неконтролируемости на уровне не только лексики, но и синтаксиса, в частности на уровне структуры англоязычного высказывания, и описания особенностей языковой репрезентации ситуации неконтролируемого действия в синтаксическом аспекте, в том числе без участия (или с минимальным участием) лексики с семантикой неконтролируемости.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные изучению:

- семантики предикатов, в том числе многофазового характера действия и скрытой семантической категории контролируемости, рассматриваемой как свойство предиката и как свойство ситуации [Klaiman 1991; Van Valin 1993; Cutrer 1993; Арутюнова 1992; Зализняк 1992; Кустова 1992; Булыгина, Шмелев 1997; Падучева 2004; Мустайоки 2006; Сильницкий 1973, 2012 и др.];
- классификации неконтролируемых действий и способам их выражения [Шатуновский 1989; Казыдуб 1991; Зализняк 1992; Стексова 2002; Шрамко 2002; Левонтина 2006; Леонова 2007; Болотина 2008; Письмак 2009; Куцевич 2015 и др.].

Данное исследование также опирается на следующие положения и теории когнитивной лингвистики:

- теорию субъективности в языке [Балли 1955; Кибрик 1994; Падучева 2004; Болдырев 2007; Магировская 2009];
- теорию концептуальной метафоры и метонимии [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1987, 1993; Арутюнова 1999; Matlock 2004; Huettenlocher, Matlock 2016; Warren 2006; Gibbs 2009; Ruiz de Mendoza, Díez 2009; Barcelona 2009; Кузьмина 2015; Рахманкулова 2018, etc.];
- теорию концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 1994, 1995, 1998, 2003];

- конструкционную грамматику [Goldberg 1995];
- принципы фокусирования и дефокусирования, организацию «фон-фигура», теорию выделенности элементов [Fillmore 1982; Talmy 1996; Sweetser 2000; Langacker 2002; Ирисханова 2014].

Важную роль для изучения вопроса играют и научные труды, посвященные изучению особенностей синтаксической концептуализации реальности, в том числе:

- выявлению и анализу синтаксически репрезентируемых концептов [Волохина, Попова 2003; Казарина 2003; Фурс 2004; Кузьмина 2015];
- выявлению синтаксических моделей простого предложения английского языка [Roberts 1958; Бархударов 1966; Почепцов 1971; Хорнби 1993; Greenbaum, Quirk 1998];
- изучению особенностей языковой репрезентации фрагмента реальности (синтаксически репрезентируемого концепта) посредством структурной модели простого предложения в английском языке [Болдырев, Фурс 2004; Фурс 2004; Кузьмина 2015];
- обоснованию полевой (ядерно-периферийной) организации концепта, в т.ч. положение о том, что ядерные реализации синтаксической модели отражают один из базовых типов отношений, для обозначения которого в языке и сформировалась данная модель [Волохина, Попова 2003; Фурс 2004; Попова, Стернин 2007; Кузьмина 2015; Болдырев 2016].

Данная работа ставит перед собой **цель** выявить синтаксические механизмы репрезентации категории неконтролируемости в английском языке, в частности механизмы репрезентации неконтролируемого действия на уровне структуры высказывания.

Достижение поставленной цели требует выполнения следующих **задач**:

- 1) уточнить понятия «ситуация», «синтаксический концепт», «пропозиция», «предложение (модель простого предложения)»,

проанализировать существующие механизмы фокусирования и синтаксической репрезентации как в целом, так и применительно к английскому языку;

- 2) уточнить понятия «действие» и «неконтролируемое действие», выявить семантические характеристики признака «неконтролируемость»;
- 3) построить функционально-семантическую классификацию неконтролируемых действий;
- 4) посредством компонентного анализа выявить лексические и лексическо-грамматические средства выражения неконтролируемости в английском языке;
- 5) определить особенности репрезентации ситуации неконтролируемого действия посредством синтаксических моделей простого предложения (в т.ч. позиционные особенности репрезентации элементов ситуации неконтролируемого действия в рамках структурной модели);
- 6) установить особенности работы механизмов концептуализации и фокусирования при синтаксической репрезентации неконтролируемого действия.

Научная новизна исследования обеспечивается рассмотрением особенностей языковой репрезентации ситуации неконтролируемого действия в синтаксическом аспекте, а именно репрезентации посредством минимальных структурных моделей простого предложения английского языка, и, соответственно, определением роли синтаксической структуры в передаче неконтролируемого действия. Новым является подробное рассмотрение регулярных языковых репрезентаций неконтролируемости, не содержащих лексики с ингерентной семантикой неконтролируемости, в частности были установлены особенности работы механизма пропозициональной метонимии как на уровне синтаксических концептов в целом, так и более узко, на уровне структуры высказывания. В результате проведенного исследования обнаружено и описано явление синтаксической метафтонимии.

Объектом исследования является скрытая семантическая категория неконтролируемости, реализующаяся в высказываниях современного английского языка. **Предметом** исследования являются синтаксические средства, служащие для выражения неконтролируемости в английском языке.

Материал исследования составили реализации простых англоязычных предложений, репрезентирующих ситуации неконтролируемого действия, извлеченные методом сплошной выборки из произведений художественной литературы, публицистических текстов, банков примеров словарей и корпусов английского языка (NOW Corpus, BNC, The TV Corpus, etc.). Общий объем выборки составил более четырех тысяч высказываний.

В ходе исследования были применены общенаучные **методы** и исследовательские операции анализа, синтеза, сравнения, интроспекции. В основе проводимого в работе исследования лежат индуктивный и дедуктивный анализ. При анализе материала использовались лингвистические методы компонентного, контекстуального, дистрибутивного, концептуального и пропозиционального анализа, метод когнитивного моделирования, методика анализа глагольного значения по этапам отражаемого глаголом процесса совершения действия (актогенеза).

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в разработку теоретических проблем современной лингвистики. В рамках настоящей работы уточняются значимые для лингвистической семантики и типологии предикатов понятия «действие» и «неконтролируемое действие», предлагается функционально-семантическая классификация неконтролируемых действий, уточняются понятия синтаксической метафоры, метонимии, интеграции, вводится понятие синтаксической метафтонимии. Рассмотрение особенностей функционирования механизмов концептуализации на материале выборки высказываний, репрезентирующих неконтролируемое действие, с одной стороны, позволяет сделать выводы об особенностях концептуализации и языковой репрезентации в английском языке данного вида ситуации и, с другой стороны, вносит вклад в исследование различных вопросов, актуальных для германистики

и современной лингвистики в целом: вопросов соотношения языка и мышления; взаимодействия явного и скрытого в языке; отражения языковой картины мира в лексике и синтаксисе; особенностей функционирования механизмов концептуализации на уровне синтаксической структуры высказывания, роли синтаксиса и структуры высказывания в передаче смысла. Данные об особенностях работы синтаксических механизмов концептуализации при репрезентации неконтролируемого действия в английском языке могут быть использованы для анализа материала других иностранных языков.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования ее результатов в преподавании теоретических курсов по семантике, грамматике, когнитивной лингвистике, на практических занятиях по английскому языку или переводу, в переводческой практике. Полученные в ходе исследования данные о механизмах фокусирования и особенностях передачи семантики неконтролируемости посредством синтаксиса позволят углубить лингвистический анализ художественных и публицистических текстов.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Типовая ситуация неконтролируемого действия включает одушевленного субъекта и наблюдателя, который может быть представлен как самим субъектом, так и сторонним интерпретатором. Режим интерпретации может играть ключевую роль для квалификации называемого действия как контролируемого или неконтролируемого. В зависимости от типа ситуации, обязательными элементами также могут считаться объект действия, адресат, пространственный референт.

2) Действие и неконтролируемость могут репрезентироваться в английском языке напрямую или концептуализироваться посредством механизмов синтаксической метафоры, метонимии, интеграции, метафтонимии.

3) Концептуализация и репрезентация неконтролируемого действия в английском языке происходит на стыке лексики и синтаксиса. Синтаксическое структурирование и позиционирование служит инструментом фокусирования / дефокусирования, выражения степени контролируемости, в редких случаях обладает семантикой неконтролируемости.

4) В рамках минимальной структурной модели англоязычного простого предложения значения действия и неконтролируемости могут передаваться посредством одной или двух лексем в рамках одной синтаксической позиции, посредством нескольких лексем в рамках нескольких позиций или только имплицироваться в случае регулярной метонимической репрезентации.

5) Одним из механизмов синтаксической репрезентации неконтролируемого действия в английском языке является пропозициональная (синтаксическая) метонимия, подразумевающая смежность синтаксических концептов ситуаций любой степени конкретности и абстрактности. Существование регулярной метонимической связи между синтаксическим концептом определенного неконтролируемого действия и синтаксическими концептами, отражающими базовые, прототипические ситуации предметно-конкретного мира, подразумевает метонимию на уровне структуры высказывания.

6) На уровне пропозиционной и синтаксической структур англоязычного высказывания обнаруживается явление синтаксической метафтонимии, которое подразумевает репрезентацию ситуации (в т.ч. неконтролируемого действия) через смежный синтаксический концепт, выраженный в языке через метафорическую реализацию одной из базовых синтаксических моделей.

7) Неконтролируемое действие как ингерентно динамическая ситуация может репрезентироваться в английском языке посредством структурных моделей, прототипических для ингерентно статических ситуаций, в результате работы механизмов синтаксической метафоры и метонимии.

Соответствие диссертации паспорту специальности.

Настоящая диссертационная работа соответствует паспорту научной специальности 10.02.04 – Германские языки, так как в ней рассматриваются теоретические и функциональные аспекты английского языка, принадлежащего к германской группе, на современном этапе. В частности, фокусом исследования стал синтаксический строй английского языка. Затрагиваются также вопросы соотношения лексики и внеязыковой действительности, особенности стилистического воздействия и экспрессивных средств английского языка.

Результаты диссертационного исследования прошли **апробацию** на конференциях: Всероссийской конференции «Актуальные проблемы филологии и лингводидактики» (Нижний Новгород, 25-26 мая 2020 г.), XVIII-м Международном лингвистическом семинаре (Донецк, 09 — 10 ноября 2020 г.), Казанском международном лингвистическом саммите «Вызовы и тренды мировой лингвистики» (Казань, 16-20 ноября 2020 г.), Международной научно-практической конференции «Язык и технологии в междисциплинарной парадигме» (Иркутск, 1-3 апреля 2021 г.), Всероссийской конференции с международным участием «Актуальные проблемы филологии и лингводидактики» (Нижний Новгород, 21-22 мая 2021 г.), Международной научно-практической конференции по когнитивной лингвистике «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (Нижний Новгород, 2-4 июня 2021 г.), а также в семи научных статьях, опубликованных в изданиях, три из которых рекомендованы ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы обусловлена целью и основными задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка процитированной научной литературы, перечня использованных словарей и списка источников иллюстративных материалов, включающего художественные произведения, публицистические статьи, тексты песен, корпусы английского языка. Объем диссертационного исследования составляет 225 страниц.

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, формулируются цель и конкретные задачи исследования, а также указываются методы и приемы анализа, источники материала, теоретические основы работы. Формулируются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность исследования. Перечисляются положения, выводимые на защиту. Приводятся сведения об апробации.

В **Главе I** «Неконтролируемое действие как тип ситуации действительности» уточняются понятия «действие» и «неконтролируемое действие», на основе анализа теоретического и практического материала вырабатывается подход к определению неконтролируемости, разбираются

сложности, связанные с определением контролируемости / неконтролируемости ситуации. Обосновывается структура ситуации неконтролируемого действия, предлагается функционально-семантическая классификация неконтролируемых действий.

В **Главе II** «Предложение как языковая единица, репрезентирующая фрагмент действительности» уточняются ключевые для исследования понятия «ситуация», «синтаксический концепт», «пропозиция», «синтаксическая модель простого предложения», «предложение», «высказывание». Рассматриваются существующие подходы к выделению синтаксических моделей. Описываются механизмы синтаксической репрезентации фрагментов мира, а также базовые механизмы концептуализации: метафора, метонимия, интеграция, метафтонимия.

В **Главе III** «Способы репрезентации неконтролируемого действия на уровне простого предложения в современном английском языке» приводятся формально-смысловые критерии отбора материала для исследования. Основная часть настоящей главы поделена на разделы и подразделы, соответствующие определенным типам ситуации неконтролируемого действия. В начале раздела дается краткая характеристика типовой ситуации, приводятся основные лексические средства, служащие для ее репрезентации; если применимо, описывается состав прототипической ситуации. Каждый тип действия затем рассматривается в терминах различных способов синтаксической репрезентации, механизмов фокусирования и т.д.

В **заключении** обобщенно излагается ход исследования и основные результаты.

ГЛАВА I. НЕКОНТРОЛИРУЕМОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК ТИП СИТУАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

1.1. Понятие о действии в различных областях знания и обыденном сознании

В настоящей работе используются термины «неконтролируемое действие» и «ситуация неконтролируемого действия». Обе номинации довольно распространены в лингвистической литературе [Демьянков 1983; Шатуновский 1989; Зализняк 1992; Булыгина, Шмелев 1997; Стексова 2002; Шрамко 2002; Падучева 2004; Левонтина 2006; Письмак 2009 и др.], однако не совсем однозначны и требуют некоторых пояснений.

Термин «ситуация» используется в данной работе применительно ко всему, что может быть описано с помощью предложения [Демьянков 1983: 325], для обозначения «совокупности элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент сказывания и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» [Гак 1998].

Действия трактуются как репрезентанты события. При этом под термин «событие» подводится целый ряд непредметных (событийных) значений, обозначающих все то, что «происходит с предметами», таких, как процесс, ситуация, состояние, изменение, положение вещей и др.» [Арутюнова 1999: 507; Письмак 2009: 37]¹. При таком подходе событие может рассматриваться как аналог понятия «ситуация» в значении, которое описано выше, а следовательно, действие является репрезентантом ситуации.

Термин «действие» широко применяется как в обычной жизни, так и в специфических областях знания, таких, как философия, психология, юриспруденция, социология, лингвистика, что приводит к появлению множества

---

¹ Сопоставление терминов «ситуация», «событие», «положение вещей», а также особенности их толкования см. в п. 2.1.

различных толкований. Особенности интерпретации понятия «действие» уделяли внимание многие ученые [Селиверстова 1982: 9-10; Проскурин, Степанов 1992: 5-14; Сахно 1992: 90-96; Григорьян 1992: 96-102; Булыгина, Шмелев 1997: 46-47; Стексова 2002: 27-33; Шрамко 2002: 7-8; Падучева 2004: 30-41; Письмак 2009: 37-50 и др.].

В лингвистике обозначение «действие» нередко употребляется в самом общем, «в высшей степени условном смысле» [Селиверстова и др. 1982: 8-9; Булыгина, Шмелев 1997: 46]. Действием, по сути, называют любые «явления бытия», выражаемые глагольными предикатами вне зависимости от их статической или динамической природы и т.д. (ср.: «ягодка краснеет в траве», «пациент лежит», «я мерзну»). Исследователями приводятся выдержки из лингвистических работ, указывающие на «условность» термина «действие»: «Значение процесса свойственно всем глаголам независимо от их лексического значения. Глагол представляет как процесс (процессуальный признак) и действия (бежать, грузить, рыть), и состояния (лежать, спать, страдать), и отношения (иметь, преобладать, принадлежать). При определении значения глагола как части речи можно использовать понятия «процесс» и «действие». В этом случае понятие «действие» трактуется в грамматически обобщенном смысле (в отличие от более конкретного содержания понятия «действие», когда имеется в виду различие между активным действием и пассивным состоянием)» [Грамматика 1980: 582]. Приведем в этой связи следующее высказывание А.М. Пешковского: «Всякий глагол прежде всего обозначает действие. Но ведь «действовать» могут только живые существа, все же остальные предметы не «действуют», а только движутся. Живые же существа «действуют» потому, что они движутся по своей воле, произвольно. И значит в глаголе, раз он изображает действие, должен быть еще оттенок воли, намерения. И действительно, в каждом глаголе есть и этот оттенок, только его еще труднее уловить. В таких глаголах, например, как умер, родился, заболел, простудился, упал, ушибся и т. д., мы едва ли заметим «намеренные» действия. Нам смешна школьная формула что сделал? — умер. На самом деле эта формула грамматически безупречна» [Пешковский 1956: 78—79].

Многие лингвисты предпринимали попытки уточнить группы предикатов действия [Булыгина, Шмелев 1997, Падучева 2004; Алисова, Репина, Таривердиева 2007 и др.]. Таким образом, противопоставляются положения вещей, описывающие качества / свойства / отношения предметов окружающего мира, и положения вещей, описывающие явления. Явления, в свою очередь, подразделяются на статические (положения, местоположения, состояния, ситуации) и динамические (собственно действия, подразделяющиеся на события и процессы) и т.д. [Булыгина, Шмелев 1997: 112]. У Т.В. Булыгиной классификационным признаком является локализованность положения вещей во времени, но не учитывается одушевленность / волеитивность субъекта, поэтому к деятельности относятся положения вещей типа: «плакать», «дразнить», «моросить», — а наличие воли у субъекта выражено в классификации по контролируемости. У Е.В. Падучевой классификация учитывает и аспектуальные особенности предиката, и агентивность субъекта: действие (открыть), деятельность (гулять), процесс (кипеть), состояние (голодать), происшествие (уронить), тенденция (задыхаться), свойство (хромать), соотношение (совпадать), предстояние (я уезжаю), диспозиция (впечатлять) [Падучева 2004: 31]¹. Тем не менее, даже узкое понимание действия подразумевает соседство довольно разных по природе явлений, как то: прототипические физические действия, подразумевающие четкий алгоритм выполнения, интеллектуальную деятельность (в том числе и творчество), действия социального характера. В [Левонтина 2006: 180-181] присутствует также противопоставление действия не-действию: по сути, противопоставление между действием и его пассивным аналогом, воздержанием от действия (*сделать* — *уклониться*). Не-действие «производится» так же целенаправленно, как и действие, а субъект не-действия несет ответственность за свое не-действие. Различия с действием носят скорее концептуальный характер: по сути, уклонение от действия может предполагать больше действий, чем

---

¹ Похожее деление на основе вендлеровских классов глаголов представлено и в [Dowty 1979: 123-125]: non-agentive accomplishments (to fall), intentional agentive accomplishments (to murder), non-intentional agentive accomplishments (to drop), stative causatives (John's living nearby causes Mary to prefer this neighbourhood), simple achievements (he discovered the solution).

действие как таковое. В [Мустайоки 2006: 184] действие и не-действие противопоставляются как реализация глагольной лексемы в прототипически «действенном» значении и в непрототипическом значении (ср.: *Человек бежит — время бежит*).

Более узкое понимание действий как поступков, поведения можно найти в юриспруденции: «один из видов фактов юридических, представляют собой такие факты, которые зависят от воли людей, поскольку совершаются ими. Д. подразделяются на правомерные (поступление на работу или в вуз, выход на пенсию, регистрация брака) и неправоммерные (все виды правонарушений)» [Большой юридический словарь 2012]. Здесь действие рассматривается как поступок — нечто, по умолчанию, совершаемое человеком намеренно и целенаправленно. При этом определение результаториентировано (отсюда и слово «факт» в дефиниции — в отличие от «события» или «процесса», факт всегда конечен и ориентирован на результат [Vendler 1966: 122-147]).

Психология также дает антропоцентрическое определение действия: «Основными “составляющими” отдельных человеческих деятельностей являются осуществляющие их действия. Действием мы называем процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, т.е. процесс, подчиненный сознательной цели. Подобно тому, как понятие мотива соотносится с понятием деятельности, понятие цели соотносится с понятием действия» [Леонтьев 1985: 103]. В центре ситуации действия находится человек, обладающий волей и самостоятельно устанавливающий перед собой цель, которую необходимо выполнить. Достижению этой цели и подчинен процесс производства действия.

В социологии М. Вебером введено понятие «социальное действие» для обозначения действия индивида, направленного на разрешение жизненных проблем и сознательно ориентированного на других людей. Основными признаками социального действия считаются осознанная мотивация и ориентация на других. Выделяется четыре типа социального действия: 1) целерациональное действие (осознанное действие, направленное на достижение определенной цели);

2) ценностно-рациональное действие (в этом типе социального действия основным мотивом является ценность действия (этическая, религиозная, идеологическая, культурная и др.)); 3) традиционное действие (совершаемое в силу привычки, традиции, как бы автоматически, например, соблюдение обычаев); 4) аффективное действие (детерминированное эмоциями и по этой причине также не осознаваемое). По мнению Вебера, традиционное действие и аффективное совершаются подсознательно (или бессознательно) и по этой причине не подлежат социологическому анализу [Weber 1978: 24-25].

В [Мустайоки 2006: 211-213] приводятся примеры следующих типов социального поведения, отраженные средствами языка: 1) действие с несколькими равноправными актантами (*Они дрались, Виктор и сосед поздоровались, Наша команда выиграла у испанцев*); 2) описание деятельности, выражающей отношение агенса к объекту или реципиенту (*Виктор наказал Петю за непослушание, Лектор поблагодарил присутствующих за внимание*); 3) социальные отношения (*Учитель положительно относится к Пете*); 4) поведение без упоминания его отношения к другим людям (*Ты притворяешься! Не все молодые люди ведут себя так, как следует*); 5) идентифицирующее действия (*Нина работает в школе*).

Об употреблении термина в естественном языке и принципиальных отличиях его толкования в лингвистике и в повседневной жизни говорится, например, в [Сахно 1992: 90-96]. Автором подчеркивается, что в известных нам «обиходных» толкованиях этого термина значение «чистого действия», используемое в метаязыке лингвистики, по большому счету отсутствует, а анафорическое использование «действия» крайне ограничено. В обыденном общении предпочтительными для номинации *действий* оказываются слова «процесс», «дело», даже «вещь».

В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой приводятся следующие дефиниции этого понятия:

1. Проявление какой-нибудь энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность, функционирование чего-нибудь. (*Закон обратного действия не имеет. Привести в действие.*)

2. Результат проявления деятельности чего-н., влияние, воздействие. (*Лекарство оказало свое д.*)

3. обычно мн. Поступки, поведение. (*Самовольные действия. Противозаконные действия.*)

4. События, о к-рых идет речь. (*Д. происходит в 15 столетии.*)

5. Часть драматического произведения. (*Комедия в трех действиях.*)

6. Основной вид математического вычисления. (*Четыре действия арифметики.*)

Как видно, в естественно-языковом употреблении значения и сочетаемость «действия» разнообразны (к примеру, не всегда предполагается наличие одушевленного агенса). С.Л. Сахно отмечает, что наиболее близким к понятию действия как такового является первый вариант толкования, однако в таком понимании действие не применимо к проявлениям деятельности субъекта, что «противоречит естественным представлениям о лице как субъекте действия».

Варианты толкования понятия действия, таким образом, отличаются разнообразием: формальное лингвистическое понимание, по сути, приравнивающее любое глагольное значение к действию; различение действий и состояний [Lyons v.2 1977: 483; Булыгина, Шмелев 1997]; узкое понимание действия как динамического явления с субъектом агенсом (то есть субъектом, контролирующим действие). На настоящем этапе, как представляется, наиболее принят последний вариант, в котором действие рассматривается узко¹. При этом неконтролируемость действия (при всей противоречивости этой номинации) в трудах по языкознанию понятие довольно распространенное [Шатуновский 1989; Гак 1998; Стексова 2002; Шрамко 2002; Левонтина 2006; Леонова 2007; Письмак 2009 и др.]. Возможность такого узуса объясняется полевой структурой понятия

¹Это доказывается хотя бы тем, что в большинстве работ по неконтролируемости приводится критика номинации «неконтролируемое действие», а затем этот термин либо не используется, как в [Стексова 2002], где вместо него был введен термин «невольность осуществления», либо используется с оговорками.

«действие» в лингвистике: «Подобно многим другим понятиям в лингвистике понятие «действие» представляет собой понятие с нечеткими границами и должно интерпретироваться в виде полевой структуры. Ядерная акциональная структура включает подлежащее, обозначающее конкретный, активный, наделенный волею субъект, конкретный объект, подвергающийся воздействию, конкретное время и место действия. Если какой-либо из этих компонентов отсутствует, то предикат может утрачивать признаки акциональности, отходить на периферию данного класса предикатов, и даже переходить в иной класс, например в класс статальных или квалификативных предикатов» [Гак 1998: 78]. Другим понятийным обоснованием является выделение, наравне с акциональной ситуацией, которая по умолчанию является контролируемой, так называемой макроситуации контролируемости, характерной особенностью которой является наличие двух субъектов: субъекта контроля и субъекта действия [Леонова 2007: 10]. Таким образом, термин **неконтролируемое действие** «используется для названия чего-то, *похожего* (курсив мой — М.С.) на действие, но не действия как такового» [Левонтина 2006: 195]. Оно является предикативным центром динамической, локализованной во времени ситуации с одушевленным субъектом (экспериенцером, псевдоагентом, но не агентом¹). Ситуация неконтролируемого действия, соответственно, — локализованная во времени ситуация действительности, характеризуемая наличием одушевленного актанта и неконтролируемого действия.

Представляется, что признак контролируемости / неконтролируемости у действия или ситуации в целом нуждается в более подробном описании.

1.2. Проблема определения категории контролируемости / неконтролируемости и способы ее выражения

Понятие контролируемости / неконтролируемости возникло в лингвистике уже довольно давно как некая скрытая категория, обнаруживающая свое

¹ Подробнее о составе ситуации неконтролируемого действия и типах актантов см. п. 1.3. настоящей диссертации.

отражение как на уровне отдельных лексем, так и на уровне грамматических и синтаксических конструкций [Klaiman 1991; Van Valin 1993; Cutrer 1993; Зализняк 1992; Булыгина, Шмелев 1997; Арутюнова 1999 и др.].

Наравне с термином «контролируемость» (control / controllability) используются также родственные понятия агентивности (agentivity) и намеренности / интенциональности (intention / intentionality). В отечественной лингвистике предпочтение отдается наименованию «контролируемость», поскольку эта словесная форма в плане сочетаемости и узуса носит более универсальный характер и может быть применима и к предикату, и к положению вещей в целом; к ситуациям как с активным субъектом, так и без него [Зализняк 1992; Булыгина, Шмелев 1997].

Первый вопрос, который возникает при ближайшем изучении категории контролируемости, — это объект классификации по признаку «контроль», который не всегда ясно и однозначно выражен. Изначально понятия контролируемости, агентивности, активности и т.д. возникли в лингвистике в связи с изучением свойств субъектов и предикатов [Lakoff 1965; Fillmore 1968; Cruse 1973; Chafe 1970; Алисова и др. 1987 (2007); Klaiman 1991; Степанов 1979; Кибрик 1980; Селиверстова и др. 1982; Плунгян, Рахилина 1985; Шатуновский 1989].

В частности, предпринимались попытки сформулировать сочетаемостные и другие ограничения предикатов неконтролируемого действия, «свидетельствующие о грамматической существенности выделяемого признака» [Булыгина, Шмелев 1997]. Работая на материале русского языка, лингвисты указывают на невозможность сочетаемости предикатов неконтролируемого действия с целевыми конструкциями (придаточные цели, инфинитив и т.д.) (**Погода оставалась солнечной ради меня*), невозможность совмещения предикатов некоторого типа с императивными утвердительными и отрицательными конструкциями (**Не сходи за хлебом! *Знай математику!*), способность предложений, описывающих произвольное, зависящее от субъекта

действие, преобразовываться в инфинитивные (*Мы ее убеждать, уговаривать...*) и др. [Булыгина, Шмелев 1997: 97-103].

Еще раньше возникло понятие агентивности — в трудах зарубежных лингвистов. В рамках теории глубинных падежей Ч. Филлмора появилось представление об агенсе как об одушевленном субъекте намеренного действия: *the case of the typically animate perceived instigator of the action identified by the verb* [Fillmore 1968: 46]. Сходной позиции придерживался и Дж. Лайонз: *An agent is, initially at least, any entity that is capable of operating upon other entities, effecting some change in their properties or their location; an animate being is one that is able to move itself without the intervention of any external agency* [Lyons v.2 1977: 483]. В более широком (и формальном) смысле под агенсом понималась любая субстанция, наделенная силой, как то: человек, машина, стихия [Cruse 1973: 22]. Дж. Грубер рассматривал агентивность как особенность глагола — способность глагола открывать валентность для агенса, причем лингвистическим тестом на агентивность была органичность замены агентивного глагола на глагол *do* [Gruber 1967: 943]. М. Хэллидеем предлагался тест на глагольную агентивность при помощи трансформации высказывания по формуле «What somebody did was...» [Halliday 2013]. Подробный разбор подходов к изучению понятия «агентивность» предлагается в [Cruse 1973: 11-23]. В качестве важных элементов структуры контролируемого действия разными авторами выделялись «агентивность», «одушевленный актанта», «(внутренний) источник силы», «воля», «ответственность», «намерение», «осознанность».

На данный момент, как представляется, наиболее востребовано понимание термина «контролируемость» как применимого в целом к ситуации (или положению вещей), выраженной предложением, а не к отдельным ее элементам [Зализняк 1992; Cutrer 1993; Goldberg 1995; Булыгина, Шмелев 1997; Стеклова 2002; Шрамко 2002; Падучева 2004; Левонтина 2006; Леонова 2007; Письмак 2009]. Так, Анна А. Зализняк утверждает, что, анализируя предложение, о контролируемости вербализуемой ситуации можно судить не только основываясь на значении глагола (предиката предложения), но и учитывая различные маркеры

намеренности и волитивности (к примеру, наречия «намеренно», «случайно») и, конечно, контекст [Зализняк 1992: 63-64].

Такой более широкий, ситуационный, взгляд на признак контролируемости / неконтролируемости как бы подводит все предыдущие исследования к общему знаменателю, показывая, что признак контролируемости не элементарен: за ним стоит целый ряд семантически близких, но не тождественных признаков: воля, каузация, намеренность, агентивность, цель, произвольность и проч., — которые в том числе необходимы для его определения.

Так, по А.А. Зализняк: «Х контролирует ситуацию Р, если Х является в Р субъектом намеренного действия, результат которого совпадает с объектом намерения и рассматривается как однозначно определяемый предшествующим действием» [Зализняк 1992: 64]. И.Б. Шатуновский определяет контролируемые ситуации как «такие, которые зависят от нашей воли, от нашего выбора», «которые мы можем выполнить (для действий) или каузировать быть (для статических положений вещей)» [Шатуновский 1989: 158]. Определение, предложенное А.А. Зализняк, более строгое и более реальностно-ориентированное, так как оговаривает многофазовый характер ситуации (как минимум, интенция-осуществление-результат), а также настаивает на соответствии результата ситуации намерению субъекта. Оно же является наиболее общепринятым. В более поздних ее работах, правда, встречается и упрощенная версия: «Субъект контролирует ситуацию, если наступление данной ситуации полностью определяется намерениями субъекта», — что, вероятно, связано с тем, что строгий вариант плохо сочетается с ситуациями-процессами, выраженными глаголами несовершенного вида [Зализняк, Шмелев 2000]. Подход И.Б. Шатуновского более общий: подчеркивается лишь, что субъект должен действовать по своей воле и целенаправленно.

Стоит отметить, что наименование «контролируемая ситуация» довольно условно по той простой причине, что в реальном мире едва ли хоть какую-то ситуацию можно назвать полностью контролируемой на всех этапах. «Дело в том, что контролируемость как свойство ситуаций в мире есть понятие градуальное:

как внешние по отношению к человеку ситуации, так и те, в которых он принимает участие, могут контролироваться человеком в различной степени. Так, даже если ограничиться ситуациями с личным субъектом, то здесь могут быть обозначены «полюса» — т.е., с одной стороны, контролируемые действия типа закрывания двери или покупки хлеба и, с другой стороны, неконтролируемые события типа попадания в аварию — между которыми располагается весь спектр промежуточных случаев» [Зализняк 1992: 65]. В языке эта градуальность выражается в неустойчивости признака «контроль», который может подавляться контекстом. По сути, ситуация считается контролируемой, если в лексическом значении глагола-предиката, субъекта или посредством различных факторных единиц и контекста не оговаривается иное. Утверждается, таким образом, что если представить контролируемость в виде некой полярной шкалы, то репрезентации действий в языке будут тяготеть либо к полюсу «+контроль», либо к полюсу «-контроль». Признак «контроль+», при этом, всегда неустойчивый, в то время как неконтролируемость может представать как ингерентный признак лексико-семантического варианта, в некоторых случаях она вообще представляет собой основную сему оценочного предиката, как в «попасть впросак», «сказать глупость» [1992: 67]. По умолчанию признаком неконтролируемости обладают и различные природные процессы, явления смены времени суток и т.д., в которых человек вообще никакого участия не принимает. Однако мнения насчет того, корректно ли рассматривать их в терминах контроля, расходятся (см. [Кустова 1992; Булыгина, Шмелев 1997]). Из обсуждения ситуаций в терминах контролируемости / неконтролируемости также, как правило, выпадают выражения отношений, свойств и проч. В дальнейшем речь пойдет о локализованных во времени ситуациях, одним из участников которых обязательно является одушевленный субъект.

Градуальность признака «контролируемость» у различных действий рассматривается в [Плунгян, Рахилина 1985], где указывается на необходимость выделения класса предикатов с частичным контролем. Утверждается, что «объект контроля со стороны актанта X в общем случае не элементарен; соответственно,

Х может контролировать не всю ситуацию Р в целом, а какой-то ее определенный фрагмент» [Плунгян, Рахилина 1985: 45]. Такая формулировка исходит из идеи многофазового характера ситуации и действия, отраженной в определении А.А. Зализняк. О многофазовости ситуации писали также Г.И. Кустова, говорившая об интенциональном (на ментальном этапе) и денотативном контроле (на эффекторном этапе) действия [Кустова 1992: 146], и Г.Г. Сильницкий, предлагавший выделять семь последовательных стадий актогенеза (производства действия): 1) желание, 2) намерение, 3) решение, 4) планирование, 5) подготовка, 6) попытка, 7) успешная или безуспешная реализация действия [Сильницкий 1983: 28-32]. Действие рассматривается в двух основных аспектах: факторном и эволютивном, причем оба этих аспекта имеют иерархическую структуру, предполагающую последовательное прохождение всех стадий актогенеза. В [Сильницкий 2012: 149] такой многоступенчатый процесс определяется как односубъектная логическая секвенция: подразумевается, что представленность процесса на одном определенном уровне имплицитно подразумевает то, что все предыдущие стадии были пройдены. Таким образом, действие не обязательно является полностью неконтролируемым или полностью контролируемым: возможна утрата или, наоборот, приобретение контроля на одной из стадий действия. Так, в пример часто приводятся концепты «прыжок» и «смех» как ситуации, в которых контролируемы являются отдельные временные фазы [Плунгян, Рахилина 1985]. Ситуация «прыжок» обычно ассоциируется с типом контролируемых, а «смех» — с типом неконтролируемых, хотя, по сути, различие их состоит лишь в том, что прыжок инициируется по воле субъекта, но остальные стадии этого действия весьма непредсказуемы (к примеру, нельзя остановить прыжок), в то время как смех часто спонтанен, но может быть взят под контроль на дальнейших стадиях (перестать смеяться вполне возможно). Как представляется, для целей нашей работы не обязательно подробно делить ситуации по степени контролируемости (тем более что выше уже подчеркивалась условность такой классификации). Контролируемым действием признается любое действие, которое инициируется по воле одушевленного субъекта и имплицитно или

эксплицитно достигает результата, который не показан в высказывании как негативный / неожиданный / нежелательный, даже если онтологически достижение успеха зависит от многих факторов, помимо усилий, прикладываемых человеком (прыгнуть, пройти по канату, сыграть партию в шахматы).

Существует множество разных типов ситуаций, применительно к которым понятие контроля становится более размытым и неопределенным. К таким ситуациям относятся, например, ментальные агентивные ситуации (решать, обдумывать, складывать числа в уме). Про разные виды интеллектуальной деятельности и их представления в русском и английском языках писал А. Мустайоки. Так, глаголы обработки информации («думать», «обдумывать», «вспоминать», «анализировать») рассматриваются как обозначающие в целом контролируемые действия либо как служащие для выражения авторизации. Глаголы знания («знать», «помнить»), по его мнению, репрезентируют неконтролируемые ситуации (ситуации отношения). Активные глаголы восприятия («слушать», «смотреть») могут обозначать контролируемые действия, а пассивные глаголы восприятия типа «видеть», «услышать», «чувствовать» он относит к неконтролируемым видам деятельности [Мустайоки 2006: 216-219]. По мнению Л.А. Болотиной, для глаголов восприятия (*see, hear*) признак контролируемости нерелевантен вообще, так как их семантика не предполагает возможность выбора (*I can hear = I hear; I could see = I saw*) [Болотина 2008: 56]. Эта точка зрения принимается и в настоящем исследовании, но с оговорками. Рассматривать такие ситуации в терминах контролируемости / неконтролируемости в контекстах, где предикаты *see, hear* служат исключительно для описания окружающего мира в восприятии наблюдателя, действительно не представляется целесообразным. С другой стороны, иногда такие предикаты показывают положительный или отрицательный результат, к которому привели усилия субъекта:

(1) *I listened, nodding, although not really hearing anything she had to say (Atkinson).*

(2) *I couldn't hear a word of what he said over all that noise (Merriam-Webster).*

И в первом, и во втором случае мы имеем дело с ситуациями, когда человек пытается слушать, но по разным причинам не может расслышать (из-за преодолевающих мыслей в (1), из-за шума — в (2)).

В качестве «нерегулярной» интерпретации таких единиц можно также привести примеры переосмысления значения глаголов в рамках какой-нибудь фантастической вселенной. Так, в романе Чайны Мьевилля «Город и город» два города как бы наложены друг на друга в пространстве, и жителям одного города буквально запрещено видеть «проступающие» иногда очертания жителей и зданий другого города. Таким образом, глаголы *unsee*, *unnotice* выражают контролируемое действие — буквально «развидеть»: для осуществления этого действия прикладываются усилия (пример 1). С другой стороны, глаголы *see*, *notice* в некоторых ситуациях обозначают очевидно случайные действия, когда человек теряет контроль и видит то, чего видеть не должен (пример 2).

(1) *As kids we would assiduously unsee Ul Qoma, as our parents and teachers had relentlessly trained us (the ostentation with which we and our Ul Qoman contemporaries used to unnotice each other when we were grosstopically close was impressive).*

(2) *An elderly woman was walking slowly away from me <...> In my glance I took in her clothes, her way of walking, of holding herself, and looking. With a hard start, I realised that she was not on GunterStrász at all, and that I should not have seen her. Immediately and flustered I looked away, and she did the same, with the same speed.*

Следует, однако, отметить, что такое переосмысление в рамках контекста или в рамках правил художественной вселенной возможно для любых действий, не только для перцептивных.

Непрототипическими ситуациями для определения контролируемости / неконтролируемости также являются ситуации без алгоритма достижения результата (ситуации, имеющие творческую составляющую, или мероприятия, в которых участвует множество агентов): играть в футбол; писать

роман; устроить праздник; провести парад / собрание / переговоры. «В таких ситуациях вероятность неудачи гораздо выше, чем в физических. Кроме того, в «творческих» ситуациях, в отличие от «механических», есть второй — оценочный — слой: Агенсу нужно получить не просто результат, а результат определенного качества, например, футболистам нужно не только сыграть матч, но и победить; писателю нужно написать не просто роман, а хороший роман» [Кустова 2019: 118].

Еще одним непрототипическим видом ситуаций являются ситуации машинального действия, где «вместо намерения в функции инициатора движения выступает некоторая внутренняя программа (стереотип), реализация которой не требует непосредственного участия сознания (именно так человек осуществляет большинство несложных, но привычных, часто совершаемых действий)» [Зализняк 1992: 64] (см. также [Шатуновский 1989: 160; Шрамко 2002: 110-113; Левонтина 2006: 205]). В [Шатуновский 1989: 160] в пример приводятся такие действия, как *думать, сесть, идти, повернуть*, — то есть те, которые в своем прототипическом варианте являются скорее контролируруемыми, но не обязательно происходят вполне осознанно. Такие действия, как правило, признаются ненамеренными, поскольку в них отсутствует фаза целеполагания, и, следовательно, нельзя сказать, чтобы намерение совпадало с результатом [Зализняк 1992: 64]¹. Как представляется, при анализе языкового материала, высказываний, о машинальности действия можно с уверенностью говорить только если это обозначено эксплицитно: например, при помощи наречий «машинально», «механически», «автоматически» в русском языке или «automatically», «without thinking» и проч. в английском. Иначе судить о машинальности процессов или действий довольно затруднительно. Машинальные действия можно разделить на: 1) полностью контролируемые обычно действия

---

¹ И.Б. Шатуновский вообще рассматривал их вне категории намеренности / ненамеренности. «Предположим, я, увидев, что на голову мне падает кирпич, отшатнулся. В этом случае нельзя сказать, что я это сделал случайно, однако не менее странно было бы утверждать, что я это сделал нарочно» [Шатуновский 1989: 161]. Мы все же будем считать такие действия ненамеренными и, соответственно, неконтролируемыми. Как представляется, есть смысл также разграничивать машинально выполняемые бытовые действия, фоновые процессы (мышление) и инстинктивные действия, вызванные часто инстинктом самосохранения.

(или, во всяком случае, целенаправленные), которые совершаются по привычке, автоматически и, несмотря на отсутствие четкой интенции, приводят к тому же результату, как если бы они осуществлялись сознательно (например, когда речь о дороге до дома, которую проходишь машинально, не замечая поворотов, или по привычке включаешь свет, заходя в комнату). Такие действия проходят фоново и при репрезентации в языке внимание на них не заостряется; 2) Ко второй группе относятся машинальные действия, приводящие к неожиданному или нежелательному результату, ошибке:

Although I used my best Italian, the receptionists automatically replied in English (OALD).

Второй тип действий близок к случайному, нечаянному исполнению, к сбою во время совершения действия. Целевая (интенциональная) единица *automatically* указывает на причину промаха.

В нашей работе машинальными (и, следовательно, неконтролируемыми) признаются действия, языковая репрезентация которых имеет прямое указание на их машинальность, на отсутствие стадии целеполагания и / или полного отсутствия контроля над осуществлением. Несмотря на то, что, в принципе, действия, наподобие *идти, думать*, часто совершаются бессознательно, считать их машинальными по умолчанию представляется необоснованным.

Однако сложности толкования ситуаций в терминах контролируемости вытекают не только из особенностей онтологического характера (ментальные действия, машинальные действия, многофазовость действия и т.д.), но и из особенностей репрезентации действий средствами языка.

О ключевой роли различных контекстных средств для определения характера ситуации писали многие ученые. Так, И.Б. Шатуновский выделяет группу предикатов, обозначающих действия, которые могут быть и под контролем субъекта, и неконтролируемыми в зависимости от контекста (*упасть, рассмеяться, наступить кому-либо на ногу, разбить стакан*) [Шатуновский 1989: 161]. Средством конкретизации семантики таких действий в языке, помимо контекста, являются в том числе различные маркеры интенциональности, такие,

как *нарочно, намеренно, умышленно, специально, нечаянно и проч.* Подробно о семантике целевых единиц на примере русского языка писала И.Б. Левонтина [Левонтина 2006: 163-241]. На материале английского языка исследования таких средств выражения интенциональности проводились в том числе Л.И. Шрамко и Ю.А. Куцевич [Шрамко 2002: 102-123; Куцевич 2013, 2015, 2020].

Ю.А. Куцевич анализирует так называемые интенциональные единицы факторного типа — «лексемы со значением одного из семи последовательно расположенных этапов волевого действия» [Куцевич 2015: 119]. Интенциональные единицы могут быть выражены глаголами в составном глагольном сказуемом, наречиями, существительными, обстоятельственными конструкциями и т.д. и при этом выражать наличие желания, интенции, приложение усилий, промаха, потери контроля на том или ином этапе производства действия:

I joined in the laughter but it was a considerable effort (наличие усилия на этапе инициации говорит о намеренности действия).

I'd had an insane impulse to ask if they still stocked the Zombie specialties like blood-and-Benedictine (значение импульсивности действия как показатель отсутствия воли при его осуществлении).

Кроме того, выделяется такой интенциональный эффекторный признак, как «препятствие» [2015: 124]:

This proves <...> that he possesses an admirable pertinacity of purpose, since it must have been extremely difficult to study under prison-camp conditions (подчеркивание целеустремленности субъекта и в то же время сложности осуществления действия на стадии попытки говорит о возможной потере контроля над ситуацией).

Л.И. Шрамко [Шрамко 2002: 102-123] заостряет внимание на различных лексических единицах, влияющих на реализацию в языке прототипически контролируемых и неконтролируемых действий, как то: *accidentally, inadvertently, mistakenly, deliberately, on purpose, etc.* Ср.:

*Mr. Brook kissed Meg entirely **by mistake*** [2002: 108] (значение глагола контролируемого действия меняется на неконтролируемое под действием модального слова).

*The cardinal **intentionally** misunderstood the king's speech* [2002: 117] (и обратная ситуация).

При интерпретации ситуации также могут помогать фоновые знания получателя сообщения о мире, не обязательно обладающие интенциональным значением. Например, в *She sat down upon her hat* можно предположить, что ситуация неконтролируемая, из-за абсурдности ситуации, при которой человек намеренно садится на свою шляпу (впрочем, исключать такой расклад во всех контекстах тоже нельзя) (см. аналогичный пример в [Зализняк 1992]).

И прагматические знания о мире:

*The 1997 Champion Jacques Villeneuve **has driven into a wall at 310 km\h** in the qualifying session of the Spa Grand Prix in Belgium* [Шрамко 2002: 110] (такая ситуация видится неконтролируемой (хоть действие и выражено предикатом прототипически контролируемого действия) поскольку невозможно помыслить ситуации (кроме самоубийства), когда бы человек намеренно влетел в стену на бешеной скорости).

Притом, что в языке существуют некие «эталонные» способы репрезентации контролируемых ситуаций (где предполагается, что активный субъект контролирует действие на всех стадиях производства, и происходит накопление результата), наравне с ними встречаются также и разные «неканонические» способы репрезентации [Кустова 1992: 145-152]. Как представляется, это утверждение справедливо и для репрезентации неконтролируемых действий.

Ситуация контролируемого или неконтролируемого действия может быть представлена метонимически (вся ситуация через ее этап) или при помощи интерпретирующих глаголов.

Работая на лингвистическом материале, за единицу анализа мы берем пропозицию — концептуально-языковую величину, состоящую из одного

предиката и некоторого количества термов (аргументов) —, отображающую реальность в том объеме и в том виде, в котором предпочтительно автору высказывания (см. п. 2.1. настоящей диссертации). Пары высказываний наподобие (1) *He jumped* и *He pushed himself off the ground*, (2) *He searched* и *He found*, (3) *He listened* и *He heard* представлены разными пропозициями, однако могут описывать одну и ту же ситуацию действительности. Предикаты в таких высказываниях находятся в отношениях метонимии (полный актогенез и стадия актогенеза — (1) или стадии актогенеза одного процесса — (2), (3)): оттолкнуться от земли = начать прыжок; поиск желательно оканчивается находкой; а слушают, чтобы услышать. Отдельные стадии одной и той же ситуации в высказывании могут быть представлены при помощи и факторной глагольной лексики, которая рассматривалась выше: *He wanted to jump*, *He decided to jump*, *He tried to jump*. Или ср. *He found-He tried to find*.

Учитывая, что в определении контроля (как и контролируемой ситуации), заложена результативность и целенаправленность, как представляется, нелогично будет рассматривать отдельно, например, этап принятия решения начать поиски, этап осуществления поиска и этап успешного/неуспешного завершения поисков. У действий, обозначаемых глаголами типа *sing*, *walk*, *read*, тоже не обязательно есть какой-то явный результат, но их можно интерпретировать таким образом, что цель этих действий заключается в самом их осуществлении. Мы поем не для того, чтобы допеть, а гуляем не для того, чтобы закончить гулять. С другой стороны, нельзя сказать, что мы целимся ради того, чтобы целиться, или ищем (пытаемся найти) для того, чтобы искать (если речь, конечно, об обычных ситуациях из жизни, а не о переносно-философских смыслах, вроде поиска истины).

Этот подход имеет смысл еще и в связи с имплицативностью выражения реальности средствами языка потому, что цепочки «решить-спланировать-осуществить-добиться результата» функционируют как логические секвенции, то есть каждый последующий этап имплицитно подразумевает выполнение предыдущих и вероятное выполнение последующих [Сильницкий 2012]. Зачастую исход всей ситуации интерпретируется по одному нерезультативному этапу, и даже

начальные ментальные этапы (как желание или намерение) могут обладать высоким прогностическим потенциалом [Givon 2001; Аринштейн, Пантелеева 1988].

В [Аринштейн, Пателеева 1988] со ссылками на работы Т. Гивона и Г.Г. Сильницкого говорится о существовании интенциональных (в другой терминологии — факторных) средств, прогнозирующих скорее положительный результат / успех — *want, wish, intend, decide, try* (глаголы успеха), или отрицательный — *hate, fear* (глаголы неуспеха). Утверждается, что, *если в узком контексте не указано иного* (курсив мой — М.С.), то ситуация, вербализуемая глаголами успеха, подразумевает результат «успех», а, соответственно, глаголами неуспеха реализуются ситуации, оканчивающиеся неуспехом [1988: 15-18]. И такая закономерность действительно подтверждается при анализе фактического материала. Фрагментарность отображения динамических ситуаций, как правило, продиктована законом экономии речевых усилий, а не желанием создать двусмысленность.

1) *Albus looks at his dad, what does he have to say? He **decides not to engage** (Rowling, Thorne, Tiffany).*

2) *You overhear a conversation <...> and you **decide <...> to interfere, and interfere hard, in someone else's business** (Rowling, Thorne, Tiffany)*

3) *Simon **had intended to open it and check** that it was what he had paid for, but a growing sense of his own imprudence overrode the desire (Rowling).*

4) *She **had intended to give** the cash to Adam, but in a sudden pointless change of mind, she handed it to Pauling instead (McEwan).*

5) *She **had tried to explain** that she had been utterly exhausted <...> But Parminder had cut her off in the middle of her rambling excuses (Rowling).*

6) *...for fear of encouraging him in some way, [she] **tried not to look** in the direction of the funny little man who was sitting at a corner table (Atkinson).*

В (1) конструкция с фазовым глаголом дублирует значение предшествующего риторического вопроса: герой решает ничего не говорить. В (2) конструкцией с факторным глаголом обозначено уже свершенное действие, за

которое герои получают выговор. В (3), (4) и (5) действие не доведено до конца, что показывает конструкция с *but*. В (6) из дальнейшего контекста понятно, что героиня и правда отвела взгляд.

Также рассмотрим примеры с глаголом, в семантику которого заложено значение попытки:

7) *...she was preoccupied with gathering up a few last documents. <...> She picked up a scarf from the back of a chair and left to continue her search in the sitting room (McEwan).*

8) *He searches in the kitchen cupboard for a fresh roll without success (Lodge).*

9) *Anna started to speak to me again, and I listened, nodding, although not really hearing anything she had to say (OALD)*

В (7) героиня идет искать документы в гостиную и, судя по тому, что дальше она еще раз возвращается в кухню (уже не думая о документах) и спокойно уходит на работу, ей удалось найти то, что она искала. В (8) и (9) отрицательный результат уточняется конструкциями с *although* и *without success*.

Таким образом, можно говорить о контролируемости ситуаций в 1, 2, 6, 7 и об утрате контроля на разных стадиях производства действия в 3, 4, 5, 8, 9.

Утрата контроля может также быть выражена и более явно, глаголами неуспеха или глаголами с отрицательной импликацией, у которых «неконтролируемость» — это часть лексического значения: *fail, miss, forget, drop, etc.* [Сильницкий 1983; Аринштейн, Пателеева 1988; Шрамко 2002; Кустова 2019 и др.].

Еще один метонимический способ описания действия заключается в выражении ситуации через смежную с ней, например, использование локативных конструкций для описания утраты контроля во время передвижения или перемещения предмета в пространстве. Дело в том, что «глаголы, выражающие инцидентное состояние “движение”, инцидентно соотнесены с глаголами, инцидентно выражающими состояние “положение в пространстве”» [Сильницкий 1973: 374].

After being “violently” attacked, Travis McMichael fired two shots, the elder man told police. The next thing they knew, Arbery was lying face down on the pavement dead (chicagotribune.com).

Так, в примере очевидно пропущен переход между выстрелами полицейского и тем фактом, что Арбери оказался лежащим ничком. По сути, последнее предложение заменяет собой целую логическую цепочку: выстрелы попали в цель — Арбери упал на тротуар — Арбери лежал на тротуаре.

Наконец, при репрезентации действительности в языке нередко используются интерпретативы (интерпретационные глаголы или интерпретативы других частей речи) [Кустова 1992; Падучева 2004; Апресян 2006]: *помогать, украшать, бесчинствовать, предать, прятаться* и т.д. В отличие от дескриптивных глаголов, которые «описывают» то, что происходит в мире, глаголы рассматриваемой группы интерпретируют «денотативное» действие с точки зрения цели субъекта. Само по себе успешное выполнение денотативного действия не всегда гарантирует «успешность» ситуации в целом [Кустова 1992: 147]. К интерпретации действий, выраженных таким способом, как представляется, нужно подходить так же, как и к интерпретации прототипически выраженных действий (например, «бежать», «резать», «улыбаться»): если само по себе действие предполагает намеренность и целенаправленность, а в узком контексте никак не обозначено, что попытка осуществить действие провалилась, то, значит, такое действие считается контролируемым.

Таким образом, информация о контролируемости или неконтролируемости действия, с одной стороны, может эксплицироваться лексическими единицами, например, содержаться в семантике лексического варианта глагола, репрезентирующего действие (хотя в некоторых случаях признак неконтролируемости может подавляться контекстом), выражаться посредством факторной интенциональной лексики (глаголов, существительных, наречий с интенциональным значением и т.д.); с другой стороны, передаваться посредством различных синтаксических механизмов, концептуальных переносов на уровне синтаксической модели простого предложения (в т.ч. метонимии) или извлекаться

только на основе анализа узкого или широкого контекста, фоновых знаний читателя о мире.

1.3. Структура ситуации неконтролируемого действия. Обязательные и факультативные компоненты неконтролируемого действия.

Категория неконтролируемости, невольности стоит в ряду других квалификационных категорий, таких, как необходимость, возможность, кажимость, странность, вынужденность [Givon v.1 2001]. Суть квалификации заключается в том, что «высказывание с помощью формального квалифицирующего средства соотносится в определенном аспекте с действительностью. Данная квалификация осуществляется говорящим (квалифицирующим субъектом) относительно денотативной ситуации (объекта квалификации)» [Нагорный 2000: 188]. Однако важным отличием контролируемости от более «оценочных» категорий странности или важности является то, что «модусная рамка» неконтролируемости (невольности) является неотъемлемой чертой диктумного события, и утрата ее ведет к изменению смысла всего предложения (*It was not clear whether the gunman shot his victim **deliberately or accidentally** ≠ It was not clear whether the gunman shot his victim (OALD)*). Исходя из этого, можно говорить о том, что квалификативная модальность невольности имеет внутрипропозитивный характер, то есть является диктумно-модусной [Стексова 2002: 53-55].

Объективный компонент высказывания содержится в его пропозиции, состоящей из определенного числа термов (актантов) и связывающего их отношения (предиката). С точки зрения Н.Д. Арутюновой, исследовавшей категорию контролируемости на материале русского языка, в когнитивную модель, соответствующую неуправляемому действию, входят три обязательных компонента: лицо (субъект осуществления), действие и действующая сила, которая может принимать разные обличья [Арутюнова 1999: 810-811]. Выделение действующей силы в качестве отдельного компонента, вероятно, связано с

особенностями русских безличных конструкций со значением неконтролируемости (*Вырвалось; Занесло*), обладающих высокой частотностью употребления в языке. При работе с англоязычным материалом уместней говорить только о субъекте осуществления, принимая во внимание, что он может быть представлен разными видами одушевленных актантов (экспериенцер, псевдоагенс).

Прототипическое действие (то есть обязательно контролируемое действие) предполагает наличие агенса. Под агенсом в широком смысле понимают любую субстанцию, наделенную силой, как то: человек, машина, стихия [Cruse 1973: 22]. Однако, как представляется, на современном этапе закрепились представление об агенсе, полученное из определений, данных Ч. Филлмором и Дж. Лайонзом, как об одушевленном субъекте, наделенном волей и сознанием и действующем намеренно [Fillmore 1968; Lyons 1976]. Таким образом, важными элементами структуры контролируемого действия являются «одушевленный актант», «воля», «намерение», «осознанность». Этот ряд дополняется также элементами «цель» и «контроль».

Субъектом неконтролируемого действия является одушевленный субъект, человек, в принципе обладающий сознанием и волей, но в данной конкретной ситуации их не активирующий. Неконтролируемое действие производится ненамеренно, нецеленаправленно, против или безотносительно воли субъекта. В лингвистических работах субъектам различных видов неконтролируемых действий давались имена «агенс», «псевдоагенс», «экспериенцер», «субъект».

Термин «агенс» используется в [Мустайоки 2006: 161-162] относительно действий по типу: «*Стирая пыль, Виктор разбил вазу*», «*Виктор уронил свой кошелек*», «*Нина невольно обернулась*», «*Они попали во Владивосток*». «Актанты не контролируют, но производят действие» [2006: 262]. Последнее высказывание толкуется таким образом, что *Они* совершили некое действие, а случайность — это дополнительный элемент, о котором мы узнаем из поверхностной структуры. В рамках данной работы такая интерпретация агентивности не представляется возможной. Во-первых, полный контроль над протеканием действия является

неотъемлемой характеристикой агенса. По этой же причине мы отказываемся от интерпретации как агенса субъекта действия, частично вышедшего из-под контроля в силу своей чрезмерности или недостаточности (*недожарить, недооценить, заболтаться*), как в [Письмак 2009]¹. Во-вторых, контролируемость, невольность, нечаянность и т.д. рассматриваются как модусно-диктумные категории, а, следовательно, само действие и его неконтролируемость нельзя расщепить, поскольку, например, концепты «Они прибыли во Владивосток» и «Они случайно прибыли (= попали) во Владивосток» кардинально различаются.

Термин «псевдоагенса» используется в [Арутюнова 1999: 810-811; Шрамко 2002; Письмак 2009]. Об ослаблении агентивности, активности по мере движения внутри градуального противопоставления от контролируемости к неконтролируемости говорится в [Леонова 2007: 14], о ненамеренных агентивных происшествиях (*non-intentional agentive accomplishments*) — в [Dowty 1979: 123-125]. Авторами отмечается, что термин «агенса» не является точным по отношению к неконтролируемым действиям. Так, при исполнении неконтролируемых действий не реализуются или не полностью реализуются компоненты «воля», «сознание», «намеренность», «целенаправленность». В то же время, субъекты контролируемого и неконтролируемого действия обладают сходством, как то: одушевленность, нахождение в рамках динамической ситуации, принципиальная способность к воле. Существуют также действия, у которых семантическую роль субъекта определить крайне сложно: например, случаи контролируемых действий, вышедших из-под контроля (*overcook, underproduce, tried to do but failed*). Такие действия начинаются как контролируемые, однако частично или полностью выходят из-под контроля на определенном этапе.

---

¹ Мы разделяем мнение автора насчет того, что действия с семантикой недостаточности или избыточности нередко возникают в рамках изначально контролируемой ситуации. Так, если человек что-то пересолил, значит, он что-то готовил, и процесс вышел из-под контроля. Точно так же, человек может пытаться что-то сделать, но не добиться успеха (*He tried to explain it to him but failed*). Однако, во избежание ненужной двусмысленности, в этой работе термин «агенса» применяется только к субъекту действий, о неконтролируемости которых в высказывании ничего не говорится.

Термин «экспериенцер» используется в [Мустайоки 2006: 162-164] для выражения субъекта ситуации физического или эмоционального состояния, физической или эмоциональной реакции или субъекта, ставшего жертвой происшествия: *потерять кошелек, упасть, сломать ногу, упасть в обморок, вздрогнуть, громко чихнуть, кошка попала под машину*. В [Падучева 2004: 54-56] под «экспериентом» понимается субъект восприятия (в том числе наблюдатель За кадром).

Термины «субъект», «субъект действия», «субъект осуществления» как основные или альтернативные другим терминам встречаются во многих работах [Зализняк 1992; Стексова 2002; Шрамко 2002; Падучева 2004; Левонтина 2006; Мустайоки 2006; Леонова 2007; и др.] и представляются наиболее нейтральными и общими, подходящими как к действиям псевдоагенса, происшествиям, так и действиям экспериенцера. В рамках предикатно-аргументного направления семантики синтаксиса субъект определяется как «план содержания первого актанта в прототипических конструкциях с участием любого глагола» [Касевич 1992: 28]; «некий производитель действия, который имеет экстралингвистического референта, и его семантическую репрезентацию, в прототипическом случае — в виде первого актанта предиката, который, при определенных условиях, может рассматриваться как агент» [Шрамко 2002: 39].

Таким образом, обязательным участником неконтролируемого действия считается субъект неконтролируемого действия, представленного, в зависимости от типа ситуации, псевдоагентом (ослабленным агентом) или экспериенцером. Отличительной чертой таких субъектов является одушевленность и теоретическая способность к воле, желанию и намерению, которые не актуализуются или не полностью актуализуются в данной ситуации.

Как справедливо отмечает Т.И. Стексова, учитывая модусно-диктумный характер неконтролируемости действия, или, в ее терминологии, категории невольности осуществления, «при описании семантической категории «невольность осуществления» к имеющимся обязательным компонентам следует добавить еще один — субъект, приписывающий осуществлению невольный

характер, другими словами, модусный субъект, или субъект модусной квалификации» [Стексова 2002: 47]. Понятие «субъект модусной квалификации» рассматривается в лингвистической литературе также в терминах соотношения говорящего и наблюдателя [Lyons 1979; Падучева 2000, 2004, 2006, 2008; Апресян 2006; Колесов 2009], субъекта восприятия и субъекта когниции [Магировская 2009 а, б]. Нас будет интересовать субъект базовой и вторичной концептуализации [Магировская 2009 а, б] или наблюдатель в широком смысле — как заместитель говорящего в сфере вторичного дейксиса [Падучева 2006]. Субъект квалификации, или наблюдатель, часто не имеет выражения в синтаксической структуре высказывания, оставаясь экспериентом «в позиции *За кадром*». При этом семантика глагола или ситуации в целом может предполагать наблюдателя в такой же мере, в какой семантика другого глагола предполагает, например, агенса (*The swimmer emerged from the lake; The blonde girl looked a bit confused, as did her friends*). Роль субъекта квалификации может выполнять: в речевом режиме — говорящий (*I fell face down on the pavement*); в нарративном — персонаж или повествователь (*John fell face down on the pavement*); в гипотаксическом контексте (т.е. в составе придаточного) — субъект подчиняющего предложения (*Mary said John had fallen face down on the pavement*) [Падучева 2008: 4]. Как видно, в одних случаях субъект осуществления и квалифицирующий субъект будут совпадать в одном лице, а в других они будут представлены разными людьми.

От того, кто является субъектом квалификации и что или кто является объектом квалификации, может зависеть наша интерпретация высказывания. Так, например, описание эмоций при самонаблюдении предполагает передачу более или менее точной информации (кому как не самому человеку знать, что именно он чувствует), в то время как описание эмоций других людей является лишь предположением субъекта квалификации, сделанным на основании наблюдений (например, на основании мимики и пантомимики другого человека). Именно поэтому описание эмоций других людей часто сопровождается глаголами *look, sound, seem*, предполагающими внешнюю оценку происходящего, и передает

особенности поведения / реакции человека в той же мере, в какой дает оценку его состояния.

От отношения наблюдателя к происходящему зависит и выбор конструкций и экспрессивных средств для описания ситуации. Так, одна и та же ситуация действительности может быть подана как контролируемая и неконтролируемая. К примеру, в [Chappell 1980: 411-452] рассматриваются особенности так называемого *get-passive*. В сочетании с глаголами контролируемого (с точки зрения пассивного субъекта) действия с негативной коннотацией (*fire, kill, shoot*) и возвратными местоимениями такие конструкции обозначают ситуации, ставшие побочным эффектом каких-то действий пассивного субъекта.

(1) *Jane was fired.*

(2) *Jane got herself fired [because she kept coming late to work].*

Так, в первом случае представлено контролируемое действие, ответственность за которое полностью лежит на человеке, уволившем Джейн. Во втором высказывании ответственность частично перекладывается на пассивного субъекта. С точки зрения работодателя действие по-прежнему остается контролируемым, однако теперь его можно рассматривать и с точки зрения уволенного сотрудника: Джейн делала что-то, что неизбежно вело к увольнению (опаздывала на работу, не успевала выполнять задачи в срок и т.д.). При этом ее действия сложно назвать намеренными, поскольку в рядовой ситуации человек, как правило, не хочет быть уволенным, подстреленным или убитым (по-другому можно интерпретировать ситуации с положительным исходом: *She got herself promoted*). Таким образом, действия Джейн вылились в некий нежелательный для нее исход.

При определении контролируемости / неконтролируемости ситуации, выраженной высказыванием или микроконтекстом, не ставится задача определить, какова ситуация была в реальности: интерпретация ситуации опирается исключительно на фокус эмпатии, избранный субъектом квалификации, и точку зрения субъекта квалификации, которая не является объективной (субъект квалификации может не обладать достаточным знанием,

быть предвзятым, намеренно вводить адресата и / или читателя в заблуждение, делать не подкрепленные фактами предположения и т.д.). Вполне возможно, что читателю или адресату уже известна другая интерпретация события или что другой взгляд на события будет выражен после. Ср. интерпретация одной и той же ситуации в разные моменты расследования:

Another time she found him asleep on a bench in her back garden. On his chest was guess what? A pair of Tilly's silk pyjama bottoms (Hannah).

'I get it!' Zannah flaps her hands. 'So he starts acting like more of a stalker to Tilly and gets caught with her PJs in the garden deliberately' (Hannah).

Сначала ситуация подается как неконтролируемая со стороны и героини, которая случайно обнаруживает в своем саду спящего человека, и того другого персонажа, случайно уснувшего в саду. Далее выясняется, что ситуация была подстроена, а следовательно, с точки зрения второго персонажа является контролируемой.

Итак, обязательными элементами любых ситуаций неконтролируемого действия, репрезентируемых в языке, признаются само неконтролируемое действие, субъект неконтролируемого действия (псевдоагенса или экспериенцера) и субъект квалификации (наблюдатель). Обязательными они являются не в том смысле, что двух этих нередко совпадающих актантов достаточно для выражения любого неконтролируемого действия, а в том, что ситуации, в которых они отсутствуют (то есть даже не имплицитуются, как, например, в каузирующих конструкциях в роли подлежащего: *His appointment on a two-year contract will disappoint David Hobbs* [Шрамко 2002]) вообще не рассматриваются как действия.

При дальнейшей классификации ситуаций неконтролируемого действия можно также выделить случаи, когда обязательными являются объект (пациент или экспериенцер), бенефактив, каузант, локатив — в соответствии с существующими типовыми ситуациями. Инструмент, средство, сирконстанты и др. всегда являются факультативными элементами.

1.4. Типы неконтролируемых действий

Существует немало лингвистических работ, посвященных изучению типов неконтролируемых действий и способов их репрезентации: на материале русского языка [Зализняк 1992; Стексова 2002; Падучева 2004; Левонтина 2006; Мустайоки 2006; Леонова 2007 и др.]; русского и французского языков [Письмак 2009]; английского языка [Givon 1984 (2001); Аринштейн, Пантелеева 1988; Шрамко 2002; Болотина 2008; Куцевич 2015 и др.].

Традиционно различают следующие типы неконтролируемых ситуаций Р: 1. Х вообще не является участником Р. 2. Х является участником Р, но не контролирует Р. Здесь различаются три случая: а) в принципе не контролируемые ситуации (отсутствие намеренного действия): *Он вздрогнул*, б) ситуации, где объект намерения не совпадает с результатом — ср. *Я нечаянно надел чужую шляпу*, где неконтролируемость результата обусловлена несовпадением намерения (надеть свою шляпу) и результата. Этот тип неконтролируемости может быть описан также как несовпадение представления субъекта о совершаемом действии с реально совершаемым действием (обратим внимание на то, что здесь имеется субъект намеренного действия, который, однако, не контролирует ситуацию); в) результат намеренного действия Х–а не рассматривается как однозначно определяемый этим намеренным действием: *Он выиграл* [Зализняк 1992: 65].

В данной работе рассматривается второй тип неконтролируемых ситуаций по А.А. Зализняк: ситуации неконтролируемого *действия*, где одушевленный субъект является участником ситуации, но не контролирует ее. Уточним, какие именно действия понимаются под каждым из названных типов в рамках данной работы.

А) В принципе не контролируемые действия.

К таким ситуациям относятся 1) машинальные действия; 2) действия-реакции (включая наблюдаемые симптомы или мимические и др. проявления эмоционального состояния).

1) Как репрезентанты **машинальных действий** нами рассматриваются высказывания, эксплицирующие машинальность осуществления действия (например, при помощи выражений *automatically, without thinking*), отсутствие четкого намерения / стадии целеполагания, следование некой стереотипной программе. При этом машинальное действие может приводить как к ошибке, неудаче, так и к результату, который нельзя однозначно трактовать как промах.

Although I used my best Italian, the receptionists automatically replied in English (OALD); 'Of course,' he said. 'And your mother? How is she?' 'She's very well, thank you,' Juliet answered automatically (Atkinson).

2) **Действия-реакции.** Хотя существуют работы, в которых в принципе не контролируемые действия понимаются достаточно широко и включают в себя также нерезультативные эмоциональные и физиологические состояния [Письмак 2009], в данном исследовании рассматриваются только наблюдаемые моторные проявления таких состояний.

Таким образом, к действиями-реакциям могут быть отнесены физиологические моторные реакции на внешние и внутренние раздражители (например, симптомы болезни) или физически выраженные реакции на психические раздражители [Арутюнова 1999: 799; Стексова 2002; Письмак 2009], подразумевающие изменение положения субъекта или частей его тела в пространстве, производство звуков, изменение выражения лица и т.д.:

He had broken out into a sweat and was trembling slightly (Lexico.com); I coughed, my lungs contracting to rid me of the disgusting substance (Lexico.com); And then Wendy sneezed (OALD); She gave out a low moan <...> and attempted to raise her hands to massage her throbbing temples (Lexico.com); I was sick three times in the night (OALD); His voice remains level, but he blinks quickly and hard; etc (Lexico.com).

Элементы мимики, пантомимики, проксемики и т.д., свидетельствующие об эмоциональной реакции:

she was smiling broadly (Lexico.com); she gave a loud, silly laugh (Lexico.com); She then frowned slightly (Lexico.com); Ivory's lip trembled slightly and

her body shook with fear (Lexico.com); Roger let out a long-suffering sigh (Lexico.com); She clenched her hands together and began to pace [Шрамко 2002], etc.

Как уже отмечалось в параграфе 1.2 со ссылкой на [Плунгян, Рахилина 1985: 45], действия, обозначающие эмоциональные реакции, не являются принципиально неконтролируемыми: как минимум, их можно остановить на стадии осуществления, а в некоторых случаях их можно сдержать. Но все же в большинстве случаев эти действия являются спонтанной реакцией человека, совершаются без заранее существующего намерения и цели [Шрамко 2002]. «Их можно удержать, но от них бывает трудно удержаться», как верно замечено в [Арутюнова 1999].

Хотя как таковые высказывания, описывающие статичные положения вещей, состояния не являются объектом нашего исследования, как представляется, отдельно стоит обратить внимание на способы описания эмоционального и физического состояния субъекта высказывания субъектом квалификации. Они могут быть переданы посредством названия определенных мимических и т.д. реакций или посредством интерпретативов, выражающих эмоциональные реакции, такие, как злоба, удивление, смущение, страх. Когда сторонний наблюдатель характеризует что-то эмоциональное состояние, он в любом случае опирается на различные внешние видимые проявления, характерные для тех или иных эмоций [Апресян 2006: 155]. Так, испуганный человек может бледнеть, трястись, начать заикаться; удивление выражается, например, в округлившись глазах, вскинутых бровях; смущение — в румянце, опущенном взгляде; радость — в улыбке, интонации и жестах рук и т.д. При этом субъект квалификации (наблюдатель) может быть инкорпорирован в конструкцию, описывающую эмоциональную реакцию, как в *Drogin looked startled; He sounded resentful. I am sure he was (Mieville); Prendergast seemed lost in thought — about joy, or more likely the lack of it, Juliet supposed (Atkinson)*, а может остаться полностью за кадром, как в *She's surprised to see me and not in a good way; she can't hide it either (Hannah)*.

Как представляется, здесь действует механизм метонимического переноса (причем зачастую не только на уровне лексики, но и на уровне синтаксиса): мы описываем внутренний процесс на основе внешних его проявлений, так что, по сути, можно говорить о том, что через конструкции, вербализующие эмоциональное состояние, репрезентируются неконтролируемые физические реакции, которые также относятся к разряду действий. Однако следует отметить, что сами по себе эмоциональные состояния неконтролируемыми действиями в данной работе не считаются, а следовательно, рассматривать описание наблюдателем собственных эмоций как интерпретацию внешних проявлений не представляется возможным.

Б) Ситуации, где объект намерения не совпадает с результатом.

В [Письмак 2009] такие действия обозначены как «неконтролируемые действия в результате утраты контроля». В данной работе эта группа ситуаций понимается иначе, чем в указанной работе, однако такая номинация представляется удачной и, главное, отражающей суть данного типа неконтролируемых действий. Если предыдущая группа включала ситуации с актантом-экспериенцером, то в этой группе актантом будет выступать псевдоагенса, так как утрата контроля происходит в рамках осуществления намеренного действия.

Основной «системой координат» для таких действий будет многофазовая структура действия [Сильницкий 1983; Кустова 1992; Зализняк 1992; Шрамко 2002; Леонова 2007; Куцевич 2013, 2015, 2020 и др.], которая уже упоминалась в параграфе 1.2., наряду со связанными с ней особенностями репрезентации неконтролируемых действий. Условно говоря, процесс производства действия можно разделить на ментальную фазу, эффекторную фазу (попытки) и результат. Сбой на одной из этих фаз может привести к частичной или полной утрате контроля. Репрезентироваться такое неконтролируемое действие может при помощи глаголов с ингерентным значением утраты контроля (*make a mistake, underproduce, overcook*), при помощи факторной лексики и лексико-грамматических структур, имеющих значение утраты контроля (*forget, fail, an*

insane impulse, accidentally, without success, do sth instead of sth, couldn't find), узкого контекста.

Следующие высказывания иллюстрируют **сбой на ментальном этапе**:

*She **had intended to give the cash to Adam**, but in a sudden pointless change of mind, she handed it to Pauling instead (McEwan); Robin **wanted to go on to a discotheque**, but I explained that I had an appointment back here (Lodge).*

Говоря об утрате контроля на этапе попытки, выделяют нечаянности (непроизвольные физические действия) и промахи и ошибки [Арутюнова 1999: 800]; или, в другой терминологии, происшествия¹ и действия-девиации [Письмак 2009]. Обобщенно можно охарактеризовать эти две группы следующим образом: осуществление или неосуществление происшествий изначально в целом потенциально зависит от субъекта, но реализация действия происходит именно из-за утраты контроля с его стороны. Происшествия, как правило, подразумевают нанесение вреда себе или другому человеку. Девиации (промахи и ошибки) появляются вследствие неполного контроля субъекта над процессом осуществления действия (зачастую из-за незнания, недостатка опыта, невнимательности, усталости и т.д.). Получившееся разделение, однако, не является принципиальным.

Нечаянности. Ситуации-нечаянности, ситуации-происшествия, «отрицательные достижения» рассматривались в [Dowty 1979; Арутюнова 1999; Стексова 2002; Падучева 2004; Левонтина 2006; Мустайоки 2006; Письмак 2009 и др.]. К таким ситуациям относятся физические действия, совершаемые против воли субъекта. Такие ситуации являются, по сути, провалом, неудачей в рамках целесообразной деятельности («падение», «потеря равновесия», «утрата предмета», «ненамеренное нанесение вреда предмету или человеку», «случайно вырвавшиеся слова» и проч.):

her foot caught in the rug and she stumbled** (Lexico.com); **The fire had started when she fell asleep and dropped her cigarette** (Lexico.com); **Nick had fallen down

¹ Термин «происшествия» в этом значении не универсален. Так, в [Падучева 2004] к происшествиям относятся любые ситуации с нежелательным исходом: нечаянности, ошибки и т.д.

into the same pit that Scott and Sean fell into (Lexico.com); my phone slips from between my fingers (Hannah); Flora was the only possible weak link, the one who couldn't necessarily be trusted not to let something slip (Hannah), etc.

Необходимо отметить, что лексемы и лексико-грамматические структуры, используемые для выражения происшествий, часто являются основой для различного рода метафор, однако не все результирующие высказывания также можно считать репрезентантами неконтролируемых *действий*. Ср.: *she fell pregnant (Lexico.com); He fell into despair over his failure as a husband (OALD); They fell in love with each other (OALD)* — такие высказывания описывают состояние, а не происшествие. С другой стороны, *In her nervousness she stumbled over her words (OALD)* описывает утрату контроля во время выполнения речевого действия.

Выделяются также ситуации другого типа — когда субъект делает что-то вполне осознанно, однако, поскольку он не владеет ситуацией в полной мере или не может оценить всех последствий, результат отличается от его намерений [Левонтина 2006: 212], но не в том смысле, что человек не достигает изначально поставленной цели, а в том, что помимо ожидаемого результата, он получает еще и побочный. И.Б. Левонтина приводит в качестве примера цитату из «Мастера и Маргариты»: «Как легионеры снимают с него веревки, **неволью причиняя ему жгучую боль в вывихнутых на допросе руках**», — невольным, побочным, действием может быть причинение боли. И.Б. Левонтина, Л.И. Шрамко также приводят примеры невольной каузации эмоционального состояния: *Простите, я обидел вас неволью [Левонтина 2006]; And whatever you may think, I know you've disturbed her; His appointment on a two-year contract will disappoint David Hobbs [Шрамко 2002]*.

Каузативные ситуации состоят, по меньшей мере, из двух микроситуаций, связанных между собой отношениями каузации или причинения. Структура таких ситуаций может быть представлена следующим образом: [X does P] cause [Y become depressed]. В роли инициатора воздействия может выступать как эксплицитно выраженный субъект-актор, так и пропозиция с одушевленным

субъектом, выполняющая роль темы / каузанта. При этом инициатор-субъект также метонимически представляет некую ситуацию, которая и являлась причиной изменения состояния объекта воздействия. Предложение: «Он испугал её» означает, что субъект в некой имплицитной антецедентной ситуации совершил нечто, что могло привести к данной консеквентной ситуации [Шрамко 2002].

К **девиациям** отнесем ошибки, промахи и неудачи, ситуации, вышедшие из-под контроля и приведшие к отрицательному или нежелательному результату вследствие недостаточной квалификации или аффективного состояния субъекта, неудачного стечения обстоятельств, вмешательства другого субъекта или силы и проч.

*I put two “x”s in my last message **instead of three** (Hannah); He searches in the kitchen cupboard for a fresh roll **without success** (Lodge); a stewardess **put on the emergency ditching tape by mistake** (Lodge); She **had tried to explain** that she had been utterly exhausted <...> But Parminder had cut her off in the middle of her rambling excuses (Rowling).*

В отдельную группу можно выделить действия, отличающиеся от нормы количественно: они избыточны или недостаточны. Зачастую такие действия выражаются при помощи глаголов с приставками *over* и *under*: *overdose, overcook, overdo, overdrink, underachieve, underproduce, etc.*

При этом отмечается, что «приставка *over* у глагола действия не может служить однозначным маркером принадлежности к группе глаголов отрицательного результата действия с элементом значения чрезмерности совершения действия. Так, ряд глаголов с приставкой *over* реализуют значение контролируемого достижения запланированного результата (*overpower, overcome, overreach*)» [Шрамко 2002: 72]. Другие глаголы с приставкой *over* и *under* по своим семантическим характеристикам скорее репрезентируют нечаянности / происшествия (*overbalance, overlook*) или ментальный сбой (*underestimate*) [2002: 73].

В) результат намеренного действия положительный, но не рассматривается как однозначно определяемый этим намеренным действием

Отличием этой группы действий от предыдущей является то, что результат рассматривается как положительный, хотя и не определяется полностью усилиями субъекта. Здесь тоже происходит частичная утрата контроля на эффекторной стадии, выраженная в количестве прикладываемых усилий, нерегулярном способе действия, элементе удачи и т.д. Так или иначе, эта группа имеет пересечения с группой действий-реакций, поскольку многие из перечисленных действий можно рассматривать как проявление симптомов или эмоциональных реакций (например, хриплый голос или прерывистая речь могут быть симптомами недомогания или реакциями на психические раздражители, но они не обязательно мешают передаче информации посредством речи).

Можно выделить три группы действий, характеризующихся не полностью контролируемым способом исполнения: 1) движение, 2) говорение, 3) принятие пищи [Шрамко 2002]. Например: *shuffle, croak, champ*.

Для того, чтобы показать, что достижение результата требует затраты дополнительных усилий и преодоление сложностей, используются глаголы типа *manage (Succeed in doing something especially something difficult — OALD)*, *cope (to deal successfully with something difficult — OALD)*, у которых сложность достижения результата прописана в лексическом значении (или иные факторные средства):

*I was blessed with ward staff who had **coped successfully** with other difficult situations (OALD); They **forced** a way through the crowd (OALD); Mark Forester **pushed** through the bustling nurses (Knox);*

либо эксплицируются сложности на этапе попытки:

*This proves <...> that he possesses an admirable **pertinacity of purpose**, since it must have been **extremely difficult to study** under prison-camp conditions [Куцевич 2015]; I had to **trudge** the 6 miles home **through slippery snow** (BBC).*

В эту группу также включены ситуации, в которых в достижении результата сыграли роль удача или случай, в том числе, когда речь о победе в соревновании, когда сразу несколько субъектов прикладывают усилия для достижения цели.

Sunderland won 2–1 (Lexico.com); He won four races off the reel in the first half of last season (Lexico.com).

Тем не менее, необходимо различать ситуации, где удача лишь сопровождает усилия субъекта, и ситуации, где удача является основным компонентом достижения цели [Шатуновский 1989; Стексова 2002], как в случае с лотерейным билетом или как в случае с различными премиями: номинирование автора фильма, книги, изобретения и т.д., как правило, выполняется по инициативе третьих лиц, то есть победу такого рода можно квалифицировать скорее как происшествие — наподобие ситуаций невольной каузации внутреннего состояния у экспериенцера. Такое же толкование подойдет и ситуациям типа *Jane got herself fired*. Действия псевдогенса X невольно каузировали состояние экспериенцера Y (аудитории / членов жюри / начальства), в результате которого Y совершили действия, касающиеся X.

Выделяемые группы неконтролируемых действий условны, и границы между ними размыты. Классифицируемые единицы имеют существенные различия качественного и количественного характера. Так, эффекторная стадия не полностью контролируемой, но в целом успешно завершившейся ситуации «Еле добрался до дома [из-за погодных условий]» может включать целый ряд происшествий («увяз», «застрял», «поскользнулся», «упал»), физиологических и эмоциональных реакций («дрожать от холода», «вздохнуть», «нахмуриться») и т.д. Задачей приведенной классификации является скорее демонстрация многообразия неконтролируемых действий и различных особенностей (степеней) реализации категорий «воля», «цель», «намерение», «результат» и т.д. в ситуациях неконтролируемого действия.

Выводы

1. Номинация «неконтролируемое действие» используется для называния чего-то, похожего на действие, но не действия как такового. Неконтролируемое действие является предикативным центром некой динамической ситуации, локализованной во времени и пространстве, а также обладающей одушевленным субъектом-экспериенцером или псевдоагентом.

2. Действие — это многофазовый процесс, состоящий, как минимум, из ментальной и эффекторной стадии, а также результата. Действие считается контролируемым, если намерение субъекта совпадает с результатом, который полностью достигнут усилиями субъекта. Отсутствие контроля на одной из стадий или несоответствие результата намерению говорит о неконтролируемости действия.

3. Признак контролируемости / неконтролируемости не элементарен: за ним стоит целый ряд семантически близких, но не тождественных признаков: воля, каузация, намеренность, агентивность, цель, произвольность и проч. Термины «контролируемость» и «неконтролируемость» сами по себе условны, поскольку в реальном мире не существует четкого разделения ситуаций на полностью контролируемые и полностью неконтролируемые, различия состоят, как правило, в степени контролируемости. В языке эта градуальность выражается в неустойчивости признака «контроль», который может подавляться различными средствами (интенциональной лексикой, синтаксической структурой, контекстом), а также в размытости, сложноопределимости признака «контролируемость / неконтролируемость» для некоторых видов действий, репрезентируемых в языке.

4. Кваликативная модальность неконтролируемости имеет внутрипропозитивный характер и является неотъемлемой чертой диктумного события, ее утрата ведет к изменению смысла всего предложения.

5. Субъектом любого неконтролируемого действия является одушевленный субъект, человек, в принципе обладающий сознанием и волей, но в данной

конкретной ситуации их не активирующий. Неконтролируемое действие производится ненамеренно, нецеленаправленно, против или безотносительно воли субъекта (также: номинация «псевдоагенса» — в случае субъектов изначально контролируемых ситуаций, «экспериенцер» — для субъектов физической или эмоциональной реакции, происшествия). Учитывая модусно-диктумный характер неконтролируемого действия, для правильного толкования сообщения важно знать фокус эмпатии, представленный наблюдателем / говорящим, с чьей точки зрения описана ситуация. При этом субъект интерпретации может совпадать и не совпадать с субъектом действия. При рассмотрении конкретных случаев неконтролируемого действия обязательными актантами могут являться также объект, адресат или пространственный ориентир.

6. Ситуации неконтролируемого действия подразделяются на 1) принципиально неконтролируемые ситуации, такие, как неконтролируемые физические или эмоциональные реакции и машинальные действия; 2) ситуации, где объект намерения не совпадает с результатом: происшествия, ситуации неконтролируемой каузации, девиации (неудачи, ошибки); 3) ситуации с положительным результатом, который определяется усилиями не только субъекта.

ГЛАВА II. ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ ФРАГМЕНТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

2.1. Предложение как языковой знак

Термин «предложение» может подразумевать как единицу языка, так и единицу речи. Чтобы избежать этой двусмысленности, в настоящей работе будут разграничиваться *предложения* как единицы языка, типовые последовательности словоформ, используемых для обозначения субъекта и предиката мысли, и *высказывания* как единицы речи, конкретные, лексически определенные предложения, обладающие позиционной схемой [Падучева 1985, Богданов 1977, Кобозева 2000, Волохина, Попова 2003]. Иными словами, высказывание — это актуализация языкового знака, то есть предложения, в речи. План содержания предложения называется значением или языковым смыслом, и это та информация, которую способен извлечь любой носитель того или иного языка, опираясь лишь на свои лингвистические знания, как то: значения слов, синтаксических конструкций, интонационных схем. Если же предложение рассматривается не как тип, или псевдопредложение (термин В.А. Звегинцева), а как конкретный экземпляр, *высказывание*, то его план содержания называется речевым, или актуальным, смыслом, и в данном случае подразумевается, что для извлечения всей закодированной информации недостаточно одних только лингвистических знаний, но релевантны также знания коммуникантов о мире, друг друге, коммуникативной ситуации и т.д. [Кобозева 2000].

В языке, как и в любой семиотической системе, можно выделить два типа знаков: частичный и полный. При этом предложение (высказывание) будет считаться полным знаком — законченным и однозначным продуктом семиозиса, непосредственно соотносимым с ситуацией; частичным знаком будет считаться слово как многозначный элемент, используемый для построения полного знака и

соотносящийся с действительностью посредством включения в полный знак [Гак 1998: 206-207]. Предложение имеет означаемое и означающее (в другой терминологии — поверхностную и глубинную структуру, форму и значение, номинацию и сигнификат и т.д.), при этом в качестве означаемого выступает не ситуация действительности (также «событие», «положение вещей»), а пропозиция (концепт ситуации, ситуация-идея), структура которой изоморфна структуре ситуации действительности. Такой подход заимствован в том числе из трудов Л. Теньера и Ч. Филлмора, встречается в работах В.Г. Гака, Е.В. Падучевой, А.Е. Кибрика, И.М. Кобозевой и др.¹

Итак, предложение как языковой знак описывает некий ментальный образ фрагмента действительности, который в том или ином виде закрепился в сознании субъекта коммуникации. Сигнификатом высказывания выступает концепт или идеальный образ ситуации, а не сама ситуация.

Отметим, что «ситуация» не единственная и не универсальная номинация для обозначения фрагмента действительности, подлежащего концептуализации и последующей вербализации в высказывании. Как часто бывает в лингвистике, термины и толкования разнятся в зависимости от автора. Действительно, несмотря на кажущуюся интуитивную понятность и смежность терминов «ситуация», «событие», «положение вещей», «положение дел», какого-то единого подхода к их толкованию нет. Нередко даже в рамках одной работы один и тот же термин осознанно употреблен в разных значениях. Также не исключено, что в одной работе термины заявлены как взаимозаменяемые, аналогичные, а в другой служат для разграничения понятий. В целом, различия в трактовке можно описать таким образом: 1) использование термина для наименования разных уровней концептуализации реальности; 2) использование термина в широком и узком значении (например, ситуация как любой отрезок действительности, репрезентируемый в языке, и ситуация — вид статического явления [Булыгина, Шмелев 1997]). Такая вариативность во многом связана с собственной

---

¹ Существует и другой подход. Так, некоторые лингвисты соотносят высказывание с действительностью только на уровне субъекта высказывания и его референции. См. [Арутюнова 1967: 179-190; Стросон 1982]

семантикой терминов (например, «событие» имеет значение динамичности, а «положение вещей», наоборот, тяготеет к статичности).

В широком смысле ситуацией или ситуацией действительности называют все, что может быть описано с помощью предложения (в этом же обобщенном смысле часто употребляются термины «событие», «положение дел») [Демьянков 1983: 325; Падучева 1985: 7; Арутюнова 1999: 507; Кобозева 2000: 59]. В.Г. Гак определяет ситуацию как референт высказывания, «совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности в момент сказывания и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» [Гак 1998].

Г.Г. Сильницкий разграничивает понятия ситуации и референта ситуации: «на референтном уровне ситуации соответствует некоторый отрезок действительности, вычлняемый говорящим из континуума объективных явлений путем «наложения» на него данной ситуации». Там же: «под ситуацией понимается сложная семантическая единица, выражаемая предложением» [Сильницкий 1973: 373]. Таким образом, ситуация рассматривается скорее как концепт действительности (то, как отрезок действительности воспринят и категоризирован субъектом).

Термин «событие», как уже упоминалось, может использоваться в сугубо неязыковом значении, как синоним «ситуации» и «положения вещей». Например, в работах О.В. Магировской по концептуализации речь ведется именно о событии (предметный мир — действие — событие) [Магировская 2009: 78-89]. Но есть и более узкое понимание термина. Так, В.З. Демьянков выделял три варианта интерпретации события: 1) событие как идея; 2) собственно событие; 3) текстовое событие, — по замечанию самого автора, они примерно соответствуют вендлеровскому разделению событий, пропозиций и фактов с той лишь разницей, что событие как идея включает в себя пропозициональную установку, а соответственно, шире пропозиции. Под текстовым же событием подразумевается «интерпретация отрезка текста в его контексте» [Демьянков 1983: 321].

У Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева термины «ситуация» и «событие» зарезервированы для обозначения частных типов положений вещей, под которыми подразумевается отрезок действительности, «то, что может иметь место в каком-то мире» [Булыгина, Шмелев 1997: 46]. У А. Мустайоки наименованием «положение дел» обозначена основа семантического уровня концептуализации [Мустайоки 2006: 25].

Как представляется, для обозначения вербализуемого отрезка внеязыковой действительности семантически лучше всего подходит термин «ситуация». Он достаточно распространен в трудах отечественных лингвистов и не создает путаницы, как, например, термин «событие», акцентирующий внимание на динамичности описываемого явления.

Семантический план высказывания, как правило, описывается в терминах логики и концептуальной лингвистики — как концепт или пропозиция. Фрагмент действительности, ситуация, наблюдается субъектом коммуникации и прогоняется через призму своего восприятия, как бы преломляясь в сознании, и, вследствие работы механизмов категоризации и концептуализации, его образ или слепок закрепляется в сознании в виде некоего **концепта**. Причем если лексически репрезентируемые концепты отражают знания о реальном мире, а морфологически репрезентируемые концепты — о языке, то синтаксически репрезентируемые концепты (репрезентируемые при помощи предложения) отличаются тем, что своей структурой соединяют знания о реальном мире и о языке [Болдырев, Фурс 2004: 69]. Нередко «синтаксически репрезентируемый концепт» сокращается до «синтаксического концепта», но значение этого словосочетания, разумеется, конвенционально, поскольку концепты являются элементами не языка, а мышления [Волохина, Попова 2003, Фурс 2004, Кузьмина 2015].

В существующих определениях синтаксического концепта лингвисты так или иначе показывают взаимосвязь понятий концепта, пропозиции и синтаксической модели. Так, синтаксический концепт определяется как (1) «типовое отношение, установленное между компонентами пропозиции»

[Волохина, Попова 2003: 8]; (2) «некоторый понятийный субстрат (максимально абстрагированные компоненты смысла), концентрирующий в структурированном виде знания о мире и о языке и сориентированный на репрезентацию этих знаний синтаксическими средствами (в пропозициональной форме)» [Фурс 2004: 94]; (3) «объективируемая структурной моделью предложения и представленная в виде типовой пропозиции (структурированной совокупности смыслов) единица знания о мире — знание об одном из типов отношений между предметами, выделяемых в действительности» [Кузьмина 2015: 32]. Как представляется, логичным будет разделять понятие концепта и понятие пропозиции, как в (2) и (3), поскольку сам по себе концепт, или синтаксический концепт, представляет собой недискретную и многомерную ментальную величину, и лишь некоторая часть содержащихся в нем смыслов и отношений структурируется посредством типовой пропозиции и реализуется в предложении (высказывании) [Kuzmina 2013].

Понятие «типовой пропозиции» в каком-то смысле тождественно понятиям логики «пропозициональная функция» и «пропозициональная форма», которые называют выражение, содержащее одну или более переменных и становящееся пропозицией при подстановке на место этих переменных неких сущностей [Кобозева 2000, Падучева 2009]. Типовая пропозиция рассматривается как некая упорядоченная ментальная структура, связывающая мышление (концептосферу) и язык. Типовой пропозицией или пропозициональным компонентом содержания предложения называют «мыслительную структуру предложения, отражающую типизированные связи и отношения, классифицированные человеческим сознанием, что свидетельствует о наличии в языке ряда конструкций (типовых пропозиций) как маркеров когнитивных блоков информации» [Болдырев, Фурс 2004: 68]; компонент, отражающий объективное содержание предложения (описываемую им ситуацию действительности) и лишенный каких-либо оценочных, модальных, прагматических компонентов, которые выражают отношение говорящего к ситуации [Кобозева 2000: 217-218].

Основой пропозиции является предикатно-аргументная, или реляционная, структура. Выделяется некоторое количество сущностей или объектов-

участников, связанных определенным отношением и обладающих некоторыми свойствами [Chomsky 1965; Langacker 1991; Fillmore 1968, 1972; Lakoff, Johnson 1980; Чейф 1983; Jackendoff 1990; Арутюнова 1976; Булыгина, Шмелев 1997; Кобозева 2000; Фурс 2004; Мустайоки 2006; Болдырев 2009, 2016 и др.]. Объекты и сущности отражаются предметными составляющими пропозиции, **термами и именами** (также — аргументами); тип отношения, связывающий участников, — признаковым элементом пропозиции, **предикатом**. Согласно вербоцентричной модели, предикат считается определяющим элементом в структуре пропозиции, поскольку ситуация определяется не объектами-участниками, а их отношениями. Семантические отношения между ними представлены при помощи глубинных падежей, или семантических функций (ролей) аргументов: агенс, пациенс, экспериенцер, инструмент, бенефактив, место и т.д. [Болдырев 2016: 48]. Термы, обозначающие обязательных партиципантов ситуации, называют **аргументами или актантами**, но, помимо них, в структуру пропозиции могут также факультативно входить и другие термы, указывающие на различные характеристики и обстоятельства ситуации, но не связанные напрямую с ее участниками, — **сирконстанты** [Кобозева 2000: 220; Givon v.1 2001: 162; Мустайоки 2006: 152; Болдырев 2016: 48].

С точки зрения когнитивной лингвистики, «семантика любого языкового выражения является не детальным портретом объекта, а скорее его зарисовкой» [Ирисханова 2014: 40]. Так и при восприятии ситуации какие-то более значимые для говорящего элементы выходят на первый план, становясь «фигурой» высказывания, а другие остаются «фоном», что выражается в выборе синтаксической конструкции для вербализации концепта [Talmy 1978, 2001, 2007]. По У. Чейфу, построение пропозиции включает: (1) выделение предметов из события или ситуации, охватываемой эпизодом, и (2) приписывание ролей этим предметам в рамках данного события или ситуации. Так, одной и той же реальной ситуации могут соответствовать разные пропозиции. Высказывания (1) «*Потом я съел сандвич*» и (2) «*Потом я поел*» имеют разное пропозициональное содержание (в (1) объект действия выражен, а в (2) — нет),

хотя и могут описывать одну и ту же ситуацию действительности [Чейф 1983, 47-48].

Помимо пропозиционального (объективного) содержания, высказывание содержит еще пропозициональную установку (также: «модальность» в разных значениях), выражающую разные аспекты отношения субъекта к вербализуемой ситуации [Fillmore 1968; Арутюнова 1976: 56; Падучева 1985; Падучева, Зализняк 1989; Шатуновский 1989].

Означающим (знаком) синтаксического концепта является структурная схема или структурная модель простого предложения (англ. «the minimal structure of the sentence», «sentence pattern») [Алисова 1971; Структурный синтаксис английского языка 1972; Золотова 1973; Белошапкина 1981; Goldberg 1995; Волохина, Попова 2003]. Она, по сути, представляет собой некий «формальный образец, обладающий определенным значением и состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения» [Кузьмина 2015: 60]. При этом структурная модель предложения существует отвлеченно от каких-либо лексических, морфологических значений и по своей организации максимально близка к структуре пропозиции, представляя предложение в его «виртуальном», не актуализированном виде.

Модель характеризуется некоторым типом, количеством, порядком расположения конституирующих ее элементов, которые представляют собой синтаксические позиции, заполняемые знаменательными словами тех или иных морфологических классов и стоящих в определенной форме, или сочетаниями компонентов (при этом один компонент подчиняет другой). Между составными частями модели устанавливаются синтаксические отношения. С функциональной точки зрения, элементы модели называются «подлежащим», «сказуемым» и «дополнением». Подлежащее и дополнение (или актанты, говоря в терминах семантического синтаксиса) обозначают участников ситуации действительности, а сказуемое (или предикат) — свойства актантов и связи между ними.

Поскольку структурная модель предложения представляет собой некий структурный минимум элементов, достаточный для описания той или иной

ситуации, из него, как правило, исключаются характеристики действий или процессов, не связанные напрямую с участниками ситуации. В традиционном синтаксисе их называют обстоятельствами, а в семантическом — сирконстантами. Определения также не имеют отдельной позиции в структурной модели. Они либо являются составной частью другой позиции структурной модели, либо, когда они не связаны неразрывно с объектом ситуации (Ср.: She has curly hair — *she has hair. He talked to the red-haired girl — he talked to the girl), вовсе исключаются из структурного минимума [Белошапкина 1989; Kuzmina 2013 и др.].

Вопрос о включенности в состав структурного минимума дополнений и локативных обстоятельств, или обстоятельств места, неоднозначен. Можно выделить два подхода к пониманию этой проблемы.

Первый подход, выдвинутый Н.Ю. Шведовой, формальный: под структурным минимумом предложения понимают набор элементов, минимально необходимый для выражения категории предикативности, иными словами грамматического значения предложения (эта категория понимается как отнесенность сообщаемой предложением информации к действительности и формируется грамматическими категориями наклонения и времени). Согласно этому подходу, структурная модель ограничивается двумя главными членами предложения: подлежащим и сказуемым, что соответствует традиционному подходу к грамматике предложения [Белошапкина 1989: 634-636].

С другой точки зрения, фокусирующейся не только на форме, но также на смысле предложения, двухкомпонентная модель не всегда грамматически и информативно достаточна [Волохина, Попова 2003: 8] и не способна отразить весь инвентарь синтаксических моделей языка. Не учитывает она и роли психолингвистических факторов в формировании высказывания [Копров 2002]. Предложение представляет собой реляционную структуру, отражающую некоторое отношение между предметами действительности. Соответственно, все вышеупомянутые предметы, актанты некоей внеязыковой ситуации, и составляют основу предложения и являются его равноправными членами. Сторонники

вербоцентрической концепции предложения говорят о реализации обязательных синтаксических и семантических валентностей глагольного предиката. По количеству аргументов существуют одноместные, двухместные и т.д., n-местные [Алисова 1971; Золотова 1973; Кобозева 2000; Волохина, Попова 2003].

Итак, для того, чтобы отразить фрагмент действительности со всей полнотой и в том виде, в котором он осмысливается говорящим, кроме подлежащего и сказуемого, предложение может содержать второстепенные члены предложения, а именно дополнения и локативное обстоятельство. Последнее выделяется из ряда других сирконстантов за счет своей соотнесенности с актантами (некоторые предложения кардинально меняют смысл, если из них убрать обстоятельства места: Ср.: He ran downstairs — *He ran) и прямой зависимости от валентности предиката, так как существуют глаголы, которые предполагают распространение со значением местоположения: конечной точки, начальной точки, места действия и т.д. Из-за этих особенностей локативное обстоятельство признается актантом и обязательным членом предложения [Апресян 1969].

Включение дополнений в структурный минимум модели также оправдано необходимостью их использования для полноценного отображения ситуации. Причем, как и в случае с локативными обстоятельствами, при исключении дополнения из состава предложения может пострадать как семантический, так и грамматический смысл, поскольку валентность некоторых глаголов предполагает определенное количество дополнений. Ср.: She bought him a gift — *She bought him, *She bought. С другой стороны, если дополнение не демонстрирует неразрывной связи с актантами и предикатом (к примеру, некоторые предложные дополнения со значением бенефициара или инструмента) [Кобозева 2000; Мустайоки 2006; Кузьмина 2015], то включать его в минимальную структуру нет необходимости. Ср.: They were killed with a knife — They were killed. I will sing for you — I will sing.

Таким образом, в минимальную модель предложения входят следующие основные элементы: подлежащее, сказуемое, прямое и косвенное дополнение, локативное обстоятельство.

Лингвистами, занимающимися изучением английского синтаксиса, были составлены перечни различных структурных моделей простого предложения, причем количество моделей колеблется от трех до тридцати девяти [Почепцов 1971; Хорнби 1993; Бархударов 1966; Roberts 1958; Greenbaum, Quirk 1998]. Различные подходы к определению структурных минимумов предложения (на примере классификаций П. Робертса, Дж. Хука и Э. Мэттьюса, Х. Уайтхолла, С. Гринбаума и Р. Квирка и др.) сопоставляются, например, в [Структурный синтаксис английского языка 1972; Разумова 2008; Кузьмина 2015].

Разнообразие подходов может быть объяснено расхождениями в определении тождественности моделей, а также степенью подробности предлагаемых списков. Так, например, встает вопрос, выделять страдательные конструкции в отдельные категории или считать их трансформами соответствующих конструкций действительного залога [Почепцов 1971; Адмони 1973]. В данной работе структуры с глаголом в пассивном залоге рассматриваются как трансформы структур с глаголом в активном залоге, при условии, что между исходной и производной структурами устанавливаются отношения логической эквивалентности: утверждение одного истинно тогда и только тогда, когда истинно утверждение другого, и наоборот [Кобозева 2000: 212; Кузьмина 2015: 68].

Разнообразие структурных моделей также может быть связано и с желанием авторов показать формальные различия между функционально тождественными моделями. Так, в [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981] выделяются модели с обстоятельством времени и места. А.С. Хорнби [Хорнби 1993], предлагающий список из 25 структурных схем, разделяет модели типа «подлежащее+сказуемое+дополнение» (SPO) по особенностям репрезентации дополнения (существительным, инфинитивом, придаточным, сложным дополнением). С другой стороны, при всем формализме такой классификации

предложения типа: *The book is beyond me* («Глагол + именной член») — *There is a book on the desk* («Глагол + наречие»), оказываются в разных группах, как представляется, именно из-за различий в семантике. Во втором случае значение обстоятельство места буквальное, а в первом обстоятельство используется в переносном смысле.

Логичным представляется подход С.Е. Кузьминой, которая выстраивает систему структурных моделей на основе валентностных свойств лексико-семантических вариантов предикатов, обозначающих «наблюдаемые, физические действия — основополагающие ситуации конкретно-предметной деятельности человека, поскольку именно для отражения таких ситуаций в языке выработаны структурные модели». Несмотря на несколько подводных камней, например, существование в некоторых языках мира безглагольных конструкций или признание подлежащего зависимым от сказуемого, неоспоримым преимуществом такого подхода является то, что значение и сочетаемость лексико-семантических вариантов глагольных единиц зафиксированы в словарях [Кузьмина 2015: 72-74]. Такая классификация позволяет отобрать ограниченное количество универсальных синтаксических моделей, при помощи которых реализуется бесконечное число высказываний речи.

Система структурных моделей в английском языке, таким образом, может быть представлена при помощи семи моделей [Кузьмина 2015: 102]:

- 1) $SP_{Comp.Nom}$: модель с составным именным сказуемым, именная часть которого выражена сочетанием глагола-связки с именем прилагательным или его функциональным аналогом; существительным или его функциональным аналогом (субстантивом); словом категории состояния; количественным числительным;
- 2) SP : модель с глагольным сказуемым;
- 3) SPO_{Dir} : модель с глагольным сказуемым и прямым дополнением;
- 4) $SPO_{Ind.O_{Dir}}$: модель с глагольным сказуемым, косвенным и прямым дополнением;
- 5) $SP_{Link + AStat.Loc}$: модель с составным адвербиальным сказуемым;

- 6) SPA_{Dir.Loc}: модель с глагольным сказуемым и директивным локативным компонентом;
- 7) SPO_{Dir.ADir.Loc}: модель с глагольным сказуемым, прямым дополнением и директивным локативным компонентом.

Валентностный анализ различных лексико-семантических вариантов глаголов позволяет выявить набор основополагающих, прототипических ситуаций конкретно-предметной деятельности человека, закрепленных в языковой картине мира (аналогичный подход на примере русского языка см. [Волохина, Попова 2003; Мустайоки 2006]). Справедливым также представляется замечание о первичности структурной модели над валентностью глагола: не валентностные характеристики определенного лексико-семантического варианта глагола определяют структурную модель, а, наоборот, структурная модель с тем или иным содержанием предполагает употребление в ней того или иного варианта глагола, обладающего определенной валентностной моделью [Кузьмина 2015: 77].

Это утверждение можно обосновать на следующих примерах с глаголами «dance» и «happen»: (1) *As usual Fred danced the first waltz with his mother; I'd just danced with Jake Harrington; No one else had danced* [Фурс 2004: 150]; (2) *Something terrible has happened; What's happened to your coat?* [Кузьмина 2015: 76]. В (1) глагол «dance» реализуется в одночастной, двухчастной и трехчастной моделях, в (2) глагол «happen» представлен одночастной и двухчастной моделями, при этом вторым актантом двухчастной модели является локативное обстоятельство, которое в данной конкретной реализации является обязательным. Такое разнообразие актуализаций связано с тем, что иногда тип конфигурации определяется не лексико-грамматическими характеристиками глагола, а исходит из интенций говорящего [Фурс 2004: 150]. При употреблении структур типа *He drives well* (а не *He drives a car*) в механизме взаимодействия когнитивных и языковых структур значение имеет концентрация внимания на обобщенном характере действия субъекта, на глубинном уровне актуализируются компоненты «ориентированность на деятеля» и «ориентированность на действие», в то время в

He drives a car реализуется также компонент «ориентированность на объект» [Болдырев, Фурс 2004: 68].

Таким образом, за каждой структурной моделью стоит некий синтаксический концепт, структурированный при помощи типовой пропозиции (число и роли обязательных актантов изоморфны структуре модели) и обладающий неким общим, прототипическим значением, связанным с отношениями, которые существуют в предметном мире между материальными, осязаемыми сущностями, как то: ATTRIBUTE OF AN OBJECT, ACTIVITY OF AN OBJECT, OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT, TRANSFER OF AN OBJECT, LOCATION OF AN OBJECT, MOTION OF AN OBJECT, CAUSED MOTION OF AN OBJECT [Кузьмина 2015]. Типовые пропозициональные модели проецируются на репрезентации различных ситуаций реальной действительности посредством метафорического переноса или интегрируются с ними в единую концептуальную структуру посредством механизма концептуальной интеграции¹ [Кузьмина 2014: 16].

2.2. Механизмы синтаксической репрезентации фрагмента мира

Вопрос концептуализации и особенностей языковой репрезентации ситуации поднимается в лингвистике как в связи с изучением синтаксиса и, в частности, многомерности структуры простого предложения, так и в связи с исследованиями семантики глаголов и предикатов, а также процесса языковой репрезентации в принципе, поэтому обсуждения, как правило, ведутся не только в терминах синтаксиса, но на стыке лексикологии, синтаксиса и когнитивной науки [Балли 1955; Chomsky 1965; Fillmore 1967; Langacker 1991; Talmy 1978; Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1990; Tomlin 1995; Булыгина, Шмелев 1997; Падучева 1985, 2004; Волохина, Попова 2003; Фурс 2004; Болдырев 2009, 2016; Магировская 2009а, б, Ирисханова 2014; Кузьмина 2014, 2015, 2018; Pokhoday, Myachykov 2018; и др.].

---

¹ См. гл. 2.3.

Ключевой момент в изучении вопроса языковой концептуализации — вовлечение в анализ человеческого фактора. основополагающая роль в этом смысле во многом принадлежит Ч. Балли, выделившему диктум и модус в качестве объективной и субъективной составляющей предложения [Балли 1955: 41] (ср. постулат когнитивной лингвистики о том, что «языковая форма в конечном счете является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания» [Кибрик 1994: 126] или выделение трех типов категоризации — лексического, грамматического и модусного [Болдырев 2007]; первичной, базовой и вторичной концептуализации [Магировская 2009б]), а также М. Хэллидею, изучавшему функциональную перспективу предложения (понятия, предполагающие субъективную передачу смысла говорящим, например, пресуппозиция) [Хэллидей 1978: 138]. Важными вехами в изучении роли субъективного в производстве высказывания стали когнитивная грамматика, «профилирование» Р. Лэнккера [Langacker 1991]; семантический подход, «перспективация / фокусирование» Ч. Филлмора [Fillmore 1967]; организация фон-фигура, введенная Л. Тэлми [Talmy 1978]. Изучение смыслового потенциала говорящего отражено в работах по исследованию интенциональности лексическо-семантических [Givón 2001; Аринштейн, Пантелеева, 1988; Куцевич 2015 и др.] и семантико-синтаксических структур [Падучева 1985; Фурс 2004; Мустайоки 2006; Кузьмина 2015 и др.].

Интенция субъекта неразрывно связана с познавательными и коммуникативными функциями человеческого сознания и не может быть отделена от речевой деятельности, отсюда и вывод, что «выбор слов и их синтаксическая организация обусловлены задачами реализации интенций говорящего и характеризуются динамичностью» [Фурс 2004: 82]. Роль говорящего выражается в его различных ипостасях и конкретных языковых проявлениях [Падучева 1985, 2008; Апресян 1986; Фурс 2004; Болдырев 2007, 2009; Магировская 2009]. Подходы к терминологии (субъект, говорящий / наблюдатель) и уровневому делению процесса концептуализации варьируются.

У Е.В. Падучевой и Ю.Д. Апресяна разграничиваются понятия наблюдателя и говорящего, причем каждый из них по-разному проявляется на различных уровнях формирования смысла и высказывания (например, говорящий как субъект ДЕЙКСИСА, субъект ВОСПРИЯТИЯ, субъект СОЗНАНИЯ). Разграничивается также речевой контекст и нарратив [Падучева 2004, 2008].

О.В. Магировская, развивая теории о статусе субъекта и уровнях категоризации, предложенные Е.В. Падучевой [Падучева 2004, 2008] и Н.Н. Болдыревым [Болдырев 2007], предлагает систематизировать процессы, составляющие концептуализацию действительности средствами языка, и разделяет понятия субъекта познания, субъекта понятийного восприятия, субъекта интерпретации. Каждый субъект действует в рамках определенного этапа концептуализации, причем каждому этапу соответствуют определенные языковые проявления различной мыслительной деятельности субъекта. Уровню первичной концептуализации характерно чувственное восприятие предметов и явлений действительности (в системе языка это слова, использованные в прямом денотативном значении: цвет, звук, вкус, свойства, форма). На уровне базовой концептуализации происходит осмысление воспринятого фрагмента мира, категоризация и систематизация физических предметов и явлений на основе общих категориальных признаков (в случае предметов и действий — грамматические категории, в случае события — пропозиция, минимальные структурные модели предложения, нахождение элементарных связей между участниками, свойства активности / неактивности субъекта, акциональности / неакциональности действия). На уровне вторичной концептуализации происходит интерпретация и оценка информации субъектом (профилирование, модальность, диатеза) [Магировская 2009а, б].

В настоящей работе интерес прежде всего представляет концептуализация фрагментов действительности посредством синтаксиса, а соответственно трансформации, происходящие с объективным компонентом высказывания (пропозицией) при вторичной концептуализации. Иными словами, преобразование «виртуальной» схемы в высказывание, выражающее

субъективно-оценочное видение конкретной ситуации. Вторичная (интерпретирующая, модусная) концептуализация события строится на концептах первичного и базового уровней. В процессе базовой концептуализации в результате работы механизмов фокусирования (перспективации) и дефокусирования намечается основная структура ситуации, как то: действие, определенный набор обязательных актантов, соответствующий этому действию, свойства действия и актантов. Одни элементы фрейма становятся фигурой, на них фокусируется внимание, другие уходят в фон. Одни из отобранных элементов являются объектами первичного, главного, фокуса, другие находятся во вторичном, вспомогательном фокусе [Ирисханова 2014]. Вторичная концептуализация подразумевает «интеграцию основных составляющих целостного процесса познания, в рамках которого отражается не мир и его основные характеристики, а прежде всего то, каким окружающий мир видится человеку» [Магировская 2009б: 92].

Говоря о формировании высказываний на основе типовой пропозиции и структурной модели простого предложения, стоит упомянуть о полевой или, в другой терминологии, ядерно-периферийной организации структурной модели как знака типового отношения (см. о полевой структуре структурной схемы в русском и английском языках [Goldberg 1995; Фурс 2004; Попова, Стернин 2007; Кузьмина 2015]). Под ядерной реализацией структурной модели имеется в виду отображение первичных, эмпирически воспринимаемых ситуаций действительности. Под периферийной реализацией модели подразумевается отображение ситуации иного типа, чем те, за которыми в языке изначально «закреплена» данная модель, а соответственно, и участники ситуации в таких реализациях обладают другими, непрототипическими функциональными характеристиками [Кузьмина 2015: 80].

Структурная модель предложения в своих ядерных и периферийных, прототипических и непрототипических реализациях допускает различные модификации, незначимые для ее типового содержания, при которых данная модель остается тождественной самой себе. Различные варианты одной модели

могут противопоставляться на основе грамматических категорий — числа, лица, рода, времени и т.п., объединяясь во внутримodelьную формо-изменительную синпарадигму — совокупность вариантов одной модели, которые тождественны по позиции членов предложения, по набору лексем и различаются лишь морфологическими категориями компонентов, составляющих предложение: *I write — he writes; we are writing — we will write* [Структурный синтаксис 1972: 23-25]. Модели могут иллюстрировать различные модально-коммуникативные варианты, отличаясь по цели высказывания (*Don't slip on the ice! Did you slip on the ice?*) или наличием / отсутствием отрицания (*He stopped working at five; He didn't stop working at five*). Варьировать может и представление предиката, например, его усложнение посредством фазовых или модальных глаголов [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 218-221]: *He began to talk; They kept arguing; They should have come*.

Впрочем, если в случае с фазовыми глаголами или модальными глаголами, типа *can, might, should*, первичность смысловой части глагольного сказуемого не вызывает сомнений, то использование модальных глаголов типа *want* (*She wants to go to the party*) не так однозначно, поскольку значение глаголов *wish, want, dare* не настолько ослаблено, как в случае с собственно модальными глаголами (Ср.: *She must / may / can wash the dishes* и *She hates washing the dishes, She'd hate to wash the dishes* — во втором случае глагол характеризует не ситуацию в общем, а выражает эмоциональное отношение участника к процессу) [Кузьмина 2015: 113]. Стоит, однако, отличать реализации таких лексико-семантических вариантов глаголов эмоционального отношения от собственно модальных, где первичное значение лексемы сводится на нет. Например, OALD дает следующее толкование одному из значений глагола *want*: *want to do something — used to give advice to somebody, meaning 'should' or 'ought to' (He wants to be more careful)*.

Механизм профилирования «определяется большей выделенностью (салиентностью) того или иного участка когнитивного контекста» [Болдырев 2004] и в синтаксисе заключается в выстраивании семантических актантов по рангам, где ранг актанта вытекает из синтаксической позиции его экспонента:

синтаксическая позиция имеет коммуникативную значимость, которой нельзя пренебрегать [Langacker 1991]. Наиболее престижная приходится на субъект предложения и т.д. Семантические актанты также выстраиваются в приоритетном порядке. Например, Т. Гивон предлагает следующую иерархию семантических ролей по принципу их топиальности, то есть важности в высказывании и потенциальной доступности им позиции субъекта: *Agt > Dat/Ben > Pat > Loc > others* [Givon v.1 2001: 200]. Механизм, при помощи которого выражается соответствие между семантическими ролями участников ситуации и их синтаксическими позициями, называется **диатезой** [Падучева 2004: 51]. Набор синтаксических позиций, соответствующих актантам пропозиции, называется конфигурацией. Изменение конфигурации, при котором меняются только ранги участников, а роли и прочие элементы значения слова остаются неизменными, называют диатетическим сдвигом. Изменение диатезы может быть маркировано в том числе грамматической формой глагола (мена залога). Л.А. Фурс [Фурс 2004: 161], например, демонстрирует этот механизм на следующем отрывке из Моэма:

Coffee was served and the ladies went upstairs. Gilbert and I began to talk in the desultory way in which men talk who have nothing whatever to say to one another, but in two minutes a note was brought in to me by the butler» (Maugham).

Если попытаться выразить то же объективное содержание посредством прототипических конструкций, то мы получим пары по типу: *Coffee was served — Somebody served coffee; a note was brought in to me by the butler — The butler brought in a note to me*. Выводя синтаксического актанта в начало предложения, на непрототипическую для него позицию, автор подчеркивает его релевантность. В настоящей работе такие пары считаются вариантами одной модели.

В [Givon v.2 2001: 116-118] ре-конфигурация предложений с семантически транзитивными глаголами рассматривалась в рамках так называемого среднего залога (middle voice): *He breaks the window; the window broke; the window breaks easily; the window is broken*. Высказывания, построенные по этому принципу, уводят фокус внимания от агенса, послужившего каузантом события (того, что

окно разбито), вместо этого репрезентируя событие как отдельное, независимое от агенса происшествие.

При этом стоит различать конструкции типа (1) *The window is broken by the redhead boy* и (2) *The window is broken*. В отсутствие поясняющих актантов (агенса, инструмент) *broken* является не частью залоговой формы, а отглагольным прилагательным, выражающим состояние, результат (это значение зафиксировано в словарях. См., напр., OALD: ADJECTIVE *Having been broken*). Так что первое высказывание выражено моделью SPO_{Dir} , а второе представляет собой реализацию модели $SP_{Comp.Nom}$.

Позицию субъекта может занять также и инструмент: *The hammer smashed the window*; *The bomb killed seventeen civilians*. Побочным или намеренным результатом такой трансформации может быть частичное или полное освобождение выведенного в фон агенса от ответственности за произошедшее [Givon v.1 2001: 130].

Некоторые исследователи относят к мене диатезы и использование лексических конверсивов, типа *sell-buy*, *send-receive* [Беркович 1980: 70-71]; или в русском языке *купить-продать*, *бояться-пугать*, *следовать-предшествовать* [Апресян 1974: 256; Иванова 2016: 52]. Пропозициональное содержание пар на русском языке (1) «*Иван продал Петру лыжи — Петр купил у Ивана лыжи*» [Кобозева 2000], (2) «*Конференция будет предшествовать саммиту ОБСЕ в Астане в декабре текущего года. — Саммит ОБСЕ в Астане в декабре текущего года будет следовать за конференцией*» [Иванова 2016] признается тождественным, к примеру, в [Кобозева 2000: 249; Иванова 2016: 52]. По мнению Е.В. Падучевой, чья точка зрения по этому вопросу принимается в данной работе, причисление использования конверсивов к полноценным инструментам диатетического сдвига вызывает сомнение. Во-первых, подлинные конверсивы, различие актантной структуры которых сводится к ранговому, весьма малочисленны, если вообще существуют. Во-вторых, даже относясь к одной и той же ситуации действительности, высказывания с глаголами конверсивами могут обладать разным пропозициональным содержанием. Так, у типичных конверсивов

«купить-продать» актантный состав неодинаков, так как агенсы различаются целями: получить ценность в обмен на деньги — у покупателя и получить деньги в обмен на товар — у продавца [Падучева 2004: 66].

Механизмы, обуславливающие синтаксическое (диатетическое), просодическое и т.д. профилирование определенных элементов структуры предложения, составляют основу его коммуникативной, «упаковочной», структуры. И.М. Кобозева предлагает рассматривать такие ментальные механизмы как противопоставления, при помощи которых членится пропозициональное содержание предложения или акцентируется одна из его частей [Кобозева 2000: 250], тем самым обеспечивая «движение мысли от одного объекта или факта к другому, связывая их в единое целое» [Фурс 2004:161].

Так, противопоставление того, о чем говорится, тому, что говорится, получило название «**теморематическое членение**». Тема и рема обусловлены линейно-интонационной структурой высказывания и залоговыми формами. Согласно подходу, предложенному М. Хэллидеем¹, при нейтральном порядке слов смысловая тема предложения, куда человек заносит содержащуюся в предложении информацию, совпадает с его исходной точкой. Теморематическая структура, таким образом, выражается при помощи порядка слов: темой является элемент, идущий первым [Halliday 2013: 89].

Эмпатия (также: «точка зрения», «ориентация») сообщает о том, с позиции какого из участников говорящий воспринимает ситуацию.

Под **важностью** имеется в виду выделение более важных и менее важных, с точки зрения говорящего, аспектов ситуации. На языковом уровне присвоение приоритетного статуса тому или иному компоненту смысла выражается в **престижности** средств, его выражающих [Бергельсон, Кибрик 1987: 56; Кобозева 2000: 257]. Иерархия средств выражения единиц пропозиционального характера выглядит следующим образом:

---

¹ Ссылаясь на работы представителей Пражского лингвистического кружка, автор отмечает, что наследует понятия, предложенные В. Матезиусом. Однако в работах В. Матезиуса тема не отождествлялась с исходной точкой. Подчеркивалось, наоборот, что такой расклад нормален и традиционен, но не является единственно возможным [Матезиус 1967; Halliday 2013].

Независимое предложение → придаточное предложение → оборот → копредикат → определитель → именная группа → служебное слово → грамматическая категория → часть лексического значения слова → 0 (отсутствие формального выражения). Так, ср.: *I suggest that we should have a break* (придаточное) — *I suggest having a break* (часть составного глагольного сказуемого). В первом примере идея *we should have a break* более выделена по сравнению со вторым, так как выражена более престижным средством. При этом синтаксическая структура обоих высказываний идентична: SPO_{Dir} .

Таким образом, в основе концептуализации ситуации лежат механизмы фокусирования и дефокусирования, разделение элементов фрейма на первый план (фигуру) и фон. Получившийся сложный концепт затем репрезентируется в языке при помощи простого предложения, выбор структурной модели которого зависит от типа ситуации действительности, салиентности отдельных ее актантов или характеристик. Структурная модель простого предложения, в свою очередь, допускает варьирование на уровне морфологической, лексической, синтаксической структуры в том случае, если произведенные модификации не нарушают число и набор ролей актантов репрезентируемой ситуации. Однако, если ситуацию невозможно отобразить средствами прототипической модели в том виде, в котором видит ее субъект концептуализации, с учетом фокусирования (или дефокусирования) внимания на определенных актантах, характеристиках или иных релевантных для коммуникации деталях ситуации, структура языковой репрезентации может быть переосмыслена посредством базовых механизмов концептуализации и передана при помощи другой структурной модели.

2.3. Механизмы синтаксической концептуализации

Важнейшей способностью пропозициональной модели является способность выступать в качестве средства структурирования ситуаций, отличающихся нередко принципиальным образом от той типовой ситуации предметного мира, для отражения которой данная модель и была сформирована.

Различия могут заключаться в онтологических и функциональных признаках актантов и типе связывающих их отношений.

Выбор пропозициональной модели для репрезентации того или иного фрагмента действительности основан на сходстве между структурами некоторой типовой ситуации и некоторой ситуации реального мира. Основным механизмом *концептуализации* мира в синтаксисе является **концептуальная метафора** (концептуальная интеграция как ее разновидность), а также **концептуальная метонимия** [Lakoff, Johnson 1980, Lakoff 1990; Арутюнова 1999; Talmy 1996; Sweetser 2000; Langacker 2002; Fauconnier, Turner 2003; Gibbs 1996, 2009; Matlock 2004; Huette, Matlock 2016; Кузьмина 2014, 2015, 2018 и др.]¹.

Метафора

Теория концептуальной метафоры была разработана Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Метафора рассматривается как изначально понятийная конструкция, из чего вытекает ее центральное место в процессе развития мысли. Наша понятийная система, то, как мы мыслим и действуем, является метафорической по своей природе, поскольку «неметафорическая мысль возможна только когда мы говорим о физической реальности» [Lakoff, Johnson 1980: 4].

Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний — когнитивной структуры «источника» (*source domain*) и когнитивной структуры «цели» (*target domain*). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» (*metaphorical mapping*) или «когнитивное отображение» (*cognitive mapping*) [1980].

На уровне структуры высказывания метафорический перенос заключается в представлении ситуации одного типа как ситуации другого типа — «уподоблении сущностей одного вида и связывающего их отношения иным сущностям и типам отношений». Иными словами, мысленный образ одной ситуации (опыта)

¹ Существуют и противники теории концептуальной метафоры. Аспекты данной теории, критикуемые различными лингвистами, резюмируется, например, в статье Р. Гиббса «Why Do Some People Dislike Conceptual Metaphor Theory?» [Gibbs 2009].

структурируется пропозицией, которой выражается структура ситуации (опыта) другого типа [Кузьмина 2015: 51]. При этом механизмы структурной и ориентационной метафоры подкрепляются, разумеется, также и онтологической метафорой, позволяющей наделять неодушевленные предметы агентивными свойствами, представлять абстрактные явления в виде материальных сущностей [Lakoff, Johnson 1980: 23-28].

Как правило, мы концептуализируем то, что определено менее четко, в терминах того, что определено более четко. Более четко определенным видом опыта является физический опыт (в сравнении с эмоциональным, ментальным, социальным и т.д.), в связи с чем обычно нефизическое концептуализируется в терминах физического [Lakoff, Johnson 1980: 59].

1) *Harry is in the kitchen. Harry is in the Elks. Harry is in love* [Lakoff, Johnson 1980: 59].

2) *Whose helicopter is that behind the hut? Who's behind all this business, do you reckon?* [Кузьмина 2015: 52].

Высказывания выше выражаются при помощи пропозициональной модели концепта LOCATION OF AN OBJECT. Первые высказывания в (1) и (2) обозначают ситуацию физического опыта. Ситуации, описываемые остальными высказываниями, абстрактные, их языковая репрезентация является результатом метафорического переноса и воплощается в метафорические концепты SOCIAL GROUP IS A CONTAINER (*Harry is in the Elks*), EMOTION IS A CONTAINER (*Harry is in love*), ABSTRACT OBJECT IS A LOCATION (*Who's behind all this business, do you reckon?*).

Реализация метафор ACTION IS A PHYSICAL OBJECT, MOTION IS A PHYSICAL OBJECT позволяет концептуализировать действие как ситуацию передачи предмета, созидания предмета, обладания предметом: *He gave a brief speech; She took a leap; He made a last-ditch attempt; He had a date with Destiny*, либо усилить фокус на результате действия, особенно в случае использования однокоренных сказуемого и прямого дополнения (*cognate object*): *She sang a song* [Givon v.1 2001: 131-134].

Такой расклад, впрочем, не является единственно возможным, так как некая ситуация физического опыта может концептуализироваться посредством наложения структуры другой ситуации физического опыта [Lakoff, Johnson 1980: 73-74; Кузьмина 2014: 17]: например, концепты THE OBJECT COMES OUT OF THE SUBSTANCE: *I made a paper airplane out of a sheet of newspaper* и THE SUBSTANCE GOES INTO THE OBJECT: *I made a sheet of newspaper into an airplane* [Lakoff, Johnson 1980: 73].

В обоих случаях первичная ситуация, или структура источника, представлена базовым синтаксическим концептом MOTION OF AN OBJECT. С его помощью концептуализируется другой тип ситуации: «создание предмета». Роли и особенностям реализации концепта MOTION OF AN OBJECT в репрезентации не динамических по своей сути ситуаций, так называемому фиктивному движению / *fictive motion*, также посвящено немало исследований [Talmy 1996; Булыгина 2000; Langacker 2002; Huettenlocher, Matlock 2016 и др.].

Интеграция

Еще одним важным механизмом концептуализации является **концептуальная интеграция** (*integration, blending*). О роли концептуальной интеграции в различных областях знания, в том числе и в грамматике, подробно писали Марк Тернер и Жиль Фоконье [Fauconnier, Turner 1994, 1998, 2003], механизм интеграции синтаксических структур также исследовался в [Goldberg 1995; Козлова 2001; Муняева 2007; Клепикова 2008; Кузьмина 2014, 2015]. Концептуальная интеграция представляет собой один из центральных механизмов в лингвистике, занимающих важную роль в процессах словообразования и в синтаксисе. Действительность, отображаемая при помощи различных языковых средств, показывается фрагментарно, выборочно. Механизм концептуальной интеграции элементов и их структур позволяет выражать мысль более лаконично, не эксплицируя, например, точную последовательность всех произошедших в реальности микро-событий или мельчайшие логические и пространственно-временные связи между каждым из них.

Описывая принцип действия концептуальной интеграции, М. Тернер и Ж. Фоконье отказываются от двухпространственной модели концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом, рассматривая ее как элемент более сложного механизма концептуальной интеграции. Хотя оба механизма основаны на сходстве между ситуациями, концептуальная метафора в традиционном смысле заключается в проекции области источника на область цели. В свою очередь, концептуальная интеграция представляет собой более комплексный механизм, состоящий из четырех элементов: два ментальных входных пространства (*Input space 1, 2*), родовое пространство (*Generic space*) и смешанное пространство (*Blended space*). Ментальные входные пространства частично накладываются друг на друга, и определенные их элементы затем проецируются в некое новое «смешанное» ментальное пространство (бленд), обретающее своей собственной структурой. Четвертое, так называемое родовое пространство, объединяет в себе общие элементы двух входных пространств.

На уровне синтаксиса механизм интеграции подразумевает, что несколько событий, объединенных причинно-следственной или другой связью, компрессируются в единую концептуальную структуру и вербализуются одним синтаксическим знаком (в случае синтаксиса — синтаксической моделью или пропозицией).

Так, возьмем пример, предложенный Тернером и Фоконье:

He sneezed the napkin off the table. // Он счихнул салфетку со стола (Он чихнул, и салфетка слетела со стола) (перевод мой — М.С.).

Фрагмент реальности, умещенный в короткое простое предложение, на самом деле описывает многоступенчатый процесс, состоящий из нескольких микрособытий и различных причинно-следственных и пространственно-временных связей, как то: произведенный чихом порыв влияет на салфетку, которая, будучи легкой, движется под влиянием этого порыва, достигая края стола и падая на пол под действием силы тяжести и т.д.

Справедливо будет сказать, что вообще любая ситуация действительности в языке передается с изрядной долей обобщения. *He drops the cigarette, They fell off*

the table, Liz brought her a glass of water (OALD) — эти примеры можно считать прототипическими репрезентациями неких элементарных — в нашем восприятии — событий. Во всех трех высказываниях имплицитруется некое намеренное или ненамеренное движение рук или других частей тела, скорость перемещения предмета в пространстве и т.д., однако в языке эти события выражаются и воспринимаются как одинарные.

Однако в приведенном примере восстановить недостающие элементы двух входных пространств довольно легко, поскольку описываемая ситуация очевидно непрототипическая: *He sneezed and the napkin blew away from the table*. Предикат здесь используется в несвойственном для него окружении (глагол неконтролируемого действия, симптом *sneeze* («чихать») в структурной модели каузированного перемещения), из-за чего фокус с самого события смещается на его каузанта. Получается, что концепты ACTIVITY OF AN OBJECT и MOTION OF AN OBJECT объединились в концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT.

Тем не менее, представляется, что концептуальную интеграцию целесообразней рассматривать в ее взаимосвязи с концептуальной метафорой, а не как полностью автономный механизм синтаксического кодирования. Помимо блендов базовых пропозиций, как случай, описанный выше, которые могут быть противопоставлены метафорическим структурным репрезентациям, построенным на основе структурной, ориентационной или онтологической метафоры, существуют и другие виды пропозициональной интеграции, которые так или иначе задействуют механизм метафоры.

Ярким примером является *way construction*, рассматриваемая в [Goldberg 1995; Fauconnier, Turner 2003], и представляющая собой практически универсальный инструмент представления любой ситуации в виде ситуации каузированного перемещения (принципиальные исключения по сочетаемости составляют лишь некоторые прототипические глаголы движения, типа *go, run, move*): *'I knitted my way across the Atlantic.'*; *Joe shoved his way through the crowd* [Goldberg 1995: 213-214].

Возможна также интеграция базовой синтаксической модели с прототипическим значением и метафорической (далее отмечены курсивом), а также двух метафорических вариантов: *The explosion knocked him off his feet (= The explosion knocked him + He was off his feet)* (OALD); *I could beat you unconscious (= I beat you + You are / become unconscious)* (The TV Corpus); ...see you <...> *shock people speechless at the NYE party (You shock people + They are / become speechless)* (NOW Corpus).

Метонимия

Дж. Лакоффом и М. Джонсоном был описан механизм **концептуальной метонимии** [Lakoff, Johnson 1980: 36]. Метонимический перенос, в отличие от метафорического, осуществляется в пределах одной концептуальной области (*conceptual domain*) и заключается в том, что один концепт (концепт-средство — *vehicle concept*) может репрезентировать другой ее концепт (концепт-цель — *target concept*) или замещать собой всю область в целом [Козлова 2001; Warren 2006; Barcelona 2009; Ruiz de Mendoza, Díez 2009; Болдырев 2016, Рахманкулова 2018 и др.]. Замещение обусловлено смежностью осмысливаемых явлений в действительности — наличием некоторой реальной (временной, пространственной, причинно-следственной и т. п.) связи между ними. При этом метонимический перенос предполагает ряд мыслительных операций: перспективизацию части для обозначения целого, целого для обозначения части или одной части целого для обозначения другой части целого, профилирование одних и депрофилирование (дефокусирование) других элементов ситуации [Козлова 2001; Ирисханова 2014; Рахманкулова 2018: 6].

В современной литературе по когнитивной лингвистике обычно разделяют референциальную и нереференциальную метонимию (терминология Б. Варрен) [Warren 2006: 19-20]. Референциальная метонимия служит для концептуализации простых концептов предметного мира (организация вместо человека: *The Times hasn't arrived at the press conference yet* [Lakoff 1980: 35]; заказ вместо заказчика: *The pig is waiting for his bill* [Ruiz de Mendoza 2009: 494], выступая, таким образом, механизмом концептуализации для элементов реального мира, которым в

предложении соответствуют роли аргументов: субъекта и объекта (подлежащего и дополнения). В свою очередь, к нереференциальной метонимии относят случаи концептуализации сложных концептов: предикатов и пропозиций (*She was able to finish her dissertation = she finished her dissertation; I don't know where the bath soap is = where is the bath soap?; I waved down a taxi = A taxi took me there*) [Ruiz de Mendoza 2002: 494]. Высказывания, получившиеся вследствие работы механизма нереференциальной метонимии, поддаются буквальному прочтению, не противореча, в отличие от случаев референциальной метонимии, реальному, фактическому, положению вещей и здравому смыслу. Так, оба высказывания: *She was able to finish her dissertation* и *she finished her dissertation*, — отражают ситуацию действительности буквально, напрямую, в то время как *The pig is waiting for his bill* передает фрагмент реальности иносказательно (Счета ждет заказчик, а не заказанное им блюдо). Другим отличием, соответственно, является то, что использование механизма референциальной метонимии, как правило, намеренно и легко обнаруживает себя при анализе высказывания, в то время как случаи реализации механизма нереференциальной метонимии менее очевидны и не обязательно намеренны [Warren 2006: 8-10].

Для анализа синтаксических репрезентаций ситуаций наибольший интерес для нас представляет нереференциальная метонимия, однако и здесь необходимо разграничить метонимию на уровне пропозиции, смысла высказывания, и метонимию на уровне структуры высказывания. Второе подразумевает ситуационную метонимию на уровне концептов, описывающих осязаемые, физически воспринимаемые ситуации: свойство, ненаправленное движение, передача предмета, перемещение и т.д. и изоморфных синтаксическим моделям простого предложения, которые за ними закреплены. То есть метонимический перенос в данном случае выражается в использовании для сообщения о ситуации определенного типа синтаксической модели, которая является знаком другой типовой ситуации. В [Рахманкулова 2018] рассматриваются случаи метонимии базовых синтаксических концептов, приводятся примеры выражения прототипически динамических ситуаций через прототипически статические:

«Расположение предмета в пространстве» → «Деятельность человека» / «Воздействие на предмет»: *What are you doing?* → *I'm in the library; I'm in the bathroom; I'm at school.*

«Расположение предмета в пространстве» → «Самостоятельное перемещение предмета в пространстве» / «Перемещение предмета в пространстве кем-либо (чем-либо)»: *Where did you go? — I was at the Smiths'; Where did you put the book? — The book is on the table.*

«Расположение предмета в пространстве» → «Состояние предмета»: *How is he? Is he well?* → *He is in hospital (= He is ill); He is in bed (= He is asleep; He is ill).*

В то же время, собственно пропозициональная метонимия отталкивается только от структуры ситуации, но не от структуры ее языковой репрезентации. Так, мимическое движение может быть передано посредством описания абстрактного феномена — внутреннего состояния, каузивовавшего то или иное действие. При этом репрезентация состояния может быть метафорически структурирована по различным пропозициональным моделям: *She is astonished, She looks astonished, She has an astonished look about her, She gives him an astonished look, She's getting astonished, etc.*

Метафтонимия.

Лингвисты обращают внимание на особенности **взаимодействия метафоры и метонимии** [Barcelona, 2000; Taylor 2009; Goossens 2009; Radden 2009 и др.]. Несмотря на то, что с когнитивной точки зрения, в основе работы метонимии и метафоры лежат разные принципы, взаимоисключающими эти два механизма концептуализации не являются. Явление, при котором в формировании того или иного значения участвуют оба механизма, получило название **метафтонимии** [Goossens 2009: 350]. Л. Гуссенс, впрочем, как и многие другие ученые, в конечном итоге рассматривали взаимодействие метафоры и метонимии в рамках различных фразеологизированных словосочетаний или высказываний (см. также [Geeraerts 2009]), образ, заложенный в которых, может декодироваться слушателем без знания исторического контекста и т.д.: *Say something/speak/talk with one's tongue in one's cheek; Close-lipped* и т.д. [Goossens

2009: 362] или *They had a disagreement and the landlady kicked him out of the house* (подчеркивание мое — М.С.) [Riemer 2009: 385]. В основном, внимание ученых привлекали языковые единицы, изучаемые лексикологией, репрезентанты различных простых концептов. Во многих случаях доказывалась сама возможность рассмотрения репрезентации с точки зрения двух механизмов, а не только одного, анализировалась мотивация и происхождение той или иной метафоры или метонимии, утверждался всеобъемлющий характер метонимии.

Предложения и высказывания, анализируемые в данной работе, в таком ключе рассматривать нет смысла — все стоящие за ними метафоры легко читаемы и, как правило, содержат лексические единицы, напрямую указывающие на тип действия, характер его исполнения и т.д.: *he gives her a sunny smile, he takes a spectacular tumble, etc.* Концепты ситуаций, будучи сложными концептами, так или иначе состоят из нескольких простых, которые, в свою очередь, тоже могут концептуализироваться посредством метафоры и метонимии, так что взаимодействие этих двух механизмов (иногда на разных уровнях языка) присутствует в значительной доле примеров выборки и не ставится под вопрос, ср.: *He is going to cry [Reaction] -> He is close to tears [Instr=Place]; He [Agt] smashed the window with the hammer [Instr] -> The hammer [Agt=Instr] smashed the window.*

Однако в одном типе случаев работа обоих механизмов представляется важной для понимания формирования репрезентации. Речь идет о репрезентациях ситуации при помощи пропозициональной метонимии (реакция через интерпретацию реакции, перемещение через конечную точку перемещения, действие через его каузант и т.д.), выраженных с использованием метафоры на уровне структуры высказывания (см. также п. 2.3 (метонимия)).

Приведем пример: следующее высказывание служит для описания неконтролируемого действия или поведения: *There was also in his manner a touch of impatience (McEwan)*. При этом манера поведения описана интерпретативно, через внутреннее состояние, которое ее провоцирует (метонимия), а само свойство, характеристика (*He is impatient, His manner is impatient*)

репрезентируются по модели, прототипической для описания статического местоположения (метафора). Высказывание *He lost his balance* в определенном контексте является метонимической репрезентацией падения (утрата равновесия как причина падения), но при этом описывает каузирующую ситуацию (напр., запнулся, пошатнулся) через ситуацию утраты предмета — субстантивированной характеристики (равновесие).

Такой тип концептуализации в данной работе будет для удобства называться **метафтонимией**, по аналогии с термином Л. Гуссенса.

Выводы

1. Предложение, синтаксическая модель, как языковой знак описывает некий ментальный образ фрагмента действительности, который в том или ином виде закрепился в сознании субъекта коммуникации. Актуализацией предложения, или модели, является высказывание.

2. Сигнификатом высказывания выступает не сама ситуация действительности, а сложный концепт — ментальная, недискретная величина, которая структурируется посредством типовой пропозиции. Аргументно-предикатная структура пропозиции соответствует структуре выделенной сознанием ситуации, включающей некоторое количество объектов-участников, связанных определенным отношением и обладающих некоторыми свойствами. В рамках пропозиции выделяются обязательные участники и факультативные.

3. Означающим синтаксического концепта является структурная (синтаксическая) модель простого предложения, которая представляет собой структурный минимум элементов, достаточный для описания той или иной ситуации, и может включать, помимо подлежащего и сказуемого, прямое или косвенное дополнение или локативное обстоятельство. В данной работе модели простого предложения выявляются на основе валентностных свойств лексико-семантических вариантов предикатов, обозначающих различные базовые физические ситуации: инструментарий настоящего исследования составляют семь базовых концептов, связанных с ситуациями предметно-конкретного мира и семь изоморфных им структурных моделей: $SP_{Comp.Nom}$: модель с составным именным сказуемым / Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT; SP : модель с глагольным сказуемым / Концепт ACTIVITY OF AN OBJECT; SPO_{Dir} : модель с глагольным сказуемым и прямым дополнением / Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT; $SPO_{Ind.ODir}$: модель с глагольным сказуемым, прямым и косвенным дополнениями / Концепт TRANSFER OF AN OBJECT; $SP_{LinkA_{Loc}}$: модель с составным адвербиальным сказуемым / Концепт LOCATION OF AN OBJECT; $SPA_{Dir.Loc}$: модель с глагольным сказуемым и директивным локативным

комплементом / Концепт MOTION OF AN OBJECT; $SPO_{Dir.A}{}_{Dir.Loc.}$: модель с глагольным сказуемым, прямым дополнением и директивным локативным комплементом / Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT.

4. Структурная модель как знак типового отношения обладает полевой организацией: ядерные реализации модели репрезентируют первичные, эмпирически воспринимаемые ситуации, периферийные реализации отображают ситуации иного типа, чем те, за которыми изначально закреплена та или иная модель.

5. При восприятии ситуации более значимые для говорящего элементы выходят на первый план, становясь «фигурой» высказывания, а другие остаются «фоном», что выражается в выборе синтаксической конструкции для языковой репрезентации концепта. Любое высказывание имплицитно также говорящего / наблюдателя, с чьей точки зрения ведется повествование, так называемый фокус эмпатии. В самом высказывании одни элементы являются объектами первичного, главного, фокуса, другие находятся во вторичном, вспомогательном фокусе, третьи оказываются дефокусированы, но при этом все равно имплицитно. Фокусирование и дефокусирование обеспечивается за счет разной престижности лексико-грамматических средств, разной степени выделенности синтаксических позиций в предложении.

6. Если прототипическая модель репрезентации ситуации недостаточна для выражения ситуации в том виде, в котором ее воспринимает субъект концептуализации, или если концептуализируется концепт абстрактной ситуации, за которым в языке не закреплена никакой прототипической структурной модели, ситуация может быть переосмыслена посредством базовых механизмов вторичной концептуализации. Основными механизмами концептуализации мира в синтаксисе являются метафора (ситуации одного типа представляются как ситуации другого типа), интеграция (несколько событий, объединенных причинно-следственной, временной и т.д. связью, компрессируются в единую концептуальную структуру и вербализуются одним синтаксическим знаком), метонимия (замещение одной ситуации другой на основе существующей между

ними связи (временной, пространственной, причинно-следственной, часть-целое и т.д.)).

7. Пропозициональную метонимию можно рассматривать в терминах связи между концептами, в том числе базовыми концептами, описывающими осязаемые, физически воспринимаемые ситуации и выраженные изоморфными им структурными моделями. В этом случае речь идет о регулярной связи не только на уровне концептов ситуаций, но и на уровне структуры репрезентирующих их высказываний. Возможно также метонимическое выражение одного синтаксического концепта через смежный концепт абстрактной ситуации: в репрезентации, как правило, будет также задействован механизм синтаксической метафоры — сочетание этих двух механизмов можно условно обозначить как метафтонимию.

ГЛАВА III. СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕКОНТРОЛИРУЕМОГО ДЕЙСТВИЯ НА УРОВНЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В третьей главе настоящего исследования будут рассмотрены способы передачи различных типов неконтролируемых действий (см. п. 1.4.) посредством базовых синтаксических моделей (см. п. 2.1), а также проанализированы особенности работы механизмов концептуализации, особенности фокусирования и дефокусирования элементов ситуации в языковой репрезентации (подробнее про механизмы концептуализации в п. 2.2 — 2.3).

3.1. Принципы отбора и анализа материала

На основе выводов о характере и типах неконтролируемых действий, сделанных в первой главе настоящего исследования, был составлен корпус высказываний из современной англоязычной художественной литературы и периодики. На начальном этапе примеры отбирались вручную, методом сплошной выборки, из художественной литературы и публицистических статей. Общее количество отобранных высказываний составило более 2500 единиц. Затем некоторые структурные кластеры, выявленные в результате ручного поиска высказываний, легли в основу поисковых запросов в корпусах английского языка (NOW Corpus, iWeb, COCA, The TV Corpus, BNC, etc.), результаты этих запросов были проанализированы и составили существенную часть исследовательского материала. В качестве источников иллюстративного материала использовались также банки примеров различных словарей и справочных ресурсов: *OALD*, *Lexico.com*, *Merriam-Webster*, *Wordreference.com*, etc. Общий объем выборки примеров из всех упомянутых источников составил более четырех тысяч высказываний.

С учетом того, что настоящая работа ставит перед собой цель изучить особенности выражения неконтролируемости на уровне структуры высказывания, посредством синтаксической модели простого предложения, были выработаны следующие формально-смысловые критерии отбора высказываний:

1. Посредством компонентного анализа выявляется лексика, значение которой содержит семы неконтролируемости. Лексемы могут являться как репрезентантами собственно неконтролируемости: *accident, unintentional, uncontrolled, instinctive, etc.*, так и вербализовать неконтролируемое действие, что в дефинициях выражается через указание либо на неконтролируемость (FALL, CRY, LAUGH, etc), либо на другие неконтролируемые действия (TRIP via FALL; SOB via CRY, CHUCKLE via LAUGH, etc). Примерами таких лексем со значением неконтролируемого действия служат следующие репрезентанты конкретных неконтролируемых действий: **laugh** - make the spontaneous sounds and movements of the face and body that are the instinctive expressions of lively amusement and sometimes also of derision (Lexico.com); **fall** - move from a higher to a lower level, typically rapidly and without control (Lexico.com); **drop** - to allow something to fall by accident; to fall by accident (OALD); **spill** - cause or allow (liquid) to flow over the edge of its container, especially unintentionally (Lexico.com); **chuckle** - laugh quietly or inwardly (OALD), etc. Данные лексемы, представленные глаголами, существительными или прилагательными, передают семантику неконтролируемости ситуации в рамках базового состава той или иной синтаксической модели простого предложения. В зависимости от разновидности модели информация о неконтролируемости действия может содержаться в подлежащем, сказуемом, именной или адвербиальной части составных сказуемых, прямом дополнении, локативном или директивном локативном обстоятельствах: *His laugh was genuine; He laughs; the interview was full of laughter; He laughed a hearty laugh; she gave a loud, silly laugh; There was laughter all round, He laughed at the assumption, He burst out laughing, etc.* При этом следующие сочетания рассматриваются как одна синтаксическая позиция: определение + определяемое слово (*hearty laugh, raw expression, quivering mess*),

модальный глагол *must / should / might, etc.* + инфинитив, фазовый глагол *start / commence / finish / continue, etc.* + инфинитив.

2. Рассматриваются только репрезентации, в которых неконтролируемость или неконтролируемое действие заключены в фокусе высказывания. Так, в примере *counsel's nervous blink irritated her (McEwan)* внимание фокусируется на невольной каузации эмоций (*irritate*), а не на действии-реакции «нервное подмигивание» (*nervous blink*). В примере *I will always remember her sweet smile and personality (COCA)* в фокусе внимания находится память человека об улыбке, а не сама улыбка как эмоциональная реакция¹.

3. Неконтролируемое действие выражено *регулярным* метонимическим способом без использования лексики с семантикой неконтролируемости: происшествие через свойство предмета, его спровоцировавшего ('What happened to her?' 'Well, *the floor was wet*' = *She fell / slipped*); падение через статическое местоположение субъекта после приземления (*Next moment he was on the floor* = *He fell to the floor*); действие с отрицательным результатом через интенциональную лексику факторного типа: *he tried / intended / planned, etc. ... but (failed)* и т.д.

4. При анализе не учитывались:

— оригинальные (описательные) репрезентации неконтролируемых действий, не эксплицирующие неконтролируемость действия на уровне лексики в рамках позиций синтаксической модели простого предложения и не являющиеся регулярной метонимической репрезентацией: *Magid pushed his glasses up to the bridge of his nose and diplomatically changed the subject (Smith)*; *Juliet felt her fingers spreading and curling with desire for the keys (Atkinson)*.

— репрезентации, в которых неконтролируемый характер действия эксплицируется вне позиций синтаксической модели простого предложения: **в сирконстантах**: *By force of habit, she pulled off her shoes (McEwan)*; *I don't know if*

¹ По сути, в этих примерах реализуются сразу две пропозиции: «человек нервно моргает» и «другого человека это раздражает» или «человек улыбается» и «другой человек об этом помнит» — и более «престижной» является та, что выражена простым предложением (глаголом в личной форме и его аргументами), а не отглагольным прилагательным [Кобозева 2000: 257] (см. также о «престижности» средств выражения п. 2.2. настоящей диссертации).

she accidentally picked up the phone or deliberately did that (Lexio.com); **МОЖЕТ БЫТЬ ПОНЯТ ТОЛЬКО ИЗ КОНТЕКСТА**: I was all too aware of the sound and feeling of the whirring drill hitting my tooth. If I hadn't been in a Hunter S. Thompson state of mind, *I would have jumped out of the chair* and clung to the ceiling like a cartoon cat (NOW Corpus).

— полностью фразеологизированные словосочетания и предложения со значением неконтролируемости или неконтролируемого действия: *the pair of them almost jumped out of their respective skins* (Atkinson); *If he couldn't, then they were barking up the wrong tree* (Osman), поскольку структура высказывания в данном случае не играет роли в репрезентации неконтролируемости, а служит для репрезентации метафорического образа, лежащего в основе фразеологизма.

В качестве иллюстративного материала отбирались высказывания, имеющие вид простого предложения или уподобленных ему конструкций, также выражающих пропозицию: придаточного предложения, причастного или герундивного оборота, сложного дополнения, абсолютной конструкции. Для удобства часть распространенного высказывания, составляющая интересующую нас репрезентацию через минимальную синтаксическую модель, *выделяется курсивом*. В качестве подлежащего герундивного или причастного оборота выделяется подлежащее, относящееся к основному глаголу простого предложения, к которому относится оборот; простые предложения, придаточные предложения, абсолютные конструкции и сложные дополнения имеют собственные подлежащие: *Mrs. Tufty suddenly stood up, shaking so badly that Strike also struggled to his feet* (Galbraith); *she felt her quivering with fear* (Atkinson); *He <...> before replacing the photograph in his wallet and commencing to weep in a silent way* (Atkinson); *Robin laughed, eyes streaming, but shook her head* (Galbraith). При необходимости высказывания сокращаются (вырезанная часть, если она находится внутри высказывания, показана значком <...>) либо в редких случаях отсутствующие (например, в эллиптических конструкциях или если цитируется один из однородных членов) или просто важные для понимания элементы добавляются в [квадратных скобках]: *but [they] gaped* (Rowling).

Основная часть настоящей главы поделена на разделы и подразделы, соответствующие определенным типам ситуации неконтролируемого действия (действие-реакция, машинальное, происшествие и т.д.). В начале раздела дается краткая характеристика типовой ситуации, приводятся основные лексические средства, служащие для ее репрезентации, описывается аргументный состав прототипической ситуации (если ситуации однообразны). Далее рассматриваются варианты репрезентации ситуации посредством различных механизмов концептуализации (прямой номинации (базовой концептуализации), метафоры, метонимии, интеграции, метафтонимии). Подраздел, соответствующий тому или иному способу репрезентации, структурируется в соответствии с реализуемыми базовыми синтаксическими концептами (см. п. 1.1.).

Как уже отмечалось в главе I настоящей диссертации, пункты функционально-семантической классификации не являются взаимоисключающими (аффективный характер свойственен как действиям-реакциям, так и происшествиям, девиациям и многим машинальным действиям; неконтролируемый способ передвижения может быть интерпретирован как симптом или как действие с положительным результатом, не полностью определяемым усилиями субъекта; машинальные действия могут быть сродни происшествиям и т.д.): во избежание ненужных повторов такие «спорные» элементы, как правило, рассматривались в рамках одного типа неконтролируемого действия.

3.2. Типы неконтролируемого действия и их синтаксическая репрезентация

3.2.1. Действия-реакции

Существует немало исследований, рассматривающий данный тип неконтролируемых действий как с точки зрения особенностей формального выражения, так и с точки зрения содержания [Korte 1997; Пахарь 1999; Royatos 2002; Ekman, Friesen 2003; Папулинова 2003; Kovecses 2004; Хлыстова 2005;

Родионова 2015; Проскурнич 2019 и др.]. Подходы к выделению и трактовке подобных компонентов языка разнятся. Как уже уточнялось в параграфе 2.4, в настоящей работе под действиями-реакциям подразумеваются физиологические моторные реакции на внешние и внутренние раздражители (например, симптомы болезни) или физически выраженные реакции на психические раздражители, подразумевающие изменение положения субъекта или частей его тела в пространстве, производство звуков, изменение выражения лица и т.д.

Семантика неконтролируемости может быть заключена в лексических единицах, которые имеют значение мимической реакции. Как отмечают в своих трудах П. Экман и У. Фризен, при анализе поведения на предмет искренности / ложности, осознанности / бессознательности мимика представляется более сложно читаемым элементом языка тела, нежели чем мануальные жесты, пантомимика и т.д. Человек в большей степени осознает лицевые движения и старается их контролировать [Ekman, Friesen 1982, 2003]. Одним из самых распространенных и многозначных мимических движений является улыбка, в англоязычной картине мира выражаемая лексемой *smile*. Многообразие форм и значений этого мимического движения в реальном мире обуславливает соответствующую неоднозначность языковой репрезентации. Большинство словарных дефиниций приводят «эмоциональное» значение улыбки, только косвенно указывая на, возможно, неконтролируемый характер ее исполнения: *a pleased, kind, or amused expression (Lexico.com); the expression that you have on your face when you are happy or you think something is funny (OALD); a happy or friendly expression on the face (CD); which expresses especially amusement, pleasure, approval, or sometimes scorn (MW)*. К тому же семы *kind, friendly, approval* говорят не только о трансляции эмоционального состояния, но и о ее диалогической или фатической функциях [Хлыстова 2005]. Это подтверждается и анализом материала: в значительной части примеров из словарей и корпусов английского языка невозможно сказать точно, является улыбка способом установить контакт, формой вежливости или искренней демонстрацией расположения, радости, веселья. Указание на прототипическую неконтролируемость улыбки можно

усмотреть в описании a facial expression in which the eyes brighten (MW), в таком виде найденное только в одном словаре. Действительно, исследователи языка тела П. Экман и У. Фризен в своей статье «Felt, false, and miserable smiles» [Ekman, Friesen 1982] приводят данные эксперимента, в том числе дифференцирующего искренние улыбки (felt smiles) и имитируемые улыбки (false smiles) на основании того, какие лицевые мышцы задействованы в реализации движения: искренняя улыбка «касается» глаз, в то время как улыбка-имитация, как правило, распространяется только на нижнюю часть лица.

В данной работе мы будем придерживаться следующего принципа: сама по себе лексема *smile* не считается автономным репрезентантом неконтролируемого действия, однако если в высказывании, в рамках позиций синтаксической модели простого предложения, также подсвечивается ее эмоциональный или просто искренний характер, то совокупно такая репрезентация считается репрезентацией неконтролируемого действия. Это возможно при помощи признаков лексем: *He gave her his sunny smile; He smiled a happy smile; His smile was genuine*, а также при помощи синонимов *smile*, в значении которых уже заложены искренность, интенсивность, эмоциональность исполнения: *beam - to have a big happy smile on your face (OALD); twinkle - smile so that one's eyes sparkle (Lexico.com)*. К таким лексемам можно отнести и *smirk - smile in an irritatingly smug, conceited, or silly way (Lexico.com)*: в отличие от положительных значений у *smile (friendliness, approval)*, здесь фигурируют отрицательные характеристики — *silly, conceited*. Человеку не свойственно намеренно показывать себя с худшей стороны, что говорит в пользу неконтролируемого характера этого действия. В дефиниции также присутствует и указание на негативное воздействие мимического жеста на адресата (*irritatingly*). Каузация отрицательных (астенических) состояний традиционно рассматривается как с наибольшей вероятностью неконтролируемая [Шрамко 2002; Шустова 2011] (о каузативных ситуациях см. также п. 3.2.3.2. настоящей диссертации).

Распространенные репрезентанты «отрицательной» мимики — лексемы *frown (frown one's brows in an expression indicating disapproval, displeasure, or*

concentration), *scowl* (*frown in an angry or bad-tempered way*), *grimace* (*an ugly, twisted expression on a person's face, typically expressing disgust, pain, or wry amusement*) (*Lexico.com*). Дефиниции таких единиц также позволяют сделать только косвенный вывод о контролируемом или неконтролируемом характере движения. Однако, учитывая отрицательный характер всех стоящих за данными жестами значений: *displeasure, disapproval, anger, bad temper, ugly expression, disgust, pain, wry amusement*, и свойство человеческой природы — скрывать отрицательные эмоции и избегать «уродующих» выражений лица, можно предположить, что в большинстве случаев описываемые при помощи этих лексем ситуации носят все же неконтролируемый характер. Впрочем, как и в случае с «положительной» мимикой, для конкретизации эмоций или формальных особенностей жеста зачастую используются различные уточняющие элементы, имеющие вид атрибутивной конструкции, обстоятельства (в т.ч. встающего в позицию локативного компонента: *in pain, in concentration*).

Учитывая волатильный, неустойчивый характер семантики единиц, репрезентирующих мимические жесты, очевидна важность различных признаков лексем при репрезентации мимики. Речь может идти как об универсальных маркерах неконтролируемости (*spontaneous, instinctive, unintentional*), так и о более частных признаках, применительных именно к мимике, как то: указание на искренность *true, genuine, natural, real*, указание на конкретные эмоции: *happy, worried, angry, etc.* Значение неконтролируемости может усиливаться и посредством лексем с высокой выделенностью (салиентностью) [Talmy 2007: 20], например, глаголов со значением разрушения (*explode, break, burst*), происшествия (*drop, fall, collapse*).

Другие случаи языка тела чаще всего репрезентируются в языке либо как однозначно контролируемые (различные жесты рук, пожатие плечами и т.д.), либо как однозначно неконтролируемые, которые и представляют для нас интерес в данной работе: пантомимические (*shudder, shiver, tremble*) и аудиальные (*laugh, chuckle, scream, cry, weep, sob*) реакции, симптомы (*cough, sneeze, belch, vomit, yawn, snore*).

Способы прямой номинации

Исходя из грамматических характеристик большинства обнаруженных лексикализованных репрезентаций реакций (*beam, cry, laugh*), ситуация неконтролируемой реакции предполагает наличие одушевленного субъекта-экспериментатора и наблюдателя / говорящего, тем или иным образом интерпретирующего и квалифицирующего ситуацию (субъект и наблюдатель могут совпадать), соответственно, прототипической языковой репрезентацией таких ситуаций будут высказывания, построенные по модели ненаправленного действия (SP). К непрототипическим способам прямой номинации можно отнести любые высказывания, передающие тождество (*The laugh is genuine*), а также фазу реакции как процесса (при помощи предикатов *start, stop, finish*).

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

Выражение тождества. Подлежащее представлено субстантивной единицей, репрезентирующей реакцию (*smile, laugh, crying*). Субъект-экспериментатор дефокусирован либо выражен во вторичном фокусе средствами низкой престижности (*one's, his*). Именная часть сказуемого выражена прилагательным со значением неконтролируемости реакции (или смежным): *genuine, spontaneous, unintended, true*:

Jill's smile was genuine this time (BNC); To these guys, *Saga's tears are real*, and a mental break down is something that they are worried about (NOW Corpus).

Концепт ACTIVITY OF AN OBJECT / Модель SP

1) Подлежащее выражено именной частью речи (существительное, местоимение, числительное и т.д.) и обозначает субъекта-экспериментатора. Сказуемое выражено предикатом, вербализующим ту или иную неконтролируемую реакцию (симптом, мимика, жест и т.д.). Часто присутствует (но не входит в состав обязательных компонентов) каузативная конструкция, эксплицирующая причину той или иной реакции, она вводится предлогами *with, to, in, etc.*

В результате анализа выборки были встречены непереходные предикаты, описывающие ситуации следующих основных типов:

а) Предикаты со значением неконтролируемых колебаний тела или его частей («дрожать», «трястись»), вызванных плохим самочувствием, холодом, эмоциональным напряжением: *shake, shiver, tremble, shudder, quiver, squirm, fidget, heave, etc.*

Метафорически — в значении прекратить движение из-за испытываемого страха или удивления — используется глагол *freeze*: *The clerk freezes, dropping the cup she's holding* (Lexico.com); *She has frozen* (Hannah).

б) Предикаты со значением мимической реакции, вызванной негативным фактором: болью, недовольством, грустью и т.д., — либо вызванной удивлением: *frown, grimace, wince, gape.*

с) Предикаты со значением «улыбка», «усмешка»: *beam, smirk, scowl.* Предикаты нередко сопровождаются сирконстантами, поясняющими характер улыбки (*proudly, happily, forgivingly, reflexively, etc.*).

д) Предикаты, обозначающие различные симптомы, воспринимаемые визуально (*yawn*) и / или сопровождаемые звуком (*sniff, snore, retch, pant, belch, vomit*). Характер действия может эксплицироваться сирконстантами: *quietly, loudly, peacefully, like a goods train, etc.:*

Jack at her side quietly snored (McEwan); *Jessica Hastie was snoring peacefully* (Atkinson); *Hartley <...> was snoring like a goods train* (Atkinson); *Polworth belched loudly* (Galbraith).

е) Предикаты, обозначающие смех, усмешку: *laugh, giggle, cackle, snort, roar with laughter, chuckle, half-laugh.* «Laugh» как предикат с наиболее общим значением часто сопровождается интерпретирующим сирконстантом: *happily, mirthlessly, breezily, dismissively, etc.:*

She's laughing like a drain (Hannah); *Perry laughed rather mirthlessly* (Atkinson); *Hartley laughed dismissively* (Atkinson); *she laughed breezily* (Atkinson).

ф) Предикаты, обозначающие звуковую реакцию субъекта: *groan, shriek, squeal, roar, shout, howl, splutter, whimper, moan, gasp, sigh.*

Flapoon <...> was awake all night groaning with indigestion (Rowling); *He was used to the children shrieking with excitement* (Rowling); *the girls all squealed in*

delighted fear (Atkinson); all those around her was screaming with laughter (Atkinson); Clarissa roared with laughter (Atkinson).

г) Предикаты, обозначающие плач: *cry, sob, weep, wail*.

I rang her. Soon as *I'd finished crying* (Hannah); *He <...> commencing to weep in a silent, reticent way* that was worse than if he'd been choking out sobs (Atkinson).

2) Подлежащее выражено именной частью речи (или эквивалентом) и обозначает тело, часть тела, голос экспериенцера реакции: *face, voice, body, hands, fingers, eyes, chin, cheeks, features*. Сам экспериенцер не дефокусирован полностью, однако находится вне основного фокуса (например, выражен притяжательными формами при подлежащем: *one's, his, my, of his*). Сказуемое выражено стандартными (в терминологии Б. Кортэ [Korte 1997] — *lexicalized / лексикализированными*) кинематическими предложениями, имеющими вид непереходных глаголов с семантикой неконтролируемой реакции: *shake, heave, tremble, buckle, etc.*, либо устоявшимися сочетаниями с непереходными глаголами: *one's features / face contort(s), one's face fall(s)*:

Her voice shakes (Hannah); *his whole face appearing to tremble with anticipation, with unbearable appetite* (McEwan); *Flapoon's chins trembled with silent laughter* (Rowling); *Her body heaves* (Hannah); *Her hands were shaking* (Galbraith); *Ron can feel his finger shaking* (Osman); *And Daisy, staring at the white-haired man, felt her knees buckle* (Rowling); *His features contorted, then relaxed* (BNC); *Robin knew her face must have fallen* when she looked up and saw Linda watching her (Galbraith).

Рассматриваемые высказывания стоит отличать от метафорических (декаузативных) реализаций различных агентивных ситуаций, в которых субъектные, псевдо-активные качества приписываются пациенту или инструменту. Конструкции типа *Someone was pointing the gun straight at me* —> *The gun was pointing straight at me*; *He was moving his head from side to side* —> *His head was moving from side to side* являются декаузативными, они затемняют, выводят в фон каузирующую силу [Болдырев 2000: 214]. В ситуациях по типу *Her hands were shaking* наличие агенса-каузатора не подразумевается, субъект-человек является экспериенцером состояния и реакции, а не каузирующей силой.

Отличаются они и от дефокусирования экспериенцера в высказываниях с лексикализированными репрезентациями «переходный глагол + часть тела», как *flare one's nostrils — one's nostrils flare, wrinkle one's nose — one's nose wrinkles*, которые описывают одну и ту же ситуацию. Переходные ЛСВ стандартных непереходных кинематических речений, как правило, имеют иное значение, нежели чем непереходный вариант (или отсутствуют в принципе): *She is shaking her hands* передает семантику контролируемости (*make something move (OALD)*); **He buckles his knees* имеет значение, никак не связанное с кинемами в принципе. Таким образом, логично будет заключить, что в современном английском языке подобные конструкции грамматически и узуально закрепились как прямые, а не переносные репрезентации неконтролируемых реакций.

В то же время, конструкцию «Part of the body + глагольное сказуемое, выражающее изменение формы, размера, положения в пространстве», нельзя считать универсальным средством передачи семантики неконтролируемости — то есть обозначающим неконтролируемую реакцию даже при использовании оригинальных (не лексикализированных) репрезентаций движения: *widen, open, twist, contort, etc.* Впрочем, нельзя также и отрицать, что тенденция такого выражения именно неконтролируемых реакций существует, что демонстрируют корпусные исследования.

Так, на наш взгляд, вне конкретного контекста приведенный выше случай *He was moving his head from side to side —> His head was moving from side to side* не является однозначной метафорой, а слово *head* в преобразованном высказывании — однозначно пациенсом при закадровом агенсе, поскольку первое высказывание выражает скорее контролируемую реакцию, а второе, напротив, — неконтролируемую. Это предположение подтверждается и анализом корпусов, так как контексты, в которых появляется структура типа “*head BE moving*”, предполагают именно неконтролируемую реакцию или в принципе неконтролируемую ситуацию (например, когда субъект без сознания): *I shouted to him to see if he was alright and got no response. His head was moving from side to side and his mouth was open (NOW Corpus); They've pointed to footage in which they*

claim *her head is moving strangely*, claiming she suffered a traumatic brain injury (NOW Corpus).

Неоднозначна также и интерпретация мимических репрезентаций с глаголом *widen*. Оба высказывания *His eyes widen* — *He widens his eyes* адекватны с точки зрения грамматики и узуса и могут описывать одну и ту же ситуацию, выделяя разные ее элементы. Однако предложения с подлежащим *eyes* представляются наиболее частотными: корпусный поиск предлагает значительное количество примеров, большинство из которых толкуются однозначно как неконтролируемая реакция; банки словарей OALD, Lexico.com, Longman предлагают только высказывания, построенные как *one's eyes widen*. В то же время, был проведен корпусной поиск репрезентаций ситуации *One widens one's eyes* с подлежащим-субъектом: использовались ежедневно обновляемый новостной корпус NOW Corpus (с ограничением поиска — «только британские источники») и Британский национальный корпус BNC (без ограничений). Запрос выглядел следующим образом: «WIDEN * eyes» (любые формы глагола WIDEN + любое слово + eyes). В общей сложности было найдено около ста примеров. В BNC высказывания, построенные как *Someone widens one's eyes*, описывали подчеркнута контролируемые действия, а не спонтанные реакции: *She put a finger to her lips and widened her eyes in mock puzzlement* (BNC); *Merrill widened her eyes in feigned disappointment* (BNC). В NOW Corpus также проявляется такая тенденция, хотя результаты и не столь однозначны: *The German has become adept at either widening his eyes or letting his jaw drop in response to some of the inanities* (NOW Corpus).

Как уже упоминалось, описанное исследование, разумеется, не позволяет делать выводы об универсальном характере такой структуры для выражения неконтролируемости, однако указывает на существование семантической рассинхронизации между конструкцией с подлежащим-субъектом и подлежащим, репрезентирующим часть тела, что немаловажно еще и в связи с тем, что неконтролируемость реакций в принципе сложно интерпретируется вне контекста.

3) Подлежащее выражено именной частью речи (или эквивалентом) и репрезентирует симптом или эмоциональную реакцию: *crying, sob, laughter, cough, etc.*, в значение которых инкорпорирован некий субъект-экспериментер реакции. Сказуемое выражено непереходным глаголом либо непереходным лексико-семантическим вариантом переходного глагола, выражающим фазу действия (*stop, start, finish, persist*): *the crying would not stop* (McEwan); *the cough persisted* (Galbraith); *his guffaws had subsided* (Galbraith).

Метафора

Метафорическая репрезентация ситуации неконтролируемой реакции предполагает, что предикат и / или другие позиции модели напрямую выражают значение неконтролируемой реакции посредством лексемы со значением неконтролируемости или неконтролируемой реакции, однако само действие, связи между партиципантами ситуации подвергаются переосмыслению.

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

1) Неконтролируемая реакция как качество субъекта. На первый план выходит субъект-экспериментер; эксплицируется неконтролируемое действие.

Для репрезентации используется модель с подлежащим-одушевленным экспериментером и именной частью сказуемого, выраженной словосочетанием «прилагательное / причастие, обозначающими вид неконтролируемой реакции, + существительное»: *a superannuated rep 'artiste' was a quivering mess — he could barely stand at the microphone* (Atkinson); *I was a crying mess* (NOW Corpus).

Схожей является репрезентация, структура которой включает подлежащее, выраженное именной частью речи и обозначающее одушевленного носителя реакции, и именную часть сказуемого, выраженную существительным с суффиксом деятеля *-er*, обозначающим реализацию той или иной реакции (*crier, smiler, vomiter*). Существительное может также иметь атрибутивные элементы, усиливающие эффект (*be a great crier*).

Strike, who'd never been a great crier, had sat down at the old roll-top desk with a lump like an apple in his throat (Galbraith); *He's a smiler, and when he smiles, his*

whole face lights up (NOW Corpus); She talks in depth about her anxiety and bulimia ("*I was a great vomiter*") (NOW Corpus).

Такая синтаксическая структура описывает реакцию, которая повторяется регулярно и потому концептуализируется как свойство предмета. Необходимо, однако, отметить, что порой за такой структурой стоит метонимическое описание характера человека: *They each have definitive characteristics. One is a smiler. And one is a frowner* (NOW Corpus). Так, в примере атрибуты *smiler* и *frowner* скорее акцентируют внимание на оптимистичном или пессимистичном отношении к жизни, а не на мимических привычках.

2) Часто реализуемым метафорическим концептом является HUMAN BODY IS A CONTAINER. Субъект-человек (экспериенцер), выраженный субстантивной единицей, представляется как сосуд, наполненный содержанием (эмоциональной реакцией). При это сама реакция может быть показана как напрямую (*laughter, crying*), так и метонимически, через ее атрибут (*tears*):

And I was full of tears until I heard the trumpets sound (McEwan); *As the guests sit down at the table, they're full of laughter and wear bright smiles* (NOW Corpus).

Той или иной эмоциональной реакцией, выраженной в именной части сказуемого, может быть «наполнена» и целая ситуация, подразумевающая участие как одного, так и нескольких человек, выделенная по принципу места, времени и т.д., например:

the roughly 40-minute interview was full of laughter (NOW Corpus); *our home was full of laughter* (NOW Corpus); *the nights are full of screams and tears* (NOW Corpus).

Как представляется, два примера *I was full of tears; the nights are full of tears* и в целом возможность метонимической репрезентации реакции «плач» в рамках метафорической реализации модели требует отдельного рассмотрения.

Номинация *tears* («слезы») — распространенный элемент при метонимической репрезентации реакции *crying* («плакать»). Однако в рамках настоящей работы стоит различать метонимические репрезентации (1) на уровне лексического концепта (*One is close to tears = One is close to crying*), и (2) на

уровне синтаксического концепта, обозначающего целую ситуацию (*He is crying = Tears are streaming down his cheeks, Tears appeared in his eyes, Tears were dripping..., etc.*).

В первом случае вещественные свойства слез как субстанции нивелируются, играет роль только то, что они являются атрибутом определенной реакции, которую замещают. Точно так же в высказывании *the tears looked real* оценивается достоверность (контролируемость) именно реакции, а не слез как субстанции. Отметим, что в высказывании *One is full of tears* такая интерпретация скорее противоречит интуитивной, поскольку выражение *be full of* является прототипическим для описания жидкостей, однако такое толкование все же представляется верным. Метонимы сложных концептов, основанные на предметно-конкретном образе, как правило, визуализируются в некую понятную картину, даже если в их языковой репрезентации участвует также и механизм метафоры. В то же время, *One is full of tears* скорее передает интенсивность эмоциональной реакции, чем создает образ какой-то смежной ситуации (в отличие, например, от *his eyes were full of tears*).

Во втором случае слезы показаны как субстанция, с которой что-то происходит (она появляется, где-то находится, течет, струится, капает и т.д.), следовательно, одна ситуация репрезентируется через другую, смежную с ней ситуацию, причем обе эти ситуации выражаются не посредством отдельных лексем, а посредством целого предложения.

Концепт ACTIVITY OF AN OBJECT / Модель SP

1) Реакция и ее динамический признак.

Подлежащее выражено именной частью речи (или эквивалентом) и репрезентирует симптом или эмоциональную реакцию: *crying, sob, laughter, cough, etc.* Сказуемое выражено непереходным глаголом либо непереходным лексико-семантическим вариантом переходного глагола, выражающим качественные изменения реакции:

His frown deepened, considering her incompetence, she supposed (Atkinson); *Her grin widened* slightly when she saw the blush and look of dismay on my face (NOW Corpus).

2) Восприятие и оценка реакции сторонним наблюдателем.

Интерес представляют высказывания, включающие подлежащее, репрезентирующее неконтролируемое действие (*laughter, tears, smile*), и сказуемое, выраженное глаголами внешней перцепции + прилагательное, причастие и т.д.:

Does his laughter seem genuine and spontaneous instead of forced? (NOW Corpus); You would almost think this was a setup, but apparently *the tears looked real* (NOW Corpus); Two of the smiles look natural and convincing (Hannah).

В таких высказываниях субъект-экспериментер уходит в фон полностью либо фигурирует вне основного фокуса. Хотя подлежащее репрезентирует неконтролируемую реакцию, в фокусе оказывается не сама по себе реакция, а ее определенная характеристика, оценка, исходя из которой можно судить в том числе и о ее контролируемом или неконтролируемом характере. Например, прилагательные *genuine, real, spontaneous* свидетельствуют о том, что реакция является искренней, настоящей, в то время как атрибуты *fake, forced, unnatural, disingenuous* характеризуют реакцию, которую человек имитирует:

M7's face is nice but *his smile looks fake*; Her smile looks forced and unnatural; *The laughter seemed disingenuous* which is rare for Visitor and Alaimo (NOW Corpus).

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

1) Некоторые лексикализованные кинематические речения имеют форму «переходный глагол + прямое дополнение»: *wrinkle one's face / nose* (=Grimace and cause wrinkles on (a part of the face) (Lexico.com)), *furrow one's brows* (if your brows or eyebrows furrow or are furrowed, you pull them together, usually because you are worried, and so produce lines on your face (OALD)), *flare nostrils* (if a person or an animal flares their nostrils, they become wider, especially as a sign of anger (OALD)) (подробный разбор устоявшихся репрезентаций мимических реакций предлагается, например, в [Хлыстова 2005; Проскурнич 2019]). Существование

таких единиц позволяет говорить об еще одном способе метафорической репрезентации реакции: ненаправленный процесс (реакция) структурирован как направленный процесс, неотчуждаемый инструмент (часть тела) показан как объект действия.

Подлежащее в этом случае будет выражено субстантивной единицей, репрезентирующей экспериенцера ситуации, сказуемое — переходным глаголом в его конкретно-предметном значении, прямое дополнение репрезентирует часть тела субъекта (*face, nose, brows, mouth, etc.*).

2) Неконтролируемая реакция как пациент / объект манипуляции. Эксплицируются субъект (первичный фокус) и конкретная неконтролируемая реакция; часто уточняются отдельные характеристики или значение реакции.

Непрототипические репрезентации зачастую подразумевают объективацию реакций, представление их в качестве предметов, которые перемещают в пространстве, над которыми производятся действия. В предложении их репрезентации занимают позицию прямого дополнения, выраженного именной частью речи либо — зачастую — именной группой (существительное + существительное, прилагательное / причастие + существительное). Атрибутивная часть присутствует почти во всех примерах выборки, относящихся к данному типу. С ее помощью описывается характер или значение реакции. Она также может нести дополнительную информацию о ее неконтролируемости (*genuine, real*) или контролируемости (*fake, forced*).

Большинство таких конструкций так или иначе синонимичны прототипическим репрезентациям неконтролируемых реакций, описанным ранее (Ср.: *He smiles happily* и *He smiles a happy smile*). Различие состоит в том, что репрезентации при помощи переходных глаголов обладают большей выделенностью, а также дают больше возможностей акцентировать внимание на характере реакции, дополнительно указывая на их неконтролируемость или уточняя репрезентируемое эмоциональное или физическое состояние, которое в данном случае будет заключено не в сирконстантах, а в обязательных актантах (в

рамках именной группы) (ср.: *He whimpers (quietly) — He produces a little whimpering noise*).

В качестве субъекта высказывания может выступать экспериенцер или часть его тела, которой приписывается та или иная реакция. В качестве прямого дополнения может выступать как номинация конкретной реакции (*laugh, smile, sob, gasp*), так и более общие термины, требующие экспликации (*look, glance, tone, noise, expression*). Соответственно, информация о неконтролируемости может содержаться только в субстантивной единице, только в определении, в обоих элементах именной группы (ср.: *He emitted a short laugh — he wore a genuine smile — He made a whimpering sound*).¹

Рассмотрим типы метафорических репрезентаций:

а) Ситуация обладания. Предикат выражен глаголами, которые напрямую выражают или имплицитно выражают обладание предметом (*Have, wear, enjoy*):

He's got hiccups (Rowling); she had her crying fit (Hannah); This one <...> wore a timid smile (Rowling); [*He was*] enjoying a laugh with two of his old friends (Galbraith).

б) Ситуация перемещения предмета (в т.ч. получения, передачи), обмена предметами: *give, cast, throw, exchange, etc.*:

— give a small laugh / an odd little laugh / a wheezy little chuckle / a little chuckle / a short snort / a delighted peal of laughter / a sudden laugh;

— give / emit a wretched kind of sob / moans of anguish interspersed with weeping / a little yelp of pain / a little cry of pain / a gasp of adolescent exasperation / a little scream / a huge gasp;

— give a genuine smile / weak smile / a small smile;

— emit a loud and satisfying belch.

в) Ситуация производства (созидания) предмета (глаголы *make, produce*):
make / produce a little whimpering noise / a spluttering noise, etc.

¹ Тем не менее, стоит различать высказывания типа *He made a whimpering sound* и *He made a disgusted sound*. Первое является метафорой, поскольку сама реакция – *whimper* – присутствует в репрезентации, пусть и только в качестве атрибутивной конструкции, определяющей объект. Второе скорее является случаем метафтонимии: реакция репрезентируется прежде всего метонимически, интерпретируя действие, но не называя его. При этом само по себе высказывание является случаем метафорической реализации модели направленного действия.

d) Ситуация с прототипическим значением неконтролируемой реакции (улыбка, смех, плач и т.д.), построенная по модели: прототипический непереходный глагол реакции + результат реакции, выраженный зачастую однокоренным словом (*cognate object*). Однокоренное с предикатом дополнение в таких конструкциях, как правило, сопровождается какими-либо зависимыми словами, уточняющими характер реакции, который и оказывается в фокусе внимания.

He smiled his lovely smile (Atkinson); When opening and reading the certificate she cried happy tears and I received the biggest hug (NOW Corpus); His father vomits green bile (Lexico.com).

3) Неконтролируемая реакция как активный субъект или субстанция.

— Физическая или эмоциональная реакция овладевает экспериенцером, меняет его внешний вид. В качестве субъекта выступает сама реакция либо стоящее за ней состояние, которой приписываются агентивные свойства, а в качестве объекта — экспериенцер ситуации или часть его тела: a spasm of pain seizing his canine features (Atkinson); Robin <...> was seized by a paroxysm of coughs (Galbraith); the anger in his face [was] tightening the muscles along his jaw, hardening his eyes (McEwan).

— Физиологическая или эмоциональная звуковая реакция как субстанция, наполняющая сосуд (пространство, временной промежуток). В фокусе внимания находится неконтролируемая реакция, имплицитная субъекта, однако в репрезентации субъект может быть не выражен вовсе либо обозначаться при помощи средств низкой престижности (притяжательные местоимения и т.д.): laughter filled the air (Galbraith); It became a massacre and screams filled the air (NOW Corpus); Their screams filled the night (NOW Corpus).

— Физиологическая или эмоциональная реакция служат ответом на вопрос в диалоге (субъект также только имплицитно, в прямом дополнении выражен наблюдатель реакции): A storm of dry sobs answered her (Galbraith).

Концепт TRANSFER OF AN OBJECT / Модель SPO_{Ind}O_{Dir}

Неконтролируемая реакция как предмет, передаваемый адресату.

Некоторые периферийные варианты данной модели могут служить для репрезентации мимических реакций, адресованных кому-либо. Подлежащее, репрезентирующее экспериенцера, выражено именной частью речи или эквивалентной конструкцией; сказуемое выражено двупереходным глаголом со значением передачи, отчуждения предмета; косвенное дополнение репрезентирует адресата действия и выражено именной частью речи; прямое дополнение представляет собой субстантивацию реакции, иногда сопровождаемую также атрибутивными конструкциями:

He gave her the full benefit of his rakish smile (Atkinson); She <...> gave him a big smile (NOW Corpus).

Концепт LOCATION OF AN OBJECT / Модель $SP_{Link} + A_{Stat.Loc}$

1) Местоположение субъекта показано относительно той или иной неконтролируемой реакции. Внимание фокусируется на субъекте, эксплицируется конкретная неконтролируемая реакция.

Реализация включает подлежащее, репрезентирующее экспериенцера, локативный комплемент, репрезентирующий неконтролируемую реакцию напрямую (*crying, screaming*) или метонимически (*tears*). Локативный элемент, как правило, выражен сочетанием наречие / предлог местоположения (*close to, about, in*) + субстантивированный репрезентант реакции: Juliet thought that *she might be about to be sick* (Atkinson); *she is close to crying* (BNC); The receptionist was nearly in tears by this point (Hannah); [He is] close to tears through boredom (Osman); [She is] suddenly and perilously close to tears (Galbraith).

2) Реакции показаны как предметы окружения. На первом плане сама реакция, в то время как субъект или субъекты могут выражаться в локативном элементе напрямую или метонимически.

Подлежащее выражено субстантивной единицей или именной группой, репрезентирующей действие-реакцию напрямую (*gasp, scream, laughter, smile, crying*); адвербиальный элемент выражен наречием *there* (в рамках конструкции *there is / there are*) либо также дополнен другими локативными обстоятельствами,

обозначающими экспериенцера или часть его тела (как источник реакции или как контейнер), локацию / направление в рамках внешнего мира.

There was another gasp from all the surrounding children (Rowling); There were screams on every side (Rowling); *there were screams of joy* as loved ones found loved ones (Rowling).

В некоторых конструкциях показано положение реакции относительно экспериенцера, который, как правило, только имплицитруется: чем реакция ближе, тем выше вероятность, что она будет реализована. Реакция также может уходить или, наоборот, возвращаться:

Your eyes are alive, *your laugh is back* (Osman); *But laughter was far away* as I saw this person before me (NOW Corpus); I can see *the tears are close* (NOW Corpus).

3) Реакция, выраженная обобщающей субстантивной единицей, может быть также описана как предмет расположенный относительно других, более конкретизированных реакций, которые выражены в локативном элементе. В данной реализации экспериенцер уходит в фон, а в фокусе внимания находится только сама реакция и отдельные ее характеристики: *She lands half on top of him, with a noise that's halfway between a scream and a howl* (Hannah).

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель SPA_{Dir.Loc}

1) Эмоциональная реакция структурируется как действие, направленное на предмет, человека, явление / перемещение через пространство, время или другое действие. На первом плане фигурируют экспериенцер и конкретная неконтролируемая реакция, может также эксплицироваться каузант (иногда — цель) реакции, задействованные части тела, сопутствующие действия и ситуации.

— Подлежащее-экспериенцер выражено субстантивной единицей; сказуемое выражено прототипическим непереходным глаголом неконтролируемой реакции, директивный локативный комплемент вводится предлогами пространственной ориентации / направления *at, into, over, about, for, (down) at, etc.* и содержит также субстантивную единицу, именную группу, обозначающие событие, явление, человека, часть тела человека, ставших причиной реакции: *She beams at me* (Hannah); I laugh at the memory (Hannah); Even

when Thomas started wailing about his blister (Hannah); They were chuckling over this (McEwan); they were crying for JOY (McEwan); some ragged children gasped at the magnificent horses (Rowling); Bernard Cottle <...> weeps for what he has done (Osman); she choked on a grape (Atkinson); [he was] pausing on a long intake of breath (McEwan);

— вопреки которым происходит реакция: said Robin, laughing against her will (Galbraith).

— Локативный комплемент может также обозначать цель реакции (в нашем случае речь о цели, к которой субъект стремится рефлекторно): Lucy gasping for air like a beached fish (Galbraith).

— В случае реакций, связанных с колебаниями тела, в локативном элементе может эксплицироваться часть тела, охваченная реакцией: Fred, on the other hand, was quivering from head to foot (Rowling).

— Директивный локативный комплемент выражает временной промежуток / событие, во время которого происходила неконтролируемая реакция: The king simply wept all through his questioning (Rowling); just [you] try not to *laugh through nearly the whole thing* (NOW Corpus); либо эмоциональную реакцию, на фоне которой происходило другое действие (сказуемое при этом может быть выражено любым непереходным глаголом, либо непереходным ЛСВ переходного глагола): Residential school survivor Evelyn Camille spoke through tears (NOW Corpus); Nunu Diana smiled through tears (NOW Corpus)

2) Неконтролируемая реакция как направление движения экспериенцера.

Подлежащее-экспериенцер; сказуемое, выраженное глаголом неконтролируемого перемещения, воздействия, разрушения (*break, explode, burst, split*); директивный локативный комплемент выражен наречием направления (*down, into, off, etc.*), одиночным либо сопровождаемым субстантивной единицей, репрезентирующей реакцию (*tears, laughing, hilarity*):

Spittleworth and Flapoon burst out laughing (Rowling); Mrs. Tufty <...> burst into a storm of tears (Galbraith); He breaks off with a yawn (Hannah); and then [she]

breaks down and sobs (Hannah); Even as Runcie exploded into hilarity at his own story (McEwan); Johnathan Hankins split into a wide grin (NOW Corpus).

В рассматриваемых реализациях модели в фокусе внимания находится экспериенцер ситуации, эксплицируется конкретная неконтролируемая реакция, неконтролируемый характер которой усиливается также посредством предикатов с семантикой разрушения, неконтролируемого перемещения.

3) Мимическая реакция как направление движения.

Подлежащее репрезентирует часть тела субъекта, участвующую в реакции. При этом репрезентация действия как бы расщепляется на два компонента: первый выражается предикатом, репрезентирующим некое мимическое движение, в значении которого большей выделенностью обладает семантика движения, изменения формы или положения, а второй заключен в директивном комплементе, эксплицирующем реакцию при помощи лексемы, фокусирующей внимание не только на исполнении движения, но и его значении.

Dad's forehead was crinkling into a frown (BNC); Hayman's monkey-like face twisted into a vicious scowl (BNC); Her features creased into a frown (BNC); My face spilled into a wide grin (NOW Corpus).

Отметим, что семантика глагола-сказуемого не обязательно ограничивается только репрезентацией движения (формы кинемы, без учета ее значения). Правильнее будет сказать, что семантика глаголов, помимо значений движения, изменения формы и положения, дефокусируется в конкретном синтаксическом и лексико-семантическом окружении. Так, глагол *twist* в непереходных предложениях без директивного комплемента часто используется для передачи неконтролируемой реакции без каких-либо дополнительных экспликаций. К тому же, возможно подобное переосмысление глаголов и с более салиентной семантикой реакции (локативный комплемент в таком случае будет репрезентировать уже не саму реакцию, а только интерпретацию реакции): his forehead frowned into a tense concentration [Проскурнич 2019: 78].

4) Мимическое движение как происшествие, происходящее вне экспериенцера. Часть тела экспериенцера, задействованная в реакции (*mouth, eyes,*

chin, hand), наделяется агентивными свойствами и выступает метафорическим субъектом ситуации (подлежащим предложения), при этом сам экспериенцер дефокусирован или выражен вне первичного фокуса. Неконтролируемость показана не с помощью прототипических репрезентантов неконтролируемых реакций, а посредством предикатов со значением происшествия, неконтролируемого перемещения (*drop, fall, gape, hang*). Директивный локативный компонент выражен сочетанием «наречие / предлог направления + субстантивная единица», причастием / прилагательным со значением состояния. Значение действия может также поясняться сирконстантами: *in anticipation of smth, nervously, etc.*:

Camilla Hosmer's mouth has dropped open (Hannah); Daisy's mouth fell open (Rowling); her mouth hanging open (Rowling); Her mouth gapes open (Hannah); The woman's eyes roamed nervously from Juliet to Godfrey (Atkinson).

5) Неконтролируемая реакция появляется, распространяется, перемещается в пространстве. Субъект выведен в фон или выражен средствами низкой престижности.

— Подлежащее выражает неконтролируемую реакцию (*shriek, smirk, smile, silence, wails*), зачастую сопровождается атрибутивными элементами (*broad smile, stunned silence, wails of pain*); сказуемое выражено глаголами перемещения, распространения (*turn, spread, pass*), фазовыми (*continue*), появления / исчезновения (*appear, disappear, fade, show*); локативный элемент выражен сочетанием «предлог / наречие направления (*on, against, from, over, in, out of*) + субстантивная единица», причастием / прилагательным (*silence continued unabated*):

a broad smirk spread over Lord Spittleworth's face (Rowling); the smile fading from his face (Rowling); gasps spread through the crowd like flames. (Rowling); *smile <...> turns, in an instant, to tears* (Osman); a fleeting smile passed over Strike's face (Galbraith); Strike's stunned silence continued unabated (Galbraith).

Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT / Модель SPO_{Dir.A}Dir.Loc.

1) Варианты лексикализированных репрезентаций реакций «переходный глагол + существительное» (см. выше реализации модели **SPO_{Dir}**) с ориентационным наречием *up*: *Bogdan <...> screws up his face* (Osman); [It makes] *me wrinkle up my nose* (NOW Corpus).

Директивный локативный комплемент может также конкретизировать выражение, в которое складывается мимическое движение: *Blanche twisted her lips into a sneer* [Проскурнич 2019: 108].

2) Неконтролируемая реакция выпускается, выталкивается субъектом ситуации. В фокусе внимания субъект и его неконтролируемая реакция.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, выражает экспериенцера. Сказуемое выражено глаголами, ассоциирующимися с движением или перемещением предмета, типа *let*, *burst*; директивный локативный комплемент представлен наречием со значением отчуждения *out*, *away*; прямое дополнение репрезентирует субстантивированную реакцию (*sigh*, *roar*, *scream*, *snort*), которая часто получает дополнительное толкование также в зависимых атрибутивных конструкциях. Атрибутивные элементы, как и во всех репрезентациях с субстантивированными действиями, играют важную роль для причисления ситуации к контролируемым и неконтролируемым: их значение может как передавать или усиливать семантику неконтролируемости (*involuntary snort of laughter*, *ragged sigh*), так и нивелировать ее (*forced laugh*).

Lewis lets out a ragged sigh (Hannah); She let out a terrible sound, a smothered howl (McEwan); Flapoon let out a high-pitched scream (Rowling); One of the little girls <...> let out a squeal (Rowling); One let out a terrified giggle (Rowling); The baby Ickabog let out a terrible roar (Rowling); Bernard lets out a long breath (Osman); [He] lets out a belly laugh (Osman); Strike let out an involuntary snort of laughter (Galbraith); “Flapoon!” burst out Roderick, at last (Rowling).

3) Речь происходит на фоне эмоциональной реакции (буквально проходит через реакцию). Субъект-экспериенцер находится на первом плане, однако фокус направлен на действие «говорение», а не на сопровождающую его неконтролируемую реакцию.

Подлежащее-экспериенцер выражено субстантивной единицей; сказуемое представлено любым переходным глаголом либо переходным ЛСВ непереходного глагола (чаще всего, глагол, имеющий прямое или переносное значение говорения, передачи сообщения); прямое дополнение репрезентирует предмет или субстантивирует абстрактную материю (например, сообщение); директивный локативный комплемент выражает эмоциональную или физиологическую реакцию, на фоне которой происходило другое действие. Прямое дополнение может быть выражено словом именной части речи, именной группой, придаточным предложением, прямой речью. Директивный элемент, как правило, передан сочетанием «through + субстантивированная репрезентация реакции»:

“Oh, it’s lovely,” sighed the little girl through tears of joy. (Rowling); “What an excellent idea,” said Spittleworth, through gritted teeth (Rowling).

4) Неконтролируемая реакция перемещает экспериенцера или часть его тела в другое место или состояние. На первом плане субъект-экспериенцер и неконтролируемая реакция. Результирующее место или состояние, как правило, служат для характеристики интенсивности реакции.

Подлежащее-экспериенцер выражено субстантивной единицей; сказуемое выражено прототипическим глаголом неконтролируемой реакции в переходном ЛСВ; прямое дополнение представлено возвратным местоимением или субстантивной единицей, репрезентирующей часть тела экспериенцера; локативный директивный комплемент выражен наречием направления, сочетанием «предлог направления + субстантивная единица», обозначающая состояние; прилагательным / причастием, обозначающим состояние:

We would <...> giggle ourselves silly (Osman); he cried himself to sleep (Osman); he’d cried his eyes out about it (Galbraith).

5) Действие, заболевание или иное состояние перемещают экспериенцера в другое состояние либо провоцируют неконтролируемую реакцию, симптом. Субъект-экспериенцер менее выделен, чем сама неконтролируемая реакция или ее каузант, однако эксплицирован в предложении.

Подлежащее репрезентирует часть тела или действие экспериенцера, каузирующие то или иное состояние; сказуемое выражено переходным глаголом со значением перемещения / передачи предмета; прямое дополнение обозначает экспериенцера или часть его тела; локативный компонент, выраженный прилагательным / причастием со значением состояния или сочетанием «предлог направления + субстантивированная реакция», репрезентирует каузированное состояние экспериенцера / части его тела.

his lungs immediately treated him to a violent fit of coughing (Galbraith); Her epic speech left her out of breath (NOW Corpus); a heart defect that makes her breathless (NOW Corpus).

Метонимия

Метонимические репрезентации неконтролируемых реакций (на уровне структуры высказывания) предполагают замещение ситуации неконтролируемой реакции другой, смежной с ней базовой ситуацией. Смежность в данном случае предполагает наличие между ситуациями некой связи, как, например, сцена и часть сцены (*SOMEONE IS CRYING* через *TEARS AS A SUBSTANCE*) и т.д.

Концепт LOCATION OF AN OBJECT / Модель SP_{Link} + A_{Stat.Loc}

Слезы (репрезентант плача) показаны как субстанция, локализованная в пространстве. Экспериенцер дефокусирован или выражен средствами низкой престижности. Подлежащее выражено существительным *tears* или смежными понятиями (*wetness, moisture, moistness*). Локативный элемент выражен обобщенно, местоимением *there* (например, в рамках конструкции *there is / there are*) либо сочетанием «предлог местоположения + существительное, репрезентирующее реальное местоположение субстанции (часть тела, предметы)»:

There were tears in Mark's eyes (McEwan); There are silly, proper tears now (Osman); wetness in his eyes <...> hadn't been there a moment ago (BNC).

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель SPA_{Dir.Loc}

Слезы как репрезентант плача показаны в виде субстанции, перемещающейся в пространстве. Экспериенцер дефокусирован или выражен

средствами низкой престижности. Подлежащее выражено существительным *tears* или смежными понятиями. Сказуемое выражено глаголом со значения перемещения, применимого к жидкостям (*fill, roll, stream, drip, trickle, etc.*). Директивный локативный комплемент выражен наречиями с директивным значением или сочетаниями «предлог / наречие + субстантивная единица, репрезентирующая направление или маршрут»:

A tear rolls down Zannah's cheek (Hannah); Tears'd spill over (Hannah); a tear trickled down her nose (Galbraith); tears [were] dripping down... (NOW Corpus).

Возможна также метафтонимическая репрезентация по модели каузированного перемещения: tears make her cheeks wet (NOW Corpus).

Метафтонимия

Метафтонимическая передача неконтролируемой реакции подразумевает работу механизмов метонимии и метафоры. Первичен механизм пропозициональной метонимии, но при этом концепт, выражаемый метонимом, структурируется по одной из метафорических пропозициональных моделей.

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

Метонимически: репрезентация неконтролируемой реакции через состояние, которое ее провоцирует (повествовательный режим: сторонний наблюдатель). Метафорически: состояние субъекта представляется как свойство субъекта, как внешняя, наблюдаемая характеристика [Кузьмина 2015: 317].

1) Неконтролируемая реакция — через состояние, которым она вызвана. Внимание фокусируется на субъекте реакции, имплицитно сторонний наблюдатель, реакция не конкретизируется.

Как уже упоминалось в п. 1.4, реакции могут передаваться интерпретативно, через описания эмоций и состояний, стоящих за тем или иным элементом мимики или языка тела [Turner, Fauconnier, 2002: 473-475; Апресян, 2006: 155]. В [Хлыстова 2005: 17] такие элементы описываются как оригинальные интерпретирующие кинематические речения, где под кинематическими речениями подразумеваются языковые репрезентации жестов, кинем (знаковых (неутилитарных) движений). В.Г. Хлыстова приводит в пример речения,

включающие в себя элементы наподобие **to look** + *astonished* / *bewildered*; **to sound** + *amused* и т.д., которые подразумевают наличие в ситуации интерпретатора-наблюдателя, дающего оценку увиденному и услышанному и чаще всего отличного от субъекта-экспериментера состояния (инкорпорация наблюдателя в лексические единицы на материале русского языка рассматривается, например, в [Падучева 2006]). В случае приведенных выше структур внешний наблюдатель-интерпретатор инкорпорирован в семантику лексических элементов, однако в некоторых высказываниях наблюдатель может оставаться полностью за кадром. Подлежащее в данном случае будет выражено тем или иным субстантивом, репрезентирующим одушевленного экспериментера эмоционального состояния, а именная часть сказуемого — прилагательным или причастием со значением состояния (*surprised, disappointed, upset, emotional*): как отдельно стоящим, так и в связке с каузативной конструкцией, эксплицирующей причину возникновения состояния (*at, about, with + nominal phrase, to + infinitive*).

Стоит отметить, что такая синтаксическая конструкция может толковаться как репрезентация действия только в определенных контекстах: в ситуациях, когда интерпретация исходит от стороннего наблюдателя, а не самого субъекта-носителя состояния. Сторонний наблюдатель может интерпретировать эмоциональное и физиологическое состояние субъекта только по каким-то внешним проявлениям, в то время как сам экспериментер, скорее всего, просто его констатирует. Целесообразно также рассматривать в первую очередь контексты, в которых интерпретация состояния экспериментера дается наблюдателем во время непосредственного общения, например, признаки удивления, страха, радости — в ответ на какое-то сообщение, полученное от собеседника, как в следующих примерах:

I didn't give her a chance to say anything. I started talking at a million miles an hour — saying how sorry I was, that I didn't know what had come over me. *She was upset*, but she said she understood (Hannah), I can't tell if she's impressed or repelled (Hannah), *She's surprised to see me* and not in a good way; she can't hide it either (Hannah), He looked at her, [*he was*] *both surprised and disappointed* (McEwan); she

was quite emotional to hear from me (Galbraith); “Oh,” said Janice. For a moment, Robin had the distinct impression that *Janice was truly cross with her friend this time* (Galbraith); Oonagh was still visibly nervous (Galbraith).

Высказывания, репрезентирующие ситуации, которые не подразумевают (или не однозначно подразумевают) непосредственное общение в момент интерпретации, не обязательно содержат выводы, основанные только на анализе языка тела: (1) *The Manchester United manager was surprised to learn of Liverpool's 2-2 draw with Sunderland at the Stadium of Light (NOW Corpus)*; (2) *one weekend I took off and was brought home by the police. My father was livid* (Galbraith); (3) *But my father found out I'd spoken to Oonagh and he was furious. He made me give him Oonagh's number and called her and accused her of encouraging me to defy him* (Galbraith).

Так, об испытываемых эмоциях экспериенцер может просто сообщить напрямую, как в (1), либо они могут выражаться в том числе и в контролируемых действиях, как в (2), (3).

2) Неконтролируемая реакция — через интерпретацию выражения лица, жестов рук и поведения сторонним наблюдателем. Субъект-экспериенцер, как правило, присутствует, но не в первичном фокусе (например, в виде притяжательных единиц *Flora's, his, her*); имплицитно наличие стороннего наблюдателя; конкретное действие не выражено.

Подлежащее, выраженное именной частью речи, репрезентирует часть тела субъекта-экспериенцера (*face, hands, eyes, etc.*) или абстрактные понятия манеры, выражения лица, голоса (*manner, behavior, expression, voice, etc.*), а именная часть сказуемого, выраженная прилагательным, причастием или существительным, расшифровывает эмоциональное состояние, передаваемое тем или иным выражением лица / элементом поведения:

Flora's expression is guarded. It wasn't before I asked the question (Hannah); *His face is twisted: a mixture of rage and confusion* (Hannah); *Her face was as rigid as her smile had been* (McEwan); *his still-handsome, good-natured face was stiff with*

anger. (McEwan); *His face is a mixture of bafflement and irritation* (NOW Corpus); Lady Eslanda, whose face was so anxious (Rowling); Chris's voice is raised (Osman).

3) Особым случаем метонимической передачи динамической неконтролируемой ситуации через статическую является устоявшееся (в т.ч. внесенное в толковые словари Oxford, Lexico.com, Merriam-Webster, etc.) выражение *be sick* (статическое состояние, чувство тошноты) в значении *vomit* (процесс рвоты), поэтому здесь, в отличие от случаев метонимии, описанных выше, наличие стороннего наблюдателя не является обязательным режимом интерпретации. В подобных высказываниях также имплицитно конкретное действие, несмотря на отсутствие прямой номинации.

В данной реализации модели подлежащее выражено субстантивной единицей и репрезентирует экспериенцера состояния, а составное именное сказуемое — конкретное состояние *be sick*:

I will not be sick (Atkinson); He's not going to be sick, is he? (Atkinson).

О том, что форма закрепилась в языке, свидетельствует и то, что она подвергается дальнейшему переосмыслению, все больше сближаясь в грамматическом плане с прототипическим глаголом *vomit*: используется с директивными локативными комплементами, сочетается с глаголами, выражающими модальность необходимости / желания и т.д.

Flapoon, who'd drunk far too much red wine, spent the same period *being sick in a second bucket* in the corner (Rowling); the baby was sick *all over my silk shirt* (Lexico.com); I *felt the need* to be sick (Lexico.com).

Концепт ACTIVITY OF AN OBJECT / Модель SP

1) Метонимически: концепт *SOMEONE IS CRYING* через концепт *TEARS AS A SUBSTANCE*. Метафорически: глаза как контейнер для слез / как источник слез.

Подлежащее, выражаемое лексемой *eyes*, указывает на место локализации реакции. Сказуемое выражается непереходными глаголами, концептуально связанными с перемещением воды, движением потоков, рек и т.д.: *fill with tears, stream, overflow with tears*. При этом предикаты типа *fill, overflow* в значении «наполниться» требуют обязательного дополнения, вводимого предлогом *with*. В

следующих случаях лексемой *eyes* репрезентируются направление движения; контейнер, наполняемый субстанцией: He hadn't seen *her eyes fill with tears* (Galbraith); *The shepherd's eyes overflowed with tears* (Rowling); глаза также могут быть и источником, отправным пунктом перемещения: *eyes [were] streaming* (Galbraith).

Фокус наблюдателя может смещаться с глаз как источника или резервуара для слез, на собственно слезы как субстанцию. В таком случае экспериенцер реакции и источник субстанции чаще всего полностью уходят в фон. Сказуемое выражается глаголами, имеющими прямое или переносное значение фазовости (*start, commence, stop*), нахождения (*well*), появления (*appear, show*), каузации ощущения (*prickle, tickle*) и т.д.: *tears started in Robin's eyes* (Galbraith); *the tears came* (Osman); *Tears welled again in Oonagh's eyes* (Galbraith); *tears prickled in the exhausted Robin's eyes* (Galbraith); *I feel the tears prickling* (Osman).

2) Метонимически: неконтролируемая реакция через ее интерпретацию. Метафорически: реакции приписываются свойства объекта материального мира.

Подлежащее выражено именной частью речи (или эквивалентом) и репрезентирует внутреннее состояние: *annoyance, irritation, fear, etc.* Сказуемое выражено непереходным глаголом либо непереходным лексико-семантическим вариантом переходного глагола, семантика которого связана с концептами направленного движения, появления, фаз действия: *Possibly her annoyance showed* (Galbraith); *will the friendly façade slip?* (Hannah).

3) Метонимически: неконтролируемая реакция через ее интерпретацию. Метафорически: характеристика предмета через ощущение / интерпретацию наблюдателя. В данном случае на первом плане находится экспериенцер состояния и вызванной им реакции, сама реакция только имплицитруется.

Подлежащее выражено субстантивной единицей и репрезентирует экспериенцера реакции, часть его тела, лицо, отдельные черты, голос, интонации, предикат выражен лексико-семантическим вариантом непереходного глагола со значением чувственного или ментального ощущения: *look, sound, seem.*

а) Звуковые характеристики / глагол *sound*:

— голос либо высказываемое сообщение приобретают дополнительные характеристики из-за эмоциональных факторов: *sound relieved / upset / slightly mollified / angry / placated / gleeful / anxious / exasperated / disapproving / tearful / sound the way someone would sound if someone had a gun to their head / genuinely thrown off course by the question.*

— подвергается сомнению осознанность, контролируемость сказанного, адекватность содержания сообщения (из-за алкогольного опьянения, безумия): *sound drunk / insane / madder (by the minute).*

b) Визуальные характеристики / глагол *look*:

look upset / worried / preoccupied / alarmed / determined / displeased / disappointed / distraught / puzzled / confused / mystified / blank / hurt / nervous / embarrassed / crushed / unhappy / shaken / crestfallen / uncomfortable / panicky / relieved / angry / deranged / disgusted / appalled / trapped / as if she thinks she's lucky at all / inspired / delighted / serious / mildly interested in this coincidence / skeptical / as though he had had a shock / thunderstruck / fearful / slightly cowed.

c) Особенности реакции, воспринимаемые разными перцептивными путями / глагол *seem*:

seem nervous / amused / egregiously cheerful / scared / angry / every bit as scattered and distracted as Robin felt, etc.

4) Метонимически: неконтролируемая реакция через интерпретацию силы, каузивировавшей ее / указание на неконтролируемость без описания денотативного действия. Метафорически: внутреннее состояние как ненаправленное действие. Предметом сообщения является субъект и испытываемое им состояние. Имплицируется сторонний наблюдатель, тем или иным образом толкующий поведение субъекта.

Подлежащее, выраженное именной частью речи, называет экспериенцера. Сказуемое выражено непереходным глаголом, семантика которого несет информацию об утрате контроля и аффективном состоянии: *panic* (to suddenly feel frightened so that you cannot think clearly and you say or do something stupid, dangerous, etc. (OALD)); *overreact* (to react too strongly, especially to something

unpleasant (OALD)); *snap* (to suddenly be unable to control your feelings any longer because the situation has become too difficult (OALD)); *burst (with emotion)* (Feel a very strong or irrepressible emotion or impulse (Lexico.com)) и т.д.:

He just snapped (OALD); Major and Mrs. Beamish nearly burst with pride in their son (Rowling); they'd probably think *I suddenly panicked* (Hannah); I overreacted (Hannah).

5) Метонимически: Неконтролируемая реакция через интерпретацию выражения лица, глаз. Метафорически: статическое состояние как ненаправленное действие. На первом плане часть тела субъекта, сам субъект дефокусирован или выражен средствами малой престижности.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует часть тела субъекта; сказуемое, выраженное непереходным глаголом (или ЛСВ), репрезентирует значение выражения лица, глаз, однако не описывает само действие: *Lou's face hardens* (Hannah); *green eyes [are] blazing* (Osman).

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

1) Метонимически: реакция через каузирующее ее состояние; реакция через ее интерпретацию как контролируемую или неконтролируемую. Метафорически: Состояние / реакция как объект предметно-конкретного мира.

В качестве субъекта высказывания может выступать экспериенцер, часть его тела, которой приписывается та или иная реакция. Прямое дополнение, как правило, выражается именной группой: в качестве субстантивного элемента выступают общие термины, требующие экспликации (*look, glance, tone, expression*). Соответственно, информация о неконтролируемости содержится только в определении к субстантивной единице (*He had a haunted look about him*). Атрибутивная часть также может нести дополнительную информацию о контролируемости (*genuine, real*) или неконтролируемости реакции (*fake, forced*).

Субъект может находиться как на первом плане, так и выражаться в рамках вторичного фокуса. Сама реакция затемняется, за исключением каких-то общих характеристик: это звук, это взгляд, это жест и т.д. Однако эксплицируется ее неконтролируемый (в т.ч. аффективный) характер. За исключением, возможно,

звуковых реакций, ситуация имплицитно предполагает наличие стороннего наблюдателя, дающего оценку действиям.

a) Ситуация обладания (*have*): His face had a rugged, haunted look (McEwan); it had a kindly look in its enormous eyes (Rowling); he still had a rather haunted, woebegone look about him (Atkinson).

b) Ситуация перемещения предмета (в т.ч. получения, передачи), обмена предметами: *draw, catch, give, cast, throw, exchange, etc.*: exchange terrified glances; throw a puzzled glance; cast a quizzical look.

c) Ситуация производства (созидания) предмета (глаголы *make, produce*): make / produce a disgusted noise / distressed noise, etc.

d) Ситуация со значением «показывать», «демонстрировать». В позиции прямого дополнения будет находиться оценка наблюдателем состояния экспериенцера: His patient was <...> showing the first signs of breathlessness (McEwan); *Janice, for the first time showing a trace of impatience* (Galbraith).

2) Состояние субъекта, интерпретируемое наблюдателем, также может наделяться агентивными свойствами и занимать позицию субъекта ситуации (подлежащего предложения). Объектом действия в этом случае становится реальный экспериенцер или его изначальное эмоциональное / физическое состояние. Сказуемое выражается переходными предикатами со значением влияния, изменения: The first hint of irritation afflicted Kevin Henry (McEwan); alarm on his face was replaced by surprise (Atkinson).

3) В отдельную группу стоит выделить репрезентации реакций при помощи различных интенциональных единиц факторного типа, соответствующих определенным фазам производства контролируемого действия: *want, intend, try, attempt, fail, succeed, manage, etc.* (об интенциональной лексике факторного типа и ее интерпретации в английском языке см., напр., [Аринштейн, Пателеева 1988, 15-18; Куцевич 2015])¹. В некоторых случаях интенциональные единицы могут участвовать и в репрезентации неконтролируемой реакции.

¹ См. подробно о семантике неконтролируемости конструкций с интенциональными глаголами факторного типа в п. 3.2.4. «Репрезентация неконтролируемого действия через его фазу».

Реакция в таком случае а) выражается через неудавшуюся попытку сдержать данную неконтролируемую реакцию; б) имеет утилитарные цели, но является рефлекторной, поэтому любая ее фаза не является в полной мере контролируемой

В подобных репрезентациях субъект ситуации, как правило, выводится на первый план, реакция эксплицируется специальным кинематическим речением, однако информацию о совершении этой реакции и о ее неконтролируемости мы извлекаем не только из специальной лексемы, но также и из сопутствующего реакции контролируемого действия, режима повествования и т.д. В некоторых реализациях предполагается режим повествования с точки зрения стороннего наблюдателя.

Выделены следующие типы репрезентаций:

а) высказывания, описывающие несостоявшуюся попытку сдержать реакцию: с подлежащим-экспериенцером, сказуемым, выраженным интенциональным глаголом, и дополнением, выраженным сочетанием неличной глагольной формы со значением «сдерживать», «прекращать», «избегать» (*suppress, hide, conceal, help, keep smth out*) и номинативно выраженной реакции. Действие, направленное на сдерживание или прекращение реакции, контролируется — соответственно, провал такой попытки будет означать, что неконтролируемая реакция произошла или продолжается. В некоторых случаях семантика провала заложена в предикате (*fail, can't help*): *said Robin, failing to suppress a smile (Galbraith); I can't help shivering (Hannah).*

Семантика отрицательного результата может быть заложена в контексте: либо эксплицированно (1), либо имплицированно, когда реакция квалифицируется сторонним наблюдателем как контролируемая попытка (2):

(1) *She tried to suppress a smile but failed (BNC); Kellz took a long pause before trying to conceal a huge smile on his face, followed by a giggle (NOW Corpus);*

(2) *PC De Freitas refuses to answer, but is attempting to hide a slight smile (Osman); he tells me, struggling to suppress a deliberate grin (NOW Corpus); He struggled to keep the irritation out of his voice (McEwan).*

b) высказывания, описывающие рефлекторные действия: подлежащее-экспериенцер, сказуемое — глагол с интенциональным значением, дополнение — нелично-глагольная или номинативная конструкция, вербализующие реакцию:

[Robin was] trying to cough water out of her windpipe (Galbraith); I try to catch breath (NOW Corpus).

Не относятся к классу неконтролируемых реакций ситуации, в которых субъект успешно, безуспешно либо с применением видимых усилий пытается изобразить эмоциональную реакцию или симптом. Такие действия будут рассмотрены далее, в рамках ситуаций, объект намерения которых не совпадает с результатом:

*She manages to produce a polite smile eventually, but it takes her some time (Hannah); She looks up at her friends and *attempts a smile, which turns, in an instant, to tears* (Osman).*

Концепт TRANSFER OF AN OBJECT / Модель SPO_{Ind}O_{Dir}

Метонимия: Неконтролируемость / аффективность реакции через интерпретацию состояния субъекта. Метафора: действие субъекта наделяется свойствами субъекта говорения. Экспериенцер выражен во вторичном фокусе. В косвенном дополнении выражен сторонний наблюдатель реакции.

В роли подлежащего выступает субстантивированная реакция, которая передает адресату некое сообщение о состоянии / намерениях экспериенцера. Сказуемое в этом случае выражено глаголом говорения, косвенное дополнение (адресат) репрезентирован именной частью речи, прямое дополнение, репрезентирующее информацию, извлекаемую адресатом из поведения экспериенцера, выражено именной частью речи, нелично-глагольным оборотом, придаточным дополнения, эксплицирующими аффективное состояние, утрату контроля и т.д.:

The change in his body language tells me it isn't a run-of-the-mill conversation that he's having. He looks braced, somehow — as if the outcome of the call matters to him a lot (Hannah); A barely perceptible shift in Hiddleston's comportment tells us this

is something his infinitely calculating prince of Asgard didn't account for (NOW Corpus).

Концепт LOCATION OF AN OBJECT / Модель $SP_{Link} + A_{Stat.Loc}$

1) Метонимическая часть подразумевает описание неконтролируемой реакции через интерпретированное сторонним наблюдателем состояние экспериенцера. Метафорическая часть подразумевает реализацию концепта STATE IS A LOCATION:

She's still on edge, but trying to hide it (Hannah); and then suddenly he was in the most horrendous mood (Hannah).

Разновидностью данной модели можно считать репрезентации ситуаций, в которых наблюдатель подозревает, что причиной поведения экспериенцера может являться состояние опьянения, воздействие веществ:

You must think I'm high on drugs (Hannah).

2) Метонимия: неконтролируемая реакция через ее интерпретацию наблюдателем. Метафора: Реакции показаны как предметы окружения. Эксплицируется общий характер реакции (звук, выражение лица, взгляд) и ее неконтролируемость. Экспериенцер дефокусирован.

Подлежащее выражено именной группой «прилагательное / причастие, выражающее эмоциональное состояние + обобщающий термин *expression, voice, look, etc.*» и репрезентирует состояние, вызывающее реакцию; адвербиальный элемент выражен наречием *there* (в рамках конструкции *there is / there are*) либо также дополнен другими локативными обстоятельствами, обозначающими экспериенцера или часть его тела (как источник реакции или как контейнер), локацию / направление в рамках внешнего мира.

There was an immediate clamor of panicked voices (Rowling); There's a puzzled look in her eyes (Hannah); [there was] an expression tantamount to terror on his face (Atkinson); There was no hint of distress or unease in his voice (Hannah); There was also in his manner a touch of impatience (McEwan).

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель $SPA_{Dir.Loc}$

1) Метонимия: неконтролируемая реакция через ее интерпретацию наблюдателем. Метафора: Эмоциональная реакция / состояние направлены на предмет, человека, явление. В фокусе внимания субъект, его состояние, а также каузант данного состояния.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует экспериенцера ситуации. Сказуемое, выражено перцептивными глаголами *look, seem*, сопровождаемыми прилагательными / причастиями, выражающими эмоциональное состояние. Директивный локативный комплемент, выраженный сочетанием «at + субстантивная единица / именная группа», репрезентирует событие или объект, каузировавшие состояние и, соответственно, реакцию:

The woman looked alarmed at the sight of Juliet (Atkinson); He looked hurt at her reprimand (Atkinson).

2) Метонимия: неконтролируемая реакция через ее интерпретацию наблюдателем. Метафора: переход в новое состояние как движение (*fictive motion*). На первом плане субъект и его эмоциональное состояние, интерпретируемое сторонним наблюдателем.

В [Goldberg 1995: 83-84; Кузьмина 2015: 218-220] в качестве метафорических репрезентаций внутреннего состояния рассматриваются конструкции типа «глагол движения (*go, get, run, make*) + прилагательное / причастие, обозначающее состояние (*run wild, get angry*)»: переход в новое состояние показан как движение в определенном направлении (см. также о концепции фиктивного перемещения (*fictive motion*) в [Talmy 1996; Langacker 2002; Huette, Matlock 2016]):

she got angry (Hannah); Bert <...> was struck speechless in the presence of the king (Rowling); Pavel was getting more and more agitated. He looked like he might be about to bolt (Atkinson); She's gone from friendly and confident to nervous in the space of seconds (Hannah).

3) Метонимия: неконтролируемая реакция через ее интерпретацию наблюдателем. Метафора: Состояние появляется, распространяется, перемещается в пространстве. Субъект выводится в фон или репрезентируется

средствами малой престижности. Эксплицируется состояние субъекта в интерпретации стороннего наблюдателя. В репрезентации также могут присутствовать упоминания части тела экспериенцера, ассоциирующей с той или иной реакцией.

В роли подлежащего выступают различные состояния (*guilt, glee, patience*). Сказуемое выражено глаголами перемещения, распространения (*turn, spread, pass*), фазовыми (*continue*), появления / исчезновения (*appear, disappear, fade, show*); директивный локативный элемент выражен сочетанием «предлог / наречие направления (*on, against, from, over, in, out of*) + субстантивная единица», причастием / прилагательным (*to wear thin*):

[Guilt] would show on my face (Hannah); glee etched over his freckled face (Galbraith); Robin could tell that *his patience was wearing thin with Irene* (Galbraith); An impatient look passes across her face (Hannah).

Интеграция

Поскольку механизм интеграции тесно связан с механизмом метонимии и в особенности механизмом метафоры, причем как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях, нецелесообразно рассматривать ее как автономный механизм со свойственными только ей особенностями репрезентации неконтролируемого действия. Однако некоторые типовые случаи интеграции представляется интересным рассмотреть отдельно.

Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT / Модель SPO_{Dir.A}Dir.Loc.

Анализ языкового материала и теоретических источников показал, что в целом бленды можно разделить по способу связи между интегрируемыми ситуациями: между ними либо существует причинно-следственная связь, либо их объединяют общие время или пространство (при этом ситуации могут оказывать минимальное влияние друг на друга). К первой группе в классе реакций можно отнести примеры наподобие предложенного Тернером и Фоконье: *He sneezed the napkin off the table* [Fausconnier, Turner 2003], однако следует признать, что таких высказываний, где был бы переосмыслен глагол неконтролируемой реакции, а прямое дополнение репрезентировало реальный предмет, обнаружено крайне

мало: *The players had to blink the dirt out of their eyes* (NOW Corpus); the soggy victim, teacher Trudy Pringle, blinks the water out of her eyes (NOW Corpus); [Robin was] trying to cough water out of her windpipe (Galbraith).

Наиболее продуктивной в этом плане является так называемая *the way construction*, описанная в [Goldberg 1995: 199-219; Fauconnier, Turner 2003], и представляющая собой практически универсальный инструмент представления любой ситуации в виде ситуации каузированного перемещения (см. также п. 2.3 «Интеграция»).

По такому принципу могут образовываться высказывания, в которых ситуации объединены а) причинно-следственной связью, как в примере А. Голдберг (во всяком случае в одной из его возможных интерпретаций): *He belched his way out of the restaurant* [Goldberg 1995: 202], где посетитель, вероятно, был выставлен вон из-за некультурного поведения (в другой интерпретации, правда, он просто покидал свой столик с характерным симптомом); б) временной связью, как в примере, где первое событие протекает на фоне другого: *She yawned her way through the first hour of the journey* (Atkinson); *Juliet sneezed her way through the rest of the announcement* (Atkinson); в) общим местом действия: *while she yawned her way round the kitchen this morning* (Atkinson).

Интеграционный способ формирования высказывания предполагает, что на первом плане ситуации находится субъект реакции, а также что эксплицируется сама неконтролируемая реакция, которая при этом сопровождается другим контролируемым действием или случайно каузирует какое-либо происшествие.

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

Эмоциональная реакция протекает на фоне прямой речи. Субъект входит в фигуру высказывания, эксплицируется конкретная неконтролируемая реакция и передаваемое сообщение.

Подлежащее представлено экспериенцером, сказуемое выражено прототипическим глаголом эмоциональной или физиологической реакции, который, помимо значения эмоциональной реакции или симптома, также передает значение говорения. Причем для некоторых глаголов такое метонимическое

значение уже закрепились в словарях в качестве второстепенного: *sob, gasp, pant, snap, smile, etc.* Для других — нет: *hiccup, laugh, etc.* (про предикаты, вводящие прямую речь, и особенности метонимической передачи значения «говорения» см., напр., [Goossens 2009: 356; Андреева 2015: 362-373; Проскурнич 2019: 122]).

Соответственно, в качестве объекта действия выступает произнесенное сообщение, выраженное номинативной частью речи или именной группой, придаточным дополнительным, прямой речью:

He gasped his apologies (Galbraith); people [were] sobbing their last words (Lexico.com); “B-but Mr. Dovetail said sheep have g-gone missing!” hiccupped Bert (Rowling); “There’s — an — Ickabog,” panted Basher John, falling to his knees (Rowling); ‘All right,’ Stevens snaps as he springs out of his chair. (Hannah); Simrita smiles that it is not limited only to music (NOW Corpus); We do laugh that it's like a cruise ship (NOW Corpus).

3.2.2. Машинальные действия

Самое общее отличие машинальных действий от контролируемых — отсутствие как таковой ментальной фазы. Машинальными могут быть утилитарные действия, которые совершаются по привычке, автоматически или рефлекторно и, несмотря на отсутствие четкой интенции, приводят к тому же результату, как если бы они осуществлялись сознательно. Такие действия могут заканчиваться и нежелательным результатом, ошибкой.

Машинальные действия могут включать ежедневную рутину; действия, доведенные до автоматизма из-за опыта / профессионализма субъекта; действия, при производстве которых руководствуются рефлексам и инстинктами. К машинальным действиям можно отнести различные служебные кинемы, включающие жестовые маркеры (сопровождают мыслительный процесс), жестовые ударения (сопровождают речь) [Хлыстова 2005] и филлеры (кинемы-«паразиты») [Korte 1995]. Такие действия помогают сосредоточиться либо дополняют ритмический рисунок речи.

Необходимо отметить, что по своим характеристикам машинальные действия очень неоднородны и порой сливаются значениями со случайностями или действиями-реакциями. Так, часто повторяющееся движение может рассматриваться как действие, вошедшее в привычку, жестовый маркер или нервозность как симптом, вызванный физическим недомоганием или эмоциональным состоянием; рутинное действие, выполняемое в отсутствие концентрации и приведшее к отрицательному результату, может рассматриваться как машинальное или как происшествие и т.д.: ...the way the air whistled between her gappy front teeth, the way she continuously tucked her straggly blonde hair behind her ear with one hand and tapped out a rhythm on her huge Doc Martens with the other (Smith); A distracted driver had crashed into 18-year-old Korbin's car head-on (NOW Corpus).

Варианты языковых репрезентаций машинальных действий не так разнообразны, как в случае с действиями-реакциями. Специальных лексем со значением машинального действия в словарях не зафиксировано (за исключением рефлекторных реакций, уже рассмотренных ранее), семантика машинальности чаще всего передается либо через лексем со значением рефлекторности, машинальности как характеристики ситуации в целом: *automatically, without thinking, unthinkingly, on instinct, absent-mindedly, on instinct, etc.*; либо единицами типа *continuously, many times*, свидетельствующими о том, что действие повторяется слишком часто, рефлекторно; или понятна по характеру описываемого действия / из контекста.

С другой стороны, разновидности ситуаций действительности, интерпретируемые как машинальные, практически безграничны — особенно учитывая, что многие из них сходны с утилитарными и полностью контролируемые действиями. В языковом кодировании машинальных действий могут быть задействованы все (в особенности динамические) синтаксические модели. Синтаксическая метафоризация таких репрезентаций зачастую никак не связана с семантикой машинальности и соответствует общим принципам синтаксической концептуализации, подробно описанным, например, в [Фурс

2004; Кузьмина 2015] и рассмотренным в данной работе в рамках других классов неконтролируемых действий (происшествий, реакций и т.д.). Машинальность действия, как уже упоминалось, зачастую не эксплицируется даже на лексическом уровне, а понятна только из контекста.

В следующих примерах **семантика контролируемости либо выражена только в сирконстантах, либо только имплицитруется**. В рамках настоящего исследования мы не видим смысла подробно разбирать такие репрезентации, просто приведем примеры (под номером (1) идут прототипические репрезентации, а под номером (2) — метафорические):

1) They smile / laugh / nod automatically (NOW Corpus); More importantly, they [the masks] prevent *people* from *touching their mouth or nose* (which most people do instinctually) (Coronavirus Corpus); Automatically, she picked up the receiver (Atkinson); When *he* picked up her little Sèvres coffee cup and *began absent-mindedly transferring it from hand to hand*, like a tennis ball (McEwan); By force of habit, she pulled off her shoes (McEwan); Archie noted the *kid had an unnerving way of emphasizing certain words* by *moving his head in a wide circular movement from the right shoulder to the left* (Smith).

2) Juliet felt *her fingers spreading and curling with desire for the keys* (Atkinson); Maybe *Baba wouldn't yawn and steal looks at his wristwatch* all the time (Hosseini); “Ah,” said King Fred, *his eyes wandering to the golden clock on the mantelpiece* (Rowling); Bosco starts glancing at his watch every ten seconds. (Grisham); a smile automatically comes to my lips (NOW Corpus).

Рассмотрим теперь способы репрезентации, в которых лексемы, обозначающие машинальность действия, реализуются в рамках базового состава синтаксической модели. Как уже упоминалось, если говорить о лексикализованных единицах, семантику машинальности содержат, как правило, не репрезентанты действий, а репрезентанты образа действия или внутренних каузантов действия (иррациональные инстинкты, рефлекс, рассеянное состояние, невнимательность): *automatic, mechanical, absent-minded, unthinking, impulse, instinct, sixth sense, etc.*

Поскольку по объясненным выше причинам мы отказались от подробного рассмотрения репрезентаций ситуации машинального действия, в которых семантика машинальности не получает выражения в рамках позиций структурной модели, и с учетом того, что в рамках данной работы нас интересуют антропоцентрические ситуации, в качестве обязательных актантов будут выделены только стандартные для всех ситуаций неконтролируемого действия субъект ситуации (псевдо-агенса) и наблюдатель. Обязательным элементом репрезентации машинального действия также является прямое указание на его машинальный характер.

Прямые номинации

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

В данном типе высказываний передается отношение тождества: то или иное действие (его эффекторная стадия или результат) характеризуется как машинальное, инстинктивное, не сопровождаемое долгим обдумыванием.

Подлежащее выражено субстантивированной репрезентацией машинальной реакции, представляющей собой именную группу «атрибут со значением машинальности + субстантивная единица, передающая действие обобщенно» (*automatic reaction, automatic response, knee-jerk response, etc.*). Именная часть сказуемого выражена субстантивной единицей, неличной формой глагола (в т.ч. оборотом), выражающей то или иное действие.

В рассматриваемых репрезентациях субъект только имплицитно выражается средствами низкой престижности (притяжательные местоимения, притяжательный падеж существительных). Основным фокусом является неконтролируемый / машинальный характер действия:

My automatic reaction is to kick someone back in the face (NOW Corpus); his automatic reaction was to stand up, but the pain was excruciating and he fell (NOW Corpus); When a person accidentally trips, falls, or slips, *the instinctive and automatic response is to extend one's arms and hands* in order to break the impact (NOW Corpus);

Близким по семантике является вариант модели, в котором подлежащее выражено описывающей ситуацию субстантивной единицей либо расщепленно,

местоимением *it + to infinitive*. Именная часть сказуемого содержит репрезентацию машинальности (*automatic, mechanical, etc.*). В подобных репрезентациях предметом сообщения является сама ситуация, действие, а не ее машинальность: *Cora's sword never stopped moving, her movement [was] automatic and mechanical (Lexico.com)*.

Метафора / метафтонимия

Поскольку неконтролируемое действие здесь репрезентируется расщепленно: само действие и его неконтролируемость / машинальность передаются разными элементами и зачастую репрезентируются в рамках разных позиций модели, **почти все найденные примеры не прямой репрезентации машинального действия так или иначе содержат элементы структурной метафоры на уровне структуры предложения**. С другой стороны, значительную часть найденных репрезентаций можно также рассматривать как случаи метонимии: возникает, действует, каузируется некая внутренняя сила, стереотип, заменяющие у машинальных действий ментальные стадии актогенеза: желание, намерение, планирование, а следовательно, все действие репрезентируется через одну фазу. Поскольку найденные метафорические и метафтонимические реализации не обладают взаимоисключающей синтаксической структурой, рассматривать их по-отдельности не представляется целесообразным. Все репрезентации будут выведены в общей схеме с необходимыми уточнениями по механизмам, задействованным в их реализации. Случаи репрезентации с участием только механизма метонимии будут рассмотрены отдельно.

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

Внутренняя каузирующая сила / инстинкт как качество псевдо-агенса. В данных репрезентациях на первом плане находится субъект, выражается также некая внутренняя каузирующая сила, однако само действие только имплицитно.

Субъект-псевдоагенса выражен субстантивной единицей; именная часть составного сказуемого представлена субстантивной единицей со значением

машинальности / инстинктивности, именной группой («существительное + прилагательное / причастие», «существительное + предлог + существительное» и т.д.):

(1) “They are living weapons,” del Toro says. “*They are blind instinct combined with tactical intelligence*”; (2) Trump is also a man of raw instinct (NOW Corpus).

Отметим, что подобные высказывания могут передавать также совершенно разную коннотацию. Так, в (1) показаны эффективность и мастерство субъекта ситуации, действия которого доведены до автоматизма. В (2) приверженность инстинкту, усиленная также определением *raw*, напротив, является негативной характеристикой, подчеркивающей необдуманность, излишнюю эмоциональность действий. В интерпретации действия в данном случае важен субъект ситуации: скорость и развитые инстинкты важны для бойца, но могут рассматриваться как недостаток, если речь о президента.

Концепт OBJECT’S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

1) Субъект обладает неким инстинктом, стереотипной программой, согласно которым действует в определенных ситуациях. На первый план выходит псевдо-агенса, при этом конкретное машинальное действие может быть либо дефокусировано, либо показано в атрибутивном элементе в рамках позиции прямого дополнения.

Подлежащее выражено субстантивной единицей, репрезентирующей псевдоагенса. Сказуемое выражено предикатом с семантикой обладания (*have, retain, possess, etc.*), демонстрации (*show, reveal, demonstrate*). Прямое дополнение, выраженное субстантивной единицей (в т.ч. именной группой), объективирует семантику машинальности, инстинктивности; характер машинального действия или оценка его успешности / целесообразности может дополнительно эксплицироваться определениями (*attacking instinct, wrong instinct, overwhelming instinct*), конструкциями типа *to-infinitive, of + noun, etc.*:

Saints show better attacking instinct (NOW Corpus); The doors quickly began to close behind her. *I had exactly the wrong instinct*: I grabbed the leash and tried to pull up the loose end from below (NOW Corpus); *I had this overwhelming instinct to say*, ‘If

you ever need a kidney, you can have one' (NOW Corpus); Have you retained that attacking instinct? (NOW Corpus).

2) Механическое действие репрезентируется как объект, с которым совершаются манипуляции: передают, показывают и т.д. В фокусе высказывания субъект, совершающий машинальное действие. При этом либо репрезентируется конкретное действие, либо действие передается обобщенно, а акцент делается на его машинальности.

Сказуемое выражено переходным глаголом с семантикой отчуждения предмета (*give, exchange*). Прямое дополнение, выраженное субстантивной единицей, объективирует эмоциональную или физиологическую реакцию человека (*cough, smile, laugh*), контролируемую кинему (*nod, shrug, shake of one's head*), передает действие обобщенно (*reaction, response*) — при этом такая языковая единица сопровождается атрибутом со значением машинальности *automatic, mechanical, perfunctory, etc.*:

The women exchanged mechanical smiles and a loose handshake (NOW Corpus); [He] gave a perfunctory nod and smile (NOW Corpus); If you surprise them, *they might give a knee-jerk reaction and say' no'* (NOW Corpus).

Похожая концептуализация встречается при помощи модели каузиривного перемещения: сказуемое выражено глаголом каузиривного перемещения предмета, а локативный комплемент, выраженный сочетанием «предлог + именная единица», репрезентирует часть тела, с которой связана реакция: *It brings an automatic smile on my face* (NOW Corpus).

3) Псевдо-агенса находится под контролем инстинкта / подчиняется инстинкту, который наделяется агентивными свойствами.

Подлежащее репрезентирует машинальный характер действия, сказуемое выражено переходным глаголом со значением «взять под контроль», «овладеть» (*overcome, overwhelm, overpower*), прямое дополнение репрезентирует псевдоагенса / субъекта ситуации действительности: A father [was] inexplicably armed and overwhelmed by his evolutionary fight-or-flight instinct (NOW Corpus).

Ситуация может быть показана и по-другому: псевдоагенса подчиняется, следует инстинкту: *Blindly following my instincts, I press on* (Hannah); либо, напротив, сопротивляется ему, а значит, инстинктивное действие оказывается нереализованным: *I fought the most overwhelming instinct to punch another person in the face repeatedly* (NOW Corpus).

4) Вариант каузативной ситуации: некая ситуация каузирует / активирует внутреннюю силу субъекта, побуждающую его к действию. Псевдо-агенса выражен вне основного фокуса, предметом сообщения является ситуация-каузанта, эксплицируется также машинальность действия, само действие может быть выражено в атрибутивной единице или выведено в фон.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует ситуацию, предмет, действие, каузировавшие инстинктивное действие. Сказуемое выражено переходными глаголами с прямым и переносным значением «провоцировать» (*ignite, feed, provoke, push*): *it ignites my fight-or-flight instinct* (NOW Corpus); *the structure that feeds our fight-or-flight instinct* (NOW Corpus).

Концепт TRANSFER OF AN OBJECT / Модель SPO_{Ind}O_{Dir}

Инстинкт диктует субъекту образ действий. В фокусе внимания сам субъект, некий рефлекс или инстинкт; само действие также эксплицируется.

Подлежащее выражено субстантивной единицей с семантикой машинального исполнения действия, сказуемое выражено двупереходным глаголом говорения *tell* (или близким по значению), косвенное дополнение, репрезентируется субстантивной единицей и выражает субъекта ситуации действительности, позиция прямого дополнения заполняется инфинитивом, эксплицирующим действие, которое предстоит совершить:

When you see a punch, your natural instinct tells you to close your eyes as you try to avoid it (NOW Corpus); *Your natural instinct tells you to fly out of the line and make a big hit* (NOW Corpus).

Концепт LOCATION OF AN OBJECT / Модель SP_{LinkA}Loc

Машинальная реакция как предмет, расположенный в пространстве. На первом плане некоторый инстинкт либо машинальное действие, каузированное этим инстинктом. Псевдо-агенса дефокусируют.

Модель с составным адвербиальным сказуемым представлена высказываниями, построенным по типу *there is / there are* + субстантивная единица, репрезентирующая машинальность исполнения действия. В атрибутивных конструкциях, относящихся к подлежащему, содержится экспликация действия: Looking at a moment like that, *there's the fight-or-flight instinct*, but there's also a freeze response (NOW Corpus); there's a natural instinct to hide under the bunker and wait for the storm to pass (NOW Corpus).

Подлежащее может быть выражено каузантом утраты контроля, связанным с каким-либо эмоциональным или физическим состоянием (*adrenaline, panic*), но не уточняет само действие: People are quite panicked right now and *there's adrenaline* running (NOW Corpus); There was panic at the international airport on Monday morning (NOW Corpus).¹

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель SPA_{Loc}

1) Внутренняя сила / состояние, каузирующее машинальное действие, как пространственный референт, опора, источник (ср., напр., с интерпретацией в [Кузьмина 2015: 382-383]). На первом плане субъект; действие может быть выражено с той или иной степенью обобщенности или дефокусируется.

Подлежащее-псевдоагенса выражено субстантивной единицей. Сказуемое выражено непереходным глаголом (непереходным ЛСВ) со значением «действовать», «работать», «двигаться». Директивный локативный комплемент выражен сочетанием предлог + субстантивная единица, репрезентирующая внутреннюю иррациональную силу, ставшую причиной / источником машинального действия (*on impulse, on instinct, on adrenaline, etc.*): I'm acting on instinct (Hannah); *When [you are] 'operating' on adrenaline* your fight-or-flight

¹ См. аналогичные по смыслу случаи рассмотренные в рамках метонимической и метафтонимической репрезентации неконтролируемой реакции (п. 3.2.1.3.1, п. 3.2.1.4.1.).

instinct kicks in (NOW Corpus); “*Creating art grows from an inner instinct, and who would undertake to explain this?*” (NOW Corpus).

Схожий вариант репрезентации существует и в рамках модели каузированного перемещения, где в качестве сказуемого используется переходный глагол (или ЛСВ): *on a powerful and unforgivable impulse, she kissed him, then* (McEwan).

2) Внутренняя каузирующая сила, инстинкт наделяются агентивными свойствами. В фокусе высказывания — внутренняя каузирующая сила и ее интенсивность, влияние на субъекта ситуации, который может быть выражен в рамках вторичного фокуса или дефокусирован.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей или группой, передает внутреннее состояние / установку, ставшие причиной машинального действия (*instinct, musical instinct, natural instinct, adrenaline, panic*).

— Сказуемое выражено глаголом со значением «обладать», «завладеть», директивный локативный комплемент выражен наречием со значением направления: *When it's all in motion, your eyes will glaze over and raw instinct takes over* (NOW Corpus).

— Сказуемое выражено глаголом, ассоциирующимся с движением (буквально — *lead, kick, come, go, grow, rise*; переходом из одного состояния в другое — *turn, become*; реакцией на что-либо — *respond, react*); директивный локативный комплемент выражен наречием со значением направления, сочетанием «предлог + субстантивная единица», причастием / прилагательным со значением состояния. Посредством локативного комплемента может эксплицироваться событие, каузивовавшее машинальное действие (*our fight-or-flight instinct [is] reacting to a perceived harmful attack* (NOW Corpus)); способности, позволяющие довести действие до автоматизма (*It is this musical instinct which I think leads to the innate rhythm and unique cadence of his scripts* (NOW Corpus)); переход действие в категорию машинальных (*My work has become mechanical—I could do it in my sleep* (OALD)); могут реализовываться базовые метафоры фиктивного перемещения (fictive motion) (внутреннее состояние

относительно его экспериенцера) (*your fight-or-flight instinct kicks in* (NOW Corpus); *Ferrari's natural instinct comes across as to tell this woman to get lost with her depression* (NOW Corpus)).

Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT / Модель SPO_{DirA}Loc

Инстинкт, наделяемый агентивными свойствами, диктует субъекту образ действий. Псевдо-агенса не является предметом сообщения, а выражен в рамках менее выделенной позиции, чем подлежащее, — в прямом дополнении. При этом внимание акцентируется на внутренней каузирующей силе, влияющей на субъект. Само действие также эксплицируется.

Подлежащее выражено субстантивной единицей, репрезентирующей иррациональную внутреннюю установку, диктующую образ действия (*instinct, panic, fear*); сказуемое выражено переходным глаголом со значением «заставлять», «побуждать»: *make, urge*. Прямое дополнение, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует псевдоагенса ситуации действительности. Директивный локативный компонент выражен инфинитивом и репрезентирует действие: *it was an unthinking raw instinct that urged Javier Mascherano to hold back Leon Balogun in the box* (NOW Corpus); *Some sixth sense, however, made him turn round* (Atkinson).

В рамках данной реализации также может репрезентироваться реальное перемещение субъекта в пространстве под влиянием инстинкта. В этом случае сказуемое будет выражать значение каузированного перемещения предмета, а локативный компонент — реальное направление движения: *But fear drove many of them away* (NOW Corpus); *Panic drove them away* [Givon v.1 2001: 130].

Метонимия

При анализе выборки было выявлено лишь несколько вариантов метонимической репрезентации ситуации машинального действия. Репрезентации базируется на принципе многофазового характера действия, позволяющем репрезентировать все действие через одну его стадию. Показывается, что существует некая внутренняя сила, стереотип или инстинкт, толкающая субъекта к производству некоего утилитарного действия в обход ментальной фазы.

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

Подлежащее выражено субстантивированной репрезентацией машинальности (*instinct, impulse, etc.*), иногда сопровождаемой атрибутами типа *natural, only, first, initial, overwhelming, instinctive, knee-jerk, etc*, которые могут обозначать или усиливать семантику машинального исполнения. Именная часть сказуемого выражена субстантивной единицей, неличной формой глагола (в т.ч. оборотом), выражающей то или иное действие.

В рассматриваемых репрезентациях субъект только имплицитно выражается средствами низкой престижности (притяжательные местоимения). Основным фокусом в примерах ниже является неконтролируемый / машинальный характер действия:

His instinct is to stand up for himself (Hannah); Because we're in brand building, *our initial instinct is to say something, to post something* (Coronavirus Corpus); My impulse is to kiss you on both cheeks (NOW Corpus); Our natural instinct is to attack or walk away (NOW Corpus); My overwhelming instinct was to run (NOW Corpus); my knee-jerk instinct was to look for the exit (NOW Corpus).

Рассматриваемые высказывания могут указывать на совершенное / совершаемое действие, на привычную модель поведения или на ментальный этап производства действия, которое так и не реализовалось, как в: My natural instinct was to rush towards her, but I held back (NOW Corpus).

Близким по семантике является вариант модели, в котором подлежащее выражено субстантивной единицей, описывающей ситуацию. Именная часть сказуемого содержит репрезентацию машинальности. В подобных репрезентациях предметом сообщения является сама ситуация, действие, а не ее машинальность:

It was completely the wrong instinct. I was protecting what I see as my one talent in the world being belittled (NOW Corpus); I've put us in a lot of dangerous situations, it's a destructive instinct (NOW Corpus); In reality it was a natural instinct for the Queen to show affection and respect for another great woman (NOW Corpus).

Концепт ACTIVITY OF AN OBJECT / Модель SP

Подлежащее выражено субстантивной единицей со значением машинальности и может сопровождаться различными атрибутивными поясняющими конструкциями. Сказуемое выражено непереходными глаголами со значением появления, исчезновения, фазовости: *But once the need to wear a face-covering every time we go shopping is over, our instinct to reach for our masks might not disappear* (NOW Corpus); *Yates' attacking instinct continues* (NOW Corpus).

3.2.3. Происшествия

В общем виде термин «происшествие» трактуется как «что-нибудь, нарушающее нормальный порядок, обычный ход вещей» [Словарь Ушакова]. В рамках данной работы уточним немного это определение: происшествие (случайность, нечаянность) может препятствовать успешному завершению какой-либо целесообразной деятельности (например, упасть, не дойдя до пункта назначения; уронить предмет во время его передачи или перемещения), может возникать в рамках той или иной деятельности, но влиять не на саму эту деятельность, а на объекты окружающего мира (спалить дом, забыв выключить утюг, случайно задеть и разбить вазу, случайно сбить кого-то с ног, травмировать). К последнему также отнесем незапланированную каузацию эмоций в собеседнике через слова и поступки субъекта и каузацию контролируемых ситуаций (*arrest, impeach, send (off), banish, etc.*).

3.2.3.1. Случайности

Для начала рассмотрим собственно **случайности**. В основном речь идет о таких ситуациях, как неконтролируемое перемещение (в т.ч. потеря равновесия, падение, неконтролируемое перемещение в горизонтальной плоскости), случайная каузация перемещения предмета», «неконтролируемое действие над предметом» (в т.ч. столкновение, разрушение). Такие ситуации хорошо интегрированы в концептосферу носителей английского языка, в словаре зафиксировано достаточно большое количество лексикализованных единиц, выражающих как само происшествие (связанное с утратой контроля над перемещением — *fall, stumble, tumble, slip, sway, trip, sink, drown*, случайной

каузацией движения предмета — *drop, spill, let smth slip*; случайное воздействие на предмет *hit, knock, bump*; и т.д.), так и семантику случайности (*accident, incident, accidental*).

Учитывая вышесказанное, можно прийти к выводу, что класс происшествий включает в себя различные типы неконтролируемых ситуаций. В качестве прототипических глаголов, выражающих неконтролируемое перемещение, рассмотрим глаголы типа *fall* (*[intransitive] to drop down from a higher level to a lower level; to suddenly stop standing (OALD)*). Типовыми актантами таких ситуаций являются сам субъект происшествия, а также (опционально) некоторый пространственный ориентир, обозначающий начальную или конечную точку движения. К этому же типу отнесем предикаты потери равновесия, типа *stumble* (*to hit your foot against something while you are walking or running and almost fall (OALD)*), репрезентирующие ситуации с обязательным субъектом. В качестве прототипических глаголов, выражающих неконтролируемую каузацию перемещения предмета, рассмотрим глаголы типа *drop* (*[transitive] to allow something to fall by accident (OALD)*). В состав пропозиционной модели в данном случае входят субъект-каузатор, объект происшествия, а также (опционально) пространственный ориентир, обозначающий начальную или конечную точку перемещения. Типовыми также можно считать переходные предикаты с лексикализированным значением случайного воздействия на предмет, как *knock* (*to hit something hard, often by accident (OALD)*), вербализующие ситуации с субъектом и объектом действия.

Способы прямой номинации

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

1) Описание случайности через отношение тождественности и оценочные структуры. Предметом сообщения, как правило, выступает некая ситуация, которая определяется как происшествие. Субъект может быть как полностью дефокусирован, так и выражен в рамках вторичного фокуса.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей (в т.ч. герундивным оборотом, простым предложением), репрезентирует некую ситуацию, а именная

часть сказуемого, выраженная так же именной частью речи или эквивалентом (существительное, прилагательное, причастие и т.д.), передает либо только случайный характер произошедшего: *What happened to Georgina was an accident, Flora (Hannah); Strike, whose conception had been an accident (Galbraith)*; либо дает более конкретную характеристику случившегося при помощи прилагательных / причастий, именных групп: *it was a nasty tumble and I dropped my bag and my things went everywhere (Osman)*.

Концепт ACTIVITY OF AN OBJECT / Модель SP

1) Модели ненаправленного действия (как с локативным компонентом, так и без него) являются прототипическими для выражения неконтролируемого движения / перемещения. Различаются некоторые фазы ситуации потери баланса: в зависимости от контекста каждая из них может рассматриваться и как отдельное неконтролируемое действие (если равновесие затем все же восстановлено), и как репрезентация всей ситуации через его фазу. Предметом сообщения является субъект, выраженный в подлежащем, и произошедшее с ним происшествие. Сказуемое чаще всего выражено непереходным глаголом со значением утраты равновесия, падения. Выделяются следующие типы ситуаций:

— ситуация полной утраты баланса (*fall, tumble, collapse, sink*): *His Fitbit broke when he fell (Osman); He trips and tumbles, taking her with him (Hannah); I'm sinking (Rowling); when his mother suffered a stroke and collapsed at home (Osman); she could just make you laugh until you dropped (Galbraith)*.

— начальный этап падения, потери равновесия (*stumble, slip, sway, balance*): *He stumbled (Osman); [One] wouldn't want to trip with a tray of tea (Osman); Mrs. Beamish swayed yet again (Rowling); Strike <...> balancing awkwardly and risking a fall onto the gravel path (Galbraith); At sixteen stone, Strike was hard to stabilize when he slipped (Galbraith)*.

2) Происшествие может констатироваться при помощи глаголов типа *happen*. Субъект в таких репрезентациях дефокусирован либо репрезентируется средствами низкой престижности.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей со значением происшествия, репрезентирует ситуацию в целом. Сказуемое выражено непереходными глаголами типа *happen*: *The stretch of road where the crash happened (NOW Corpus); the accident that only happened because you made a bad decision (Hannah).*

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

1) Модель направленного действия является прототипической для репрезентации ситуаций случайного воздействия на предмет, случайного перемещения предмета и нанесения ущерба предмету. В рамках пропозициональной модели эксплицируется субъект ситуации как предмет сообщения, а также объект, на который осуществляется воздействие.

Подлежащее-субъект выражено субстантивной единицей, прямое дополнение, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует предмет, человека, часть его тела, на которые было направлено действие. Сказуемое выражено переходным глаголом со значением случайного воздействия на предмет (в т.ч. случайного перемещения) (*drop, hit, knock, spill*):

I nearly drop my phone when there's a sudden burst of loud noise (Hannah); it was a nasty tumble and I dropped my bag and my things went everywhere (Osman); She was badly damaged. Broken. She had been hit by a car (Atkinson).

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель SPA_{Dir.Loc}

1) Модель самостоятельного перемещения является прототипической для репрезентации неконтролируемого перемещения (происшествия). Данные репрезентации подразумевают экспликацию субъекта происшествия, а также направление или исходную точку неконтролируемого движения. Подлежащее-субъект выражается субстантивной единицей, сказуемое выражено непереходным глаголом с семантикой неконтролируемого перемещения, директивный локативный комплемент выражен одиночным наречием направления, сочетанием «наречие + субстантивная единица», сочетанием «предлог + субстантивная единица». Локативный комплемент может обозначать отправную точку

перемещения (*off a step-ladder, from a dam*), финальный пункт (*out, over, backwards, down, to the marble floor, into the icy marsh*). Сказуемое выражено:

— Глаголами с семантикой падения (*fall, tumble, collapse, etc.*): His father had fallen from a dam, near Krakow (Osman); *Her daddy <...> fell off a step-ladder* (Galbraith); He <...> *toppled over*, dead (Rowling); *He <...> topples backwards* (Osman); the first man drops down dead from a lethal injection (Osman); he collapses to the marble floor (Osman).

— Погружения (*sink*): he felt himself sinking into the icy marsh (Rowling).

— Приземления / конечной точки (*land*)¹: ...she shoves me hard. *I land on the bed on top of my bag* (Hannah); *She lands half on top of him*, with a noise that's halfway between a scream and a howl (Hannah).

Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT / Модель SPO_{DirA}Dir.Loc

В рамках пропозициональной модели каузированного перемещения эксплицируется субъект ситуации (как предмет сообщения), объект, на который осуществляется воздействие, а также отправная точка или направление движения.

Подлежащее-субъект выражено субстантивной единицей, прямое дополнение, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует предмет, человека (не субъект), часть его тела, на которые было направлено действие. Сказуемое выражено переходным глаголом со значением случайной каузации перемещения (*drop, spill*):

I dropped it on the tiles at St Pancras station last year (Hannah); *She fumbled with her money, spilling coins onto the floor* (McEwan).

Метафора

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

Ситуация направленного действия репрезентируется по модели, выражающей качество / субъекта или каузанта неконтролируемого события как носителя качества. В фигуру высказывания входит каузанта события (в т.ч. им

¹ Хотя семантика глагола *land* предполагает не только прибытие в конечный пункт движения, но именно приземление как результат падения (*to come down somewhere after jumping, falling or being thrown (OALD)*), в значении профилируется финальная фаза действия, приземление, в то время как семантика перемещения, падения уходит в фон.

может выступать и субъект), а также событие, которое он так или иначе каузировал.

Информация о неконтролируемости действия может содержаться как в именной части сказуемого, так и в субъектной группе: когда подлежащее-псевдоагнс имеет дополнительные характеристики, указывающие на отсутствие должной концентрации, рассеянность. Номинация неконтролируемой каузации содержится в именной части сказуемого в виде субстантивной единицы: Absent-minded drivers are the most common cause of road accidents in Swindon (NOW Corpus); The distracted driver is the leading cause of fatal crashes in the state of New Jersey (NOW Corpus); But they used to be nothing but a source of tears (COCA).

Описание субъекта как не контролирующего ситуацию встречается и в реализациях других, в т.ч. динамических, моделей: they were the victims of *an absent-minded tourist who forgot that we drive on the left in Ireland* (SPO_{Dir}); A distracted driver had crashed into 18-year-old Korbin's car head-on (SPA_{DirLoc}); Earlier today, a distracted driver crashed his vehicle into a tractor-trailer on Route 1 (SPO_{DirA}DirLoc) (NOW Corpus).

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

1) Метафорическая репрезентация происшествия, представляющая происшествие как предмет. В фигуру высказывания входят субъект происшествия, а также само происшествие, выраженное с той или иной степенью обобщенности.

Подлежащее-субъект выражено субстантивной единицей; прямое дополнение объективирует происшествие в целом (*accident*) либо конкретный вид происшествия (*tumble, fall, slip*). Дополнение зачастую сопровождается атрибутивной конструкцией, эксплицирующей тип происшествия (*riding accident = accident during horse riding*) или дающей оценку происшествию (*embarrassing, a bit of, spectacular, serious, etc.*).

— сказуемое выражено переходным глаголом со значением обладания:

Lady Eslanda were to have a riding accident, and broke her slender neck (Rowling); At some point he will have a fall (Osman); It's not the first time *he's had a bit of a fall* (bbc.co.uk).

— сказуемое выражено переходным глаголом со значением передачи предмета:

if I saw *a fit youngster take the tumble* I did (Osman); *he took a spectacular tumble* (The Sun); *The Portuguese took an embarrassing fall* at Wembley in September last year (telegraph.co.uk).

Концепт LOCATION OF AN OBJECT / Модель SP_{LinkA}Loc

Происшествие передается как предмет в пространстве. На первом плане может оказываться само происшествие, в то время как субъект уходит на второй план или дефокусируется или, напротив, субъект может выступать как тема сообщения.

— подлежащее внутри высказывания с *there is / there are* выражает субстантивированное происшествие (*accident, incident, fall, stumble, slip*), передавая его как предмет, расположенный в пространстве. Местоположение (локативный комплемент) при этом выражено либо только наречием *there*, либо уточнено также сочетанием «предлог + субстантивная единица» (*in hospital, in the kitchen, etc.*): There had been another cup-dropping incident yesterday (Atkinson); there was a little stumble half way through the performance (NOW Corpus); Someone call the ambulance / *There's gonna be an accident* (Placebo).

Как разновидность данной метафорической модели — варианты, где подлежащее выражает субъектов происшествия при помощи лексем с семантикой субъекта конкретного неконтролируемого действия, происшествия: ‘Admittedly, *there were two fallers at the second-last fence* that day, both of whom looked likely to take a hand in the finish (NOW Corpus).

— подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует субъекта, а локативный элемент, выраженный сочетанием «предлог + слово именной части речи / именная группа / инфинитив» репрезентирует происшествие, представляющее собой метафорический ориентир, относительно

которого определяется местоположение субъекта в пространстве: He was about to fall from the podium (NOW Corpus); I was about to collapse from shortness of breath and die (NOW Corpus); the man was close to drowning (NOW Corpus).

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель SPA_{Dir.Loc}

1) Объект / препятствие, каузирующие потерю равновесия, как направление движения или опора.

Подлежащее-субъект выражается субстантивной единицей. Сказуемое выражено непереходным глаголом с семантикой «потерять равновесие и упасть», в котором на первый план выходит элемент каузации происшествия, а не само происшествие (*slip, trip, stumble*); директивный локативный компонент выражен одиночным наречием направления, сочетанием «наречие + субстантивная единица», сочетанием «предлог + субстантивная единица». Локативный компонент обозначает предмет, ставший причиной неконтролируемого перемещения / потери равновесия (*over the sports bag, on a bar of soap*):

The guards all hurried off in every direction <...> slipping over (Rowling); He slipped on a bar of soap in the shower room (OALD); I tripped over a loose paving slab in Fairhaven a few weeks ago (Osman); I stumbled over a rock (OALD).

2) Часть тела субъекта как направление неконтролируемого движения. На первый план выходит субъект, выраженный субстантивной единицей, и какая-то часть его тела. Сказуемое выражено прототипическим непереходным глаголом со значением «падать» (*fall, tumble, collapse*). Директивный локативный компонент репрезентирует часть тела субъекта, которой он соприкасается с поверхностью при приземлении и которая рассматривается как отдельный участник ситуации (*knee, feet, palms, face, head*): *she <...> fell to her knees (Galbraith); Tanner Tennyson <...> landed on the back of his head (COCA).*

3) Объект неконтролируемого воздействия как направление перемещения. На первом плане субъект, выраженный в подлежащем при помощи субстантивной единицы. Сказуемое репрезентировано глаголом со значением случайного динамического воздействия (*bump, knock*). Объект воздействия выражается как направление перемещения и занимает позицию директивного локативного

комплемента: woman <...> bumped into her (Atkinson); He knocked into carefully stacked piles of Christmas merchandise (Galbraith).

4) Объект воздействия как субъект перемещения. В фокусе внимания предмет, перемещающийся в пространстве в результате воздействия субъекта. Эксплицируется также направление / отправная точка движения. Сам субъект дефокусирован либо находится на периферии.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует предмет, на который направлено действие; сказуемое, выраженное непереходным глаголом (или непереходным ЛСВ), репрезентирует неконтролируемое перемещение, директивный локативный комплемент описывает направление движения, исходную точку и т.д. (см. выше формы выражения):

my phone slips from between my fingers (Hannah); the smaller of them [medals] slipped through his fingers (Rowling); *The Intermediate German — inevitably — slipped out of Fräulein Rosenfeld's grip and fell to the ground* (Atkinson); it slipped from my grasp (Rowling); The stylus dropped scratchily on to the record (Atkinson); The gun falls from his hand and lands on the floor (Hannah).

Субъект происшествия как каузант элиминирован из языковой репрезентации, и перспектива наблюдателя сужается до объекта, чье перемещение было случайно каузировано. Соотносятся с данной моделью различные репрезентации, не содержащие семантики неконтролируемости в рамках основных термов: *If something gets into someone's tea by accident, that's serious* (Galbraith). В рамках данной модели, а также **модели ненаправленного действия (SP)** возможно, к примеру, рассмотреть репрезентации с различными глаголами разрушения, уничтожения — *break / burst (into pieces), smash, shutter, crash, burn (down), etc.*, которые имеют непереходные лексико-семантические варианты:

Stephen never cooks, so Elizabeth knows *the place won't burn down* while she's out (Osman); And she fell back against the coffee table, and *a vase broke* (The TV Corpus); She stumbles, falls to the landing here, where she crashes into the vase set into

the wall niche. *The vase shatters on impact* (The TV Corpus); *Connor's glass smashed* when he fell (The TV Corpus).

Подобные глаголы (точнее их основные, переходные, ЛСВ), но в рамках прототипических высказываний с одушевленным субъектом рассматривались, например, в [Шрамко 2002: 111], где также отмечалось, что подобные глаголы не маркированы как неконтролируемые, однако значение неконтролируемости в них может активироваться контекстом. В рамках исследования синтаксиса простого предложения невозможно рассматривать их в таком ключе, поэтому репрезентации с переходными вариантами таких глаголов не были включены в выборку примеров. Однако, как представляется, отсутствие в репрезентации каузанта-агенса или псевдо-агенса компенсирует отсутствие единиц, выражающих неконтролируемость: все событие передается не как нечто, произошедшее по чье-то воле, а как некое стихийное происшествие [Мустайоки 2019].

5) По такому же принципу могут описываться неконтролируемые вербальные ситуации, когда сообщение, слова концептуализируются как предметы или субстанция, которые субъект роняет, случайно выпускает: *The words spill out of me* as a sudden realisation hits hard (Hannah); *I'm so furious with Lewis that I can't control it, and the rest spills out* (Hannah).

Схожий механизм у репрезентации таких ситуаций при помощи модели статического местоположения: *she hadn't realized she was reporting treason, until the words were out of her mouth* and it was too late (Rowling).

6) Существуют репрезентации происшествия, основанные на распространенной онтологической метафоре, выражающей утопление в субстанции: «be drowned», «be swallowed by water / bog / earth». Помимо репрезентаций, изоморфных этой образной ситуации, по модели направленного действия: *He was swallowed by the bog*, интересен также и иной способ концептуализации, где ситуация передается как фиктивное перемещение в результирующую стадию происшествия. Подлежащее-субъект выражено субстантивной единицей, сказуемое — непереходным глаголом со значением

перехода в новое состояние (*get, become*); локативный комплемент, выраженный прилагательным / причастием, репрезентирует состояние / местоположение, ассоциируемое с происшествием (*stuck, swallowed, drowned*): *At least if the fool gets swallowed by the bog, we'll be able to go home (Rowling); Royal Guard had become stuck in the bog as they tried to find the king (Rowling); Akinade tried to rescue him but got drowned too (NOW Corpus).*

Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT / Модель $SPO_{DirA}Dir.Loc$

Ситуация (в позиции субъекта) каузирует перемещение предмета или человека. В данной репрезентации на первый план выходит каузант происшествия, а субъект происшествия выражен в прямом дополнении как объект воздействия. В позиции директивного локативного комплемента эксплицируется также направление движения: *The girl <...> had been flung on to someone's lap by the sudden movement of the bus (Atkinson).*

Метонимия

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель $SP_{Comp.Nom}$

1) Описание происшествия через его причину или предпосылку:

— подлежащее выражает субъекта ситуации, часть его тела, его аспект; именная часть сказуемого представлена сочетанием «прилагательное / причастие + целевая конструкция, выраженная инфинитивом». По сути, такие высказывание указывают на какое-то свойство или качество субъекта, приводящее к неконтролируемой ситуации (падение, утрата предмета и т.д.): *his tumbling weight is too much for the lady in the leotard to save. The big man is down again (Osman); "It was years ago, back East". "Uh-huh. The ice was too thin. She was light enough and he wasn't. It wasn't her fault. She thought it was" (The TV Corpus).*

— подлежащее выражает часть окружающего мира, сыгравшую роль в происшествии, каузовавшую происшествие; именная часть сказуемого представлена прилагательным / причастием, характеризующим этот предмет тем или иным образом. Таким образом, некая особенность предмета (например пути, дороги) и является причиной происшествия (*wet / ice-clad floor / bridge / road; thin ice; strong / rough / fast current; cold / freezing water / river/ sea, etc.*). Для поиска

примеров был использован как стандартный текстово-новостной NOW Corpus, так и более приближенный к чисто диалогическому дискурсу The TV Corpus, составленный из транскриптов различных сериалов. В результате выявлено, что в диалогической речи репрезентации такого типа часто использовались вообще вне лексем с семантикой происшествия, полностью имплицативно.

“Grammy, here, look at me. What happened?” “I don't know. I think *the floor was wet*” (The TV Corpus); “Did you see how wet the floor was? It's jolly dangerous”. <Teddy yells> “Oh, my God! *The bally floor's wet*. I nearly broke my bally neck” (The TV Corpus); “It was years ago, back East”. “Uh-huh. *The ice was too thin*. She was light enough and he wasn't. It wasn't her fault. She thought it was” (The TV Corpus); “I invited her out. I got her drunk. I could have saved her”. “No, Jen, you did everything you could. *The water was rough, the current was too strong*” (The TV Corpus); The river was his only route of escape. We believe Michael tried to swim, but *the river was very cold, the current was very strong* (The TV Corpus); His teacup is too full to safely hold in one hand and too hot to sip (Osman).

Отметим, что в некоторых высказываниях качества субъекта или объекта выражены прилагательными с акциональной семантикой, как *slippery* (*difficult to hold or to stand or move on, because it is smooth, wet or polished (OALD)*) или *hard* (*difficult to do, understand or answer (OALD)*). В этом случае механизм репрезентации ближе к метафтонимии, так как само происшествие или неконтролируемость ситуации (как и субъект ситуации) имплицитно в именной части сказуемого.

At sixteen stone, *Strike was hard to stabilize* when he slipped, and slip he had, with the result that he was now in a lot of pain (Galbraith); his hands were too slippery to hold the bottle (BNC); Is this where she drowned? It was raining and *the bridge was slippery* (The TV Corpus);

2) Репрезентация происшествия через качество, приобретенное субъектом в результате этого происшествия. Подлежащее репрезентирует субъекта ситуации, часть его тела либо предметы внешнего мира. Именная часть сказуемого характеризует тот или иной признак субъекта или предмета:

...through the streets in the blackout — *Juliet was black and blue from nightly encounters with post boxes and lamp posts* (Atkinson); ‘What... What's happened?’ ‘Nothing.’ ‘But *your eyes are all red*’ (The TV Corpus).

Концепт ACTIVITY OF AN OBJECT / Модель SP

Падение или другое происшествие могут быть метонимически переданы через их статичный результат, положение / позу, в которой оказывается субъект (*lie*): The baby Ickabog <...> launching itself at Flapoon. Within seconds, *Flapoon lay dead upon the ground* (Rowling); Travis McMichael fired two shots. The next thing they knew, *Arbery was lying face down on the pavement dead* (chicagotribune.com).

Концепт LOCATION OF AN OBJECT / Модель SP_{LinkA}Loc

Весь процесс неконтролируемого движения через его статичный результат (местоположение). Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует субъекта происшествия, локативный комплемент, выраженный наречием (*down, up, there*), предложным обстоятельством места (*on the floor, on the ground, underwater, etc.*), передает конечную точку движения:

His tumbling weight is too much for the lady in the leotard to save. The big man is down again (Osman); My headache just grew and grew and suddenly the light faded and I could not see a thing. The next thing I knew *I was on the floor* (BNC); They were big and I registered the yob uniform — jeans and bomber jackets. The next moment *I was on the floor* and one was kicking me and the other was hitting me in the face (BNC); I THOUGHT I was still standing and then I realised *I was on the floor* (BNC); Before I knew it *I was on the ground* (NOW Corpus).

Подобные метонимические соответствия рассматриваются, например, в [Taylor 2009: 329-331], правда в несколько другом ключе: как метонимию источника и местоположения (source and place), направления и местоположения (goal and place), траектории пути и местоположения (path and place): *He came out of prison (source) — He is now out of prison (place); I put the money in my wallet (goal) — The money is in my wallet (place); The road passes under the railway line (path) — The dog is under the table (place).*

В случае синтаксической репрезентации неконтролируемого перемещения такой способ репрезентации позволяет передать резкий переход от обычного хода вещей к падению. Зачастую в подобных контекстах эксплицируется некоторая предпосылка: утрата равновесия, внезапный приступ головокружения, приближение угрозы (например, человек или животное, которые могут сбить с ног). Быстрый переход между обычным ходом вещей и результативной стадией падения может компенсироваться фразами *before I knew it, next thing I knew, the next moment, next thing, etc.*

Метафтонимия

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

1) Метонимия: субъект, не способный контролировать ситуацию в принципе из-за временного помутнения рассудка, психического расстройства и т.д. Метафора: состояние как свойство, доступное зрительному и т.д. восприятию.

Предметом сообщения является субъект, выраженный в подлежащем, и его состояние, выраженное в рамках именной части сказуемого при помощи прилагательных, причастий, слов категории состояния и т.д.: *I knew she was adrift and I wanted to hold on to her as long as I could (Osman); Bear in mind I wasn't thinking straight, Joyce, I was paralysed with grief (Osman); Don't come any closer. Listen to me. Right now you're not yourself, Hood. (The TV Corpus).*

2) Метонимически: предрасположенность к падениям показана как характеристика субъекта. Метафорически: динамический признак предмета как статический признак. Подлежащее-субъект выражено субстантивной единицей, именная часть сказуемого, представленная субстантивной единицей или именной группой, выражает семантику неконтролируемого движения (*fall guy, faller, frequent faller, first fence faller*):

The former Manchester United manager was the fall guy once again in an unfortunate incident in Russia (mirror.co.uk); the man who was a frequent faller, and found after six months in the program the number of his falls was greatly reduced (NOW Corpus).

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

1) Метонимически: Передача неконтролируемого движения субъекта или предмета внешнего мира через финальный этап процесса, соприкосновения с какой-либо поверхностью. Метафорически: конечная точка перемещения как предмет воздействия. На первом плане субъект неконтролируемого перемещения или объект каузированного перемещения и конечная точка траектории движения. При этом внимание фокусируется именно на финальной стадии перемещения, а не на самом падении, полете и т.д.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует субъекта ситуации, его часть тела или какой-либо предмет; сказуемое выражено переходным глаголом со значением «соприкоснуться», «приблизиться» (*touch, hit, meet, approach, encounter*); прямое дополнение, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует конечную точку движения (*floor, ground, earth, tiles, wall, table*).

Ian Ventham is dead before *he hits the ground* (Osman); The ferry-goers this morning had worn similar expressions when *Strike had hit the deck* (Galbraith); [She] hit her belly as *she met the floor* (NOW Corpus); the glass hits the floor (The TV Corpus); *he <...> met the wall* near the entry of pit lane (NOW Corpus); *it slipped down and touched the ground* (NOW Corpus).

2) Описание ситуации неконтролируемого движения через стадию потери равновесия, где равновесие, баланс концептуализируются как предметы, находящиеся во владении субъекта (*balance, footing*) или необходимые для предотвращения падения (*catching*). Подлежащее будет выражено субстантивной единицей, репрезентирующей субъекта ситуации. Сказуемое выражается глаголом с прямым (*lose*) или переносным (*want, need*) значением утраты, потери: He then almost loses his balance (Osman); But *he lost his footing*, grabbed at the wrong branch for support and fell backwards (NOW Corpus); Mrs. Tufty suddenly stood up, shaking so badly that Strike also struggled to his feet, mid-sentence, *in case she needed catching* (Galbraith).

Похожая концептуализация возможна по модели контролируемого перемещения, когда искомое / утраченное равновесие репрезентируется как

направление движения (*reach out for balance, search for balance*): *Mackie reaches out for balance, grabbing Ian's T-shirt, and the two men lose their balance and fall to the ground together (Osman).*

Интеграция

Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT / Модель SPO_{DirA}Dir.Loc

Синтаксическая интеграция структурных моделей «воздействие» + «перемещение», каузирующего события и каузируемого события [Кузьмина 2014: 18]. В каузирующей части эксплицируется субъект действия, а также конкретное действие-воздействие (*knock, push, hit*) и объект воздействия. В каузируемой составляющей эксплицируется направление каузируемого перемещения (либо статическое местоположение, достигнутое после каузации): *I knocked them [flowers] over. The vase is fine— (Galbraith); Children hop around them, try to sit on them, end up pushing them over (Hannah);*

По аналогии с предметно-конкретными ситуациями могут концептуализироваться и более абстрактные происшествия, например, воздействие может каузировать не только реальное, но и фиктивное перемещение, смену состояния: *He was knocked senseless by the blow (= He was knocked + he became senseless) (OALD); He accidentally knocked out Terry Wogan while showing him how he'd knocked out Steve Collins (= He knocked Terry + Now Terry is out of fight) (Osman).*

3.2.3.2. Каузативные ситуации

В общем виде каузативную ситуацию можно выразить следующей схемой, репрезентирующей две взаимосвязанные пропозиции: [X does P] cause [Y]. Ситуации неконтролируемой каузации подразумевают, что некое действие субъекта ситуации имело ненамеренные побочные эффекты, повлиявшие на него же самого, другого человека или предмет. В рамках всех выделенных типов неконтролируемых действий мы стараемся найти предикаты с прототипическим значением и набором актантов, отражающими содержание типовой ситуации. В данном случае можно говорить о трех видах таких предикатов:

- 1) [X does P] cause [Y = S_{animate} feels F] (каузация состояния человека);
- 2) [X does P] cause [Y = S_{animate} does B intentionally] (контролируемого действия человека);
- 3) [X does P] cause [Y = Something happens to S_{animate} / O] (происшествия с человеком или предметом).

Происшествия (например, неконтролируемая каузация перемещения: *Smb + drop, knock, spill, etc. + smth + into, onto, over, etc. + somewhere*) уже рассматривались в соответствующем разделе, поэтому сейчас целесообразно будет рассмотреть только два типа неконтролируемой каузации: 1) каузацию эмоционального состояния; 2) каузацию нежелательного контролируемого действия другого человека.

3.2.3.2.1. Неконтролируемая каузация эмоционального состояния

Неконтролируемый характер не отражается в словарных дефинициях прототипических глаголов каузации эмоционального состояния типа *frighten, amaze, surprise, irritate*, однако часто рассматривается как нечто самоочевидное, поскольку понимание неконтролируемости события вытекает скорее из самого характера каузируемой ситуации. Каузируемые состояния подразделяются на стеническое (положительное), астеническое (отрицательное) и аксиологически нейтральное [Шустова 2011: 18], причем, говоря о каузации эмоционального состояния, «наиболее характерно отображают значение непреднамеренного воздействия глаголы, выражающие переход в астеническое, или отрицательное, эмоциональное состояние» [Шрамко 2002: 95-96].

Поскольку эмоциональные состояния — всеобъемлющий вид положений вещей, присутствующий эксплицитивно или имплицитивно в значительной части всех связанных с человеком ситуаций, описываемых средствами языка, логично будет в данном случае ограничить состав выборки до прямых и метафорических репрезентаций, содержащих прямое указание на каузативный характер ситуации.

Способы прямой номинации

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

Как прямые номинации неконтролируемой каузации состояния будем рассматривать высказывания, в которых сказуемое выражено прототипическими глаголами эмоциональной каузации (*amaze, frighten, irritate, surprise*).¹ Подлежащее в данном случае будет репрезентировать либо ситуацию-каузанта, либо — метонимически — субъекта этой ситуации. Средствами выражения могут быть субстантивные единицы, называющие субъекта, либо, в случае с каузантом-ситуацией, также субстантивные единицы (в т. ч. отглагольные существительные), причастные обороты, придаточные изъяснительные (*one's tone, expression, voice, blink, manner, words; somebody doing something; something happening; it, that, etc.*). Субъект каузирующей ситуации может быть дефокусирован или выражен не в рамках основного фокуса: как подлежащее абсолютной конструкции, в виде притяжательного местоимения. Прямое дополнение, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует объекта (адресата) каузации: *It amazed her (McEwan); these ragged people having fun frightened him more than if they'd all been carrying guns (Rowling); her tone surprised her (McEwan); counsel's nervous blink irritated her (McEwan); I hope I haven't shocked you (CD).*

Метафора

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

Внутренняя эмоциональная реакция структурируется как перемещение. Каузирующая ситуация (см. средства выражения в способах прямой номинации) играет роль субъекта, который каузирует перемещение объекта реакции (*upset, derail, stir, move, shake*) в другое эмоциональное состояние (значение состояния инкорпорировано в семантику глагола): *Something about this phone conversation has upset her (Hannah); Hearing Adam play stirred her (McEwan); The words derailed her (McEwan).*

Концепт TRANSFER OF AN OBJECT / Модель SPO_{IndO}Dir

¹Мы будем различать прототипические глаголы и глаголы, семантика которых передают каузацию эмоций посредством пространственной метафоры, как в *upset, stir, derail*. Последние будут рассмотрены отдельно, в рамках метафорических моделей.

Ситуация воздействия на состояние человека показана как ситуация передачи предмета адресату, где предмет — это эмоциональное состояние.

Подлежащее (см. в способах прямой номинации) репрезентирует каузирующую ситуацию или ее субъекта; сказуемое выражено двупереходными глаголами передачи предмета; косвенное дополнение, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует объекта каузации; прямое дополнение репрезентирует состояние, эмоции в субстантивированном виде. Таким образом, в отличие, например, от прямой номинации, здесь все семантические элементы выражены в отдельных синтаксических позициях: каузант, объект каузации, каузация, состояние: he'd given Bert nightmares (Rowling); *It gave him a squirming feeling in the pit of his stomach* (Rowling); Every letter from Matthew's lawyer caused Robin additional stress, rage and misery (Galbraith).

Вариацией данной модели является репрезентация по модели направленного действия, в которой дефокусируется или частично дефокусируется объект каузации: I was the thing *that caused that rush of fear* (Hannah).

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель SPA_{Dir.Loc}

Онтологическая метафора: каузирующая ситуация обрушивается на объекта каузации / неконтролируемое перемещение предмета.

Подлежащее репрезентирует каузирующую ситуацию; сказуемое выражено непереходным ЛСВ глагола со значением воздействия или каузированного перемещения (*hit, sweep, crash*); директивный локативный комплемент, выраженный сочетанием «предлог / наречие + субстантивная единица», репрезентирует объекта каузации: Her husband's plaintive words swept over her (McEwan); Then Laurentian insolvency crashed over us (NOW Corpus).

Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT / Модель SPO_{DirA}Dir.Loc

1) Каузация эмоционального состояния как каузированное перемещение объекта в это состояние. В фигуру высказывания входят каузирующая ситуация (иногда средствами разного уровня престижности также эксплицируется ее субъект), объект каузации, каузируемое состояние (см. об этом также [Кузьмина 2015: 263]).

Подлежащее репрезентирует каузирующую ситуацию (см. средства выражения в способах прямой номинации); сказуемое выражено переходным глаголом со значением каузации (*cause*), каузированного перемещения (*drive, make, send, push, jolt*); дополнение, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует объекта каузации; директивный локативный комплемент репрезентирует эмоциональное состояние и выражен прилагательным / причастием или инфинитивом со значением состояния (*distraught, upset, suspicious; worry, fear, dread*), которые выражают эмоциональную реакцию; предложным обстоятельством (предлог + субстантивированная реакция) со значением направления (*into panic, into despair*).

why my turning up has made the Tillotsons so distraught (Hannah); he'd made Tilly suspicious (Hannah); It made some of the older men uncomfortable (Galbraith); *the way she behaved made me worry* that something was really wrong (Hannah); Her mother's growing fury toward her ex-son-in-law was starting to make Robin dread her phone calls home (Galbraith); And could you drive yourself mad with questions? (Atkinson); It drives me crackers (Hannah); Normally this sort of statement would send me into a spiral of panic (Hannah); His untidiness sends her crazy / mad / wild (CD); Georgina dying had caused her to have a breakdown (Hannah);

2) Каузация эмоционального состояния как каузация перемещения. В данном случае репрезентация содержит указание не только на изменение состояния, но и реакцию или контролируемое действие, вызванное уже этим эмоциональным состоянием.

Подлежащее выражает каузирующую ситуацию; сказуемое выражено глаголами со значением каузации эмоционального состояния; прямое дополнение выражено субстантивной единицей и выражает объекта каузации; директивный локативный комплемент выражен сочетанием «предлог + субстантивная единица, выражающая действие или реакцию»: The photographs of starving children shocked people into giving money (CD); Strike, who'd been thinking exactly that, was surprised into a laugh [by her words] (Galbraith).

Каузация эмоций (направленный процесс) показана как свойство или качество субъекта (см. также [Кузьмина 2015: 317-318]).

Подлежащее репрезентирует субъекта каузирующей ситуации. Идея эмоционального воздействия выражена в именной части сказуемого посредством отглагольного прилагательного (*frightening, unnerving, disconcerting*) или именной группы по типу *source of emotion, cause of emotion*. Объект каузации выведен в фон: Is she, for some reason, a source of misery to both her parents (Hannah); He watched her eat. *It was unnerving* (Atkinson).

Похожая репрезентация доступна через синонимичную **модель ненаправленного действия (SP)**: They sound rather frightening (Atkinson).

3.2.3.2.2. Неконтролируемая каузация контролируемого действия с другим субъектом

Теперь более подробно рассмотрим случаи, когда действия субъекта каузируют контролируемую ситуацию с другим субъектом.¹ Речь идет о санкциях, действиях, предпринимаемых обычно субъектом каузированной ситуации в ответ на какие-то неправомерные действия со стороны субъекта ситуации-каузанта (нарушающие правила игры, внутренние правила / распорядок того или иного заведения, законы страны и т.д.): *fire, sack, kick off, arrest, charge, impeach, expel, deport, extradite, drop off, send off, suspend, book (in soccer), etc.* В типовых контекстах такая ситуация считается нежелательной, поскольку предполагает негативные последствия для субъекта происшествия.

Способы прямой номинации

Варианты прямой номинации не будут полностью изоморфны ситуации реальности [X does P] cause [Y = S_{animate} does B intentionally to X], однако часть необходимых элементов ситуации уже включены в семантику предикатов. В прототипической репрезентации, выраженной по модели направленного действия или каузированного перемещения, на первый план выходят субъект каузируемой

¹ Основная часть выборки состоит из материалов англоязычных СМИ: некоторые высказывания отобраны методом сплошной выборки в результате анализа статей по тегам, связанным с определенными событиями (Импичмент Трампа, Английская Премьер-лига, ЕВРО 2020 и т.д.), также задействованы корпуса английского языка NOW Corpus, The Coronavirus Corpus.

ситуации и субъект каузирующей ситуации (также являющийся объектом каузируемого контролируемого действия). Отношение между аргументами выражается предикатом, который номинирует ту или иную санкцию, ответ официальных органов на нарушение субъектом установленного порядка.

Такое действие может предполагать просто направленное действие и выражаться по модели **SPO_{Dir}**: The House impeached President Trump (cnbc.com) / President Donald Trump was impeached by the U.S. House (apnews.com); *the police arrested him* for possession of marijuana (Lexico.com); That is important now, because *referees are liable to book players* for trivial things (Lexico.com) и т.д.

Предикат может выражать и каузированное перемещение объекта в пространстве: He was banished from Australia (OALD).

Отметим, однако, что большинство прототипических предикатов действий-наказаний предполагают метафорическое описание ситуации. Так, репрезентации типа: *He was expelled from school* for punching a teacher (Lexico.com); If I was the referee *I'd have sent him off* — it was a terrible challenge (Lexico.com) являются результатом метафорического переосмысления, поскольку действие предполагает не столько физическое перемещение (пусть образ и строится метонимически на взаимосвязи место-ситуация: школа-обучение, футбольное поле-матч), сколько выход из определенной социальной группы или из ситуации. Репрезентации типа: Whenever and wherever *the U.S. government imprisons someone*, the courts should be able to review it (Lexico.com) фактически описывают ситуацию каузированного перемещения (put someone in prison), однако, поскольку пространственный ориентир инкорпорирован в семантику предиката, структура репрезентации соответствует модели направленного действия.

Метафора

Рассматриваемый тип ситуаций часто упоминается в новостном дискурсе, а поскольку для этого вида происшествий характерна большая эмоциональная вовлеченность аудитории и автора (репортажи с футбольных матчей или других спортивных соревнований, выборы, громкие политические процессы, уголовные преступления), задействуются все возможные языковые, в том числе и

синтаксические, средства репрезентации индивидуального отношения, оценки происходящего.

Так, характерной особенностью значительного числа метафорических репрезентаций является полное дефокусирование агенса каузируемой ситуации и выстраивание предложения от каузанта к каузируемой ситуации. Таким образом, структурно ситуация как бы приближается к той последовательности логических связей, которая существует между каузирующим и каузированным событием в реальности: сначала субъект каузирующей ситуации совершает контролируемое или неконтролируемое действие, которое косвенно, ненамеренно приводит к каузируемой ситуации.

С одной стороны, выбор определенных синтаксических и лексико-грамматических средств часто направлен на то, чтобы показать, что субъект каузирующей ситуации контролирует обе ситуации и что каузация не является побочным эффектом, а, напротив, входит в намерения каузанта. С другой стороны, сама семантика приведенных лексем (наказание, санкция) блокирует такое буквальное прочтение и позволяет создать яркий стилистический образ.

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель SPA_{Dir.Loc}

1) Неконтролируемая каузация действия другого агенса показана как самостоятельное перемещение субъекта ситуации в направлении каузируемого действия.

— Подлежащее выражено субстантивной единицей и репрезентирует субъекта ситуации; сказуемое выражено непереходным глаголом самостоятельного перемещения *come, march, head (be headed), move, skate, etc.*; директивный локативный комплемент выражен сочетанием предлог + субстантивная единица, герундий, репрезентирующими каузированное действие: *arrest / impeachment / dismissal; being / getting impeached / charged / fired / sacked / deported, etc.*:

It feels as if Trump is skating dangerously close to being fired (NOW Corpus); the Vancouver School Board appears to be edging closer to being fired by B.C.'s education minister (NOW Corpus); Haisley came close to being deported in February

(NOW Corpus); *an Acting Nauru Representative came close to being sacked on the spot because the presidential flag on the bonnet of a hired limousine was flown upside down* (NOW Corpus); *it seems even Kelly believes Trump might be headed toward impeachment* (americanindependent.com); *Is Trump marching to impeachment?* (hollandsentinel.com).

Отдельно стоит рассмотреть следующий тип конструкции: подлежащее выражено субстантивной единицей и репрезентирует субъекта ситуации; сказуемое выражено глаголом перемещения *get* (в значении: *Move or come into a specified position, situation, or state* (Lexico.com)); директивный локативный комплемент выражен причастием от переходного глагола контролируемого действия, каузированного субъектом. Конструкции с глаголом *get* (так называемый *get-passive*) отличаются и от обычного пассивного залога с глаголом *be*, и от конструкций с другими, более специфическими, глаголами перемещения [Chappell 1980: 411-452; Givon, Lynne 1994: 119-149]. При использовании конструкции с *get* высказывание приобретает отрицательное, «адверсативное», или, наоборот, положительное, «бенефициарное», значение (ср.: *She got fired — She got promoted*). При этом частично или даже в значительной степени ответственность за произошедшее возлагается на субъекта: в конструкциях “get + V-ed” (*Stealing — I can't see anything wrong with it — as long as you don't get hung*) или, что чаще, в конструкциях “get + oneself + V-ed” (*Jane got herself fired*) [1980: 427].

‘Nice Martinelli assist for Auba's goal and *Schar got sent off trying to kill Martinelli*. # Nothing else happened’ (NOW Corpus); *Fabian Schar caught the eye for stupidly getting sent off late in the game* (NOW Corpus); ‘Can’t you go back there and—’ ‘*Get arrested? No*’ (Hannah).

Необходимо отметить, что передача семантики каузации не является постоянной характеристикой конструкции “get + V-ed”, даже в случае с предикатами «ответного», «санкционного» действия. К примеру, в следующих высказываниях, как представляется, значение конструкции ближе к простому пассивному залогу, передающему адверсативный характер ситуации, учитывая,

что контекстом подчеркивается невиновность субъектов в случившемся: *You don't do anything wrong and you get impeached* (NOW Corpus); I think *Pelly* is unlucky to *get sent off*. I don't think he did much, just stopped the Exeter player taking a quick free-kick (NOW Corpus).

2) Нечто, сделанное субъектом, *ведет* к другому событию. В данном случае неконтролируемую каузацию передает, как правило, глагол *lead* и синонимичные (хотя чаще каузацию передают переходные глаголы, как *cause, induce, prompt*). Подлежащее выражено субстантивной единицей или оборотом с герундием и репрезентирует ситуацию-каузанта.

— Директивный локативный комплемент выражен оборотом «предлог *to, towards* + being / getting V-ed»:

If cheating were the goal — *a risky strategy* <...> *that could lead to getting banned from the profession* before even being licensed to practice (NOW Corpus); He's also shown this year that he won't quit on plays, and *that's what led to getting his sack against Cleveland* on Sunday (NOW Corpus); In other big clubs, *under-performance leads to getting dropped* (NOW Corpus); *Engaging in Twitter banter leads to getting trolled* even if one is not talking of politics (NOW Corpus); A very costly wrong decision might necessarily lead to being fired from the job, but not necessarily to a jail term (NOW Corpus);

— Директивный локативный комплемент выражен оборотом «предлог *to, towards* + субстантивная единица, объективирующая каузированное действие»:

Violations can lead to job dismissal (Lexico.com); Working without the proper visa can lead to deportation and denied re-entry (NOW Corpus); Serious failures to comply with virus rules could lead to expulsion from the Games (NOW Corpus); He feared an arrest would lead to extradition to the USA on charges of leaking secrets (NOW Corpus).

Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT / Модель SPO_{DirA}Dir.Loc

1) Конструкция “get + oneself + V-ed” в рамках модели каузированного перемещения предмета предполагает каузацию субъектом перемещения самого себя в направлении какой-либо затрагивающей его ситуации. Подлежащее,

выраженное субстантивной единицей, репрезентирует субъекта ситуации; прямое дополнение выражено возвратным местоимением и также репрезентирует субъекта; директивный локативный комплемент выражен причастием от переходного глагола со значением ответного действия (*arrested, charged, expelled, sent off, booked, ejected, etc.*). Значение каузации, ответственности со стороны субъекта в данной вариации конструкции с *get* более стабильно, нежели чем в варианте “*get V-ed*”, рассмотренном в рамках модели самостоятельного перемещения [Chappell 1980: 430-434]. Такие конструкции зачастую сопровождаются дополнительной информацией, эксплицирующей ситуацию, каузивовавшую другое действие (как правило, такая ситуация заключается в каком-либо нарушении дисциплины, совершении преступления, допущении ошибки, совершении глупого, необдуманного действия и т.д.).

This genius <...> got himself arrested and charged with assault and battery by means of a dangerous weapon (NOW Corpus); he broke one student's leg and another's nose and got himself expelled from CW Post College (NOW Corpus); he still almost got himself kicked off the football team (NOW Corpus); Rodriguez would do something stupid and get himself sent off, too (NOW Corpus); San Emetorio catches Isco and gets himself booked (NOW Corpus); And the Sundowns man gets himself booked for kicking the Namibian goalkeeper on the forehead (NOW Corpus); Dennis Rodman recklessly got himself ejected in an early season game (NOW Corpus); Paul Pogba got himself suspended for the away leg (NOW Corpus); What's he gonna do, criticise the board and get himself fired? (NOW Corpus); John Kelly's done trying to stop Trump from getting himself impeached (americanindependent.com); Trump incited a riot at the Capitol and got himself banned from Twitter and Facebook (NOW Corpus); Don't sprint into the street and get yourself killed by a speeding car (NOW Corpus); some Islamic extremist madman has got himself shot dead attempting to enter a police station claiming he wore a suicide belt (NOW Corpus).

Описанная конструкция может использоваться также и для передачи осознанной каузации действия другого агенса, например, осознанно добиваться собственного ареста, исключения, импичмента: The man <...> handed himself to

the police willingly as he thought staying in jail was better than being with people he was living with at home. <...> The household must have been a nightmare that *he got himself arrested* (NOW Corpus); *He* said he began breaking rules to *get himself expelled* (NOW Corpus); Donald Trump is so afraid of Joe Biden that *he* went and *got himself impeached* (nypost.com).

Такие действия не могут быть рассмотрены в рамках происшествий, по значению они ближе к ситуациям с положительным результатом, напрямую зависящим не только от субъекта, но и от других людей или факторов: как победа в спортивном состязании, прохождение аккредитации или номинация на награду.

2) Подлежащее выражено субстантивной единицей или оборотом и репрезентирует ситуацию-каузанта (может быть описана конкретная ситуация / действие или дана оценка действия как безрассудного, глупого); сказуемое выражено переходным глаголом или переходным ЛСВ непереходного глагола (*lead, get, make*); директивный локативный комплемент выражен субстантивной единицей, инфинитивом, оборотом типа *being / getting V-ed* со значением каузированной ситуации, причастием от переходного глагола ответного действия (*sent off, arrested, impeached, extradited*).

— Прямое дополнение выражено субстантивной единицей и репрезентирует субъекта ситуации:

the Belgian's recent racial remarks <...> led him to being fired by his old club (NOW Corpus); What did Emma find out about Northmoor *that got her killed?* (NOW Corpus); This was an offense that could get her expelled (NOW Corpus); Pennsylvania teenager whose profanity-laced outburst on social media got her banished from her high school's cheerleading squad (NOW Corpus); it was a mistake that could get her deported (NOW Corpus).

— Прямое дополнение выражено субстантивной единицей и репрезентирует агенса каузированной ситуации:

Probably, her outspoken nature was viewed by the Saudi regime as a rebellion, *which made them arrest and detain her* (NOW Corpus); *What were you doing that made them arrest you?* (NOW Corpus).

Концепт LOCATION OF AN OBJECT / Модель SP_{LinkA}Loc

Использование модели местоположения довольно распространенный метафорический способ изображения каузации нежелательной ситуации. Подлежащее (субстантивная единица) репрезентирует субъекта неконтролируемого действия; локативный компонент выражен сочетанием «предлог / наречие + каузированная ситуация, выраженная субстантивной единицей, passive infinitive и т.д.». Каузированная ситуация предстает как пространственный референт, относительно которого определяется местоположение субъекта.

— Встречаются относительно нейтральные репрезентации, в которых идея неконтролируемой каузации выражена только в адвербиальной части сказуемого (находящегося, однако, в фокусе внимания):

Their leader <...> is about to be impeached for a second time (washingtonpost.com); he was about to be kicked out of university (NOW Corpus); A player for the opposing team was about to be kicked out of the game (NOW Corpus); he was about to be suspended under the personal conduct policy (NOW Corpus).

— Более выражена неконтролируемость каузации и нежелательность спровоцированной ситуации в высказываниях, где на опасность положения дел и, возможно, на то, что следует «отойти подальше» от опасной зоны, передана в рамках локативного компонента в виде уточнений *perilously, dangerously, this close, inches away, not far*, указывающих на близость угрозы:

But he also warned that the president was "perilously close" to impeachment (theweek.com); You are this close to getting arrested yourself... (NOW Corpus); he was inches away from being sacked (NOW Corpus); I don't think they would be far off from being sacked on the spot (NOW Corpus);

— Близость к каузированной ситуации может также измеряться в действиях, переданных как в общем виде (*move, step*), так и конкретизированно (*tweet, defeat, loss, racist remark, etc.*). За счет упоминания не только каузированной ситуации, но и действий-каузантов, роль субъекта происшествия становится еще более подчеркнутой:

The former police chief is one step away from being charged with sedition (NOW Corpus); Democratic Representative Al Green claimed that *President Donald Trump is "one step closer to impeachment"* (newsweek.com); Everyone is just one tweet away from being fired (NOW Corpus); you're only a bad day and half a dozen tweets from being fired (NOW Corpus); Chelsea manager Maurizio Sarri [is] reportedly one defeat away from being sacked (NOW Corpus); the coach is one loss away from being sacked (NOW Corpus).

— Похожий принцип репрезентации — представление субъекта следующим по дороге к каузируемой ситуации, вернее, находящимся в какой-то точке этого пути (*on the way to, on the path to*):

Briles is on the path to being fired (NOW Corpus); many more police officials are on their way to being sacked (NOW Corpus); *some of them are on their way to being expelled* (NOW Corpus).

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

1) Глаголы ответного действия могут метонимически переосмысляться, репрезентируя, таким образом, не сам процесс ареста, депортации, импичмента, а поступки субъекта, ведущие к нему. В качестве подлежащего в таких высказываниях выступает субъект-каузант, сказуемое выражается переходным глаголом ответного действия, прямое дополнение, выраженное возвратным местоимением, также репрезентирует субъекта-каузанта, совершающего то или иное действие над самим собой:

Trump is impeaching himself (edition.cnn.com); But if *you persist in impeaching yourself* on an almost hourly basis, that really wrecks the challenge for me (newyorker.com).

Подобный синтаксический конструкт может проходить и дальнейшее переосмысление, уже по модели SP: It turns out Speaker Nancy Pelosi might have been onto something when she talked about *Trump being "almost self-impeaching"* several months ago (edition.cnn.com). Здесь импичмент показан как самонаправленное действие: переходный *impeach* трансформировался в непереходный *self-impeach*.

Впрочем, такая же конструкция может передавать и осознанный акт: He basically arrested himself “by turning himself in” (NOW Corpus).

2) Модель направленного действия является прототипической для репрезентации ситуации через предикаты факторного типа *try, intend, plan, manage*, маркирующими, как правило, стадии контролируемого действия (задумка, намерение, попытка и т.д.). Поскольку речь в данном разделе ведется о случайных, незапланированных действиях, происшествиях, данные средства, естественно, будут использованы в переносном смысле. По семантике они близки, например, конструкции “get + oneself + V-ed”, так как репрезентируют поведение, которое настолько вопиюще (в своей глупости, наглости, неправомерности и т.д.), что каузация побочной ситуации выглядит намеренной, хотя таковой не является.

В данном случае подлежащее, выраженное субстантивной единицей, будет репрезентировать субъекта-каузанта; сказуемое выражено переходным интенциональным глаголом; прямое дополнение выражено пассивным инфинитивом *be + V-ed* или инфинитивом *get + V-ed*:

We recap the news you would have heard if *Trump* wasn't busy *trying to get impeached* (NOW Corpus); The DIA's chief Gen. *Mike Flynn managed to get himself fired by Obama* as well as *Trump* (NOW Corpus); *a former chief justice of the Alabama Supreme Court <...> managed to get himself kicked out of the state Supreme Court* twice (NOW Corpus); even then *he managed to get sent off needlessly* in the first leg vs *psg* and make things hard for the team (NOW Corpus).

Репрезентация через специальную лексику

В отдельную группу можно выделить репрезентацию неконтролируемой каузации **через специальную лексику**, передающую нежелательность ситуации интерпретативно: при помощи предикатов, предполагающих совершение действия, ведущего к рискованным / негативным последствиям (*risk, jeopardize, endanger, expose*); субстантивных единиц, репрезентирующих «нежелательную ситуацию» (*trouble, danger, soup, risk, jeopardy*). Высказывания такого типа могут описывать как каузацию контролируемых, так и неконтролируемых ситуаций.

— Использование специальных предикатов как правило реализуется в моделях с прямым дополнением (хотя возможно использование и непереходных ЛСВ). Подлежащее репрезентирует субъекта, прямое дополнение — субстантивирует либо возможные последствия, выраженные конструкциями *being / getting killed / fired / arrested*; или метонимически — субстантивными единицами, которые репрезентируют материи, отчуждаемые в результате каузируемой ситуации: *job (= getting fired), life (= being killed), freedom (= being imprisoned), etc.:*

And you're going to do what? Run at him, try to overpower him? *Risk getting killed sooner?* (Hannah); Pressuring her to investigate her own boss is asking *her to risk her job* (Galbraith); No one wants to put their finest athletes at risk and *this would jeopardize lives* (Lexico.com).

— Репрезентации нежелательных / опасных ситуаций часто выступают в качестве локативных компонентов, вводимых предложениями направления, впрочем, в отсутствие каких-либо интерпретирующих атрибутивных конструкций, такие реализации передают ситуацию очень обобщенно и необязательно описывают каузацию ситуации, в которой есть как таковой агент (так, *danger* может означать, как опасность быть пойманным, так и опасность умереть под лавиной в горах). Подлежащее может выражать как субъекта происшествия, так и всю ситуацию-каузант. Используются переходные и непереходные предикаты со значением перемещения: *land, put, place, throw, push*. Прямое дополнение (при наличии) выражает либо самого субъекта, либо третьего участника ситуации, отличного от субъекта и от агента каузируемой ситуации.

I'm not going to land you in any trouble (Hannah); by trying to protect Thomas and Emily Cater, *I've placed them in greater danger* (Hannah); it would put his life at risk (NOW Corpus); sending her children into a school was akin to [them] *exposing them to danger* (NOW Corpus).

3.2.4. Девиации / контролируемые действия с отрицательным результатом

В рамках данной работы к девиациям относятся ошибки, промахи и неудачи, ситуации, вышедшие из-под контроля на ментальной или эффекторной стадии и приведшие к отрицательному или нежелательному результату вследствие недостаточной квалификации или аффективного состояния субъекта, неудачного стечения обстоятельств, вмешательства другого субъекта или силы (происшествия) и проч.

Действие, достигшее нежелательного, отрицательного результата может быть выражено при помощи специальных лексем с семантикой неудачи / провала / ошибки / отсутствия квалификации: прилагательных (*unsuccessful, ineffectual, useless, fruitless, futile, wasted; incapable, unable, inept; wrong, incorrect, erroneous*); глаголов со значением ошибки (*mishear / misremember / misspeak / misinterpret / miscalculate / mistake*); глаголов, существительных и т.д. со значением неудачи (*miss / omit / fail / forget; failure / mistake / error*); глаголов, выражающих отрицательный результат квантитативно, как недостаточный или чрезмерный (*overdrink / overeat / overdo / overdose / underdo, etc.*). К случаям выражения неконтролируемости можно причислить высказывания, где подлежащее репрезентирует некомпетентного или недееспособного субъекта. Набор остальных актантов, при этом, будет произвольным — идея неконтролируемости будет заключена в подлежащем: *asking a girl with no investigative training to work for us* (Galbraith).

Способы прямой номинации

Модель Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

Эффекторная стадия / результат интерпретируются как неэффективные, неконтролируемые, провальные. Субъект ситуации может выступать как в качестве предмета сообщения, так и уходить на второй план.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует эффекторную фазу действия в общем (*attempt, try, endeavor, effort*), конкретизирует действие или содержание одной из фаз его исполнение (*blow, attack, shot, words, talking, movement, search, etc.*); выражает субъекта

высказывания как репрезентанта ситуации, завершившейся отрицательным результатом. В именной части сказуемого данной фазе (конкретному действию, субъекту) дается оценка, в соответствии с которой действие не было или, скорее всего, не будет завершено с положительным результатом. Именная часть выражена прилагательными или причастиями со значением неконтролируемости, отрицательного результата либо единицами, связанными с тем или иным действием концептуально в качестве маркеров неудовлетворительного результата (*e.g. blows were too weak / harmless*):

Your efforts are futile (NOW Corpus); these attempts are unsuccessful (NOW Corpus); Their first try was unsuccessful (NOW Corpus); Ronaldo's shot was useless (NOW Corpus); *His blows were ineffectual* and the man he hit barely noticed (McEwan); He hopes to placate him. But in Ron's view *he was "unsuccessful"* (Osman); Conversations were snippets, incoherent, sometimes angry (Osman); If he'd hoped to deflect his friend, *he was unsuccessful* (Galbraith).

Концепт ACTIVITY OF AN OBJECT / Модель SP

Репрезентации посредством модели ненаправленного действия, как правило, имеют в качестве подлежащего субстантивную единицу, репрезентирующую субъекта, являющегося темой сообщения, и в качестве предиката — непереходные глаголы или непереходные ЛСВ переходных глаголов со значением ошибки, действия с отрицательным результатом: I didn't mishear or misremember (Hannah); I miscalculated, clearly (Hannah); Flapoon and I may, perhaps, have misheard (Rowling); you'll stop me if I misspeak (Osman); She had overslept (Atkinson).

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

Действия-ошибки: подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует субъекта ситуации; сказуемое выражено переходным глаголом со значением ошибки, отклонения от нормы (*misinterpret, miss, mishear, overcook, overdo, etc.*); прямое дополнение, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует предмет или событие, с которым связана девиация: why does everyone misinterpret that line (Atkinson); [Polworth] misinterpreting Strike's

expression (Galbraith); people <...> missed deadlines for trips (Hannah); I mishear him and think he's asking if we have a room to rent (Lexico.com); don't overcook the vegetables (Lexico.com).

Метафора

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

1) Действие (особенно, связанное с восприятием органами чувств) невозможно из-за особенностей объекта действия: невозможность восприятия (различения на слух, прочтения, понимания) передается как качество объекта действия. В фигуру высказывания входят объект действия и неконтролируемое действие, при этом субъект ситуации действительности только имплицитруется семантикой отглагольного прилагательного в позиции именной части сказуемого.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует объект действия (*words, conversation, speech, what she was saying, writing, etc.*). Именная часть сказуемого выражена отглагольным прилагательным, именной группой или аналогом и репрезентирует качество, препятствующее действию. Так, есть целый пласт прилагательных, эксплицирующих невозможность восприятия: *incomprehensible, indiscernible, indistinct, slurred, inarticulate, incoherent, inaudible, unintelligible*. Иногда «невнятная» речь, почерк и т.д. является неконтролируемым действием и для ее субъекта, а не только выражает невозможность восприятия для слушателя — например, когда это симптом заболевания. Иногда на восприятие влияет состояние здоровья субъекта-слушателя или какие-то внешние факторы, типа плохой акустики, шума.

Some conversations [were] mostly inaudible (Atkinson); By this time *his speech was unintelligible* at first exposure, but with a bit of practice one got to understand it (NOW Corpus); *Her speech was incoherent*. Even though she could speak, *her words were not comprehensible* (NOW Corpus); the graffiti appeared to be white spray paint, but *the writing was indiscernible* (NOW Corpus).

2) Действие невозможно из-за особенностей субъекта действия: недостаток умений для осуществления действия или провал эффекторной стадии показаны как качество субъекта. В фокусе внимания субъект действия.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует субъекта действия. Именная часть сказуемого выражает характеристику субъекта, препятствующую адекватному осуществлению действия (*incompetent*), или выражает неспособность в целом: (*incapable, unable*). Само действие зачастую эксплицируется посредством конструкций *to infinitive, of + gerund*.

'I was <...> incapable of coherent speech for a half-hour or so afterwards (Lexico.com); *older workers were incompetent or incapable of doing their jobs* (Lexico.com); *a former soldier <...> has been unable to find work since the war ended* (OALD); *who was incapable of hopping up the steep stairs to the only toilet* (Galbraith); *grandmother, Ena, was unwilling or unable to protect the youngest member of the household from her husband's increasingly sadistic punishments* (Galbraith).

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

Ошибка или девиация репрезентируются как объекты. Предметом сообщения является субъект ситуации, допустивший ту или иную ошибку, потерпевший неудачу.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует субъекта ситуации; прямое дополнение выражено субстантивной единицей, в т.ч. именной группой, репрезентирующей неконтролируемое действие с отрицательным результатом (семантика девиации выражена в субстантивной единице: *mistake, error, trouble, overdose; no success*; в атрибутивном элементе — *wrong turn, incorrect interpretation*),). Сказуемое выражено переходным глаголом со значением:

— обладания: *She had a couple of suicide attempts in her past* (Galbraith); *I have had no success yet* (Atkinson); *He had some trouble with his lines* (Atkinson);

— получения в обладание: *I'm driving my son to his Regional League match nearby and I took a wrong turn* (Hannah); *She <...> taking an overdose* (Galbraith);

— созидания: *I made a mistake* (Hannah).

Концепт LOCATION OF AN OBJECT / Модель SP_{LinkA}Loc

Ситуация с отрицательным результатом представлена как предмет, расположенный в пространстве. Репрезентируется отдельно стоящей лексемой со

значением девиации, ошибки; именной группой, где отрицательный характер результата выражен в атрибутивной части:

There was an error, no one knows how or why (Osman); it makes no sense to conclude there was an overdose from fentanyl (NOW Corpus); there was a failed coup attempt against the head of one of the country's nine regional states (NOW Corpus); there was a failed suicide attack in Bama (NOW Corpus).

Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT / Модель SPO_{DirA}Dir.Loc

Модель каузированного перемещения используется для репрезентации действий с семантикой «перепутать». Сказуемое будет выражено глаголами типа *take, mistake, confuse, cannot + tell*; прямое дополнение — субстантивной единицей со значением предмета или человека, которых перепутали; локативный комплемент, переданный сочетанием «предлог + субстантивная единица, выражающая предмет или человека, за которых приняли объект»: *You mistook me for your friend (Hannah); befuddled Hartley <...> mistaking her room for the bathroom (Atkinson); Even the experts took the painting for a genuine Van Gogh (OALD); The condition can sometimes be confused for influenza (OALD).*

Метонимия

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

Репрезентация несвоевременного прибытия при помощи устойчивых выражений *be late, be early (= come late)*. Составное сказуемое оценивает действие как выполненное не вовремя, слишком рано или с опозданием: *I'm late all the time (Atkinson); we'd been two minutes early (Hannah).*

Предметом сообщения является субъект ситуации, однако наречие *late*, учитывая его этимологию (Old English *laet* (adjective; also in the sense 'slow, tardy'), *late* (adverb), of Germanic origin; related to German *lass*, from an Indo-European root shared by Latin *lassus* 'weary' and *let* (OALD)), скорее характеризует действие субъекта ситуации, чем самого субъекта — как слишком медленное¹, что так или иначе приводит к опозданию. Таким образом, целая ситуация, действие

¹ Похожая концептуализация понятий существует и в других языках. Так, в испанском языке наречие *pronto*, имеющее семантику «сделать что-то (напр., прийти) раньше назначенного времени», также имеет значение «быстро, без проволочек».

репрезентируется метонимически: вся ситуация через ее субъекта (ср., напр., с репрезентацией каузации эмоций *Your behaviour is disappointing = You are disappointing*, см. об этом также п. 3.2.3.2.1).

В некоторых контекстах конструкция *Somebody be late* приобретает грамматические характеристики динамических ситуаций, например, присоединяет директивный локативный компонент: *She was already ten minutes late for sherry in the drawing room (McEwan); She was late to work (NOW Corpus).*

Концепт LOCATION OF AN OBJECT / Модель SP_{LinkA}Loc

Неконтролируемая ситуация — как принципиально контролируемая ситуация с отрицательным результатом, так и происшествие — могут быть переданы метонимически, через местоположение субъекта или объекта ситуации, ставшее причиной выхода из-под контроля. При этом такая конструкция может использоваться в контексте без каких-либо уточнений, передавая отрицательный результат или происшествие имплицативно.

Подлежащее, выраженное субстантивной группой, репрезентирует субъекта или объект ситуации, адвербиальная часть сказуемого выражает местоположение предмета в пространстве (*close, far away*). Например, слишком большое расстояние до объекта не дает расслышать речь или рассмотреть детали / узнать лица, прицелиться, передать предмет; если субъект слишком далеко от берега во время непогоды, то это может помешать ему выплыть или сильно усложнить задачу; напротив, слишком близкое расстояние между машинами приводит к столкновению; прогулки по краю обрыва — к падению и т.д.

Поскольку семантика происшествий и просто действий с отрицательным результатом часто сливается (например, если человек пытается достичь вплавь противоположного берега реки и тонет или не доходит до пункта назначения, потому что падает и ломает ногу — в более глобальном плане это действие, не доведенное до желательного результата, но в то же время это происшествие) и особенно, когда речь о метонимической репрезентации, разделим примеры условно на две группы: 1) контролируемые ситуации с отрицательным

результатом и 2) в целом контролируемые ситуации, которые осложнены внешними условиями и могут закончиться происшествием.

1) 'I want to shoot at him [the bear].' 'No. *He's too far away*' (The TV Corpus);
 'You think you'd recognize any of them?' '*It was too far away*' (The TV Corpus);
 'What is he saying?' '*They're too far away.*' 'Well, read their lips' (The TV Corpus);
 'What were they saying?' '*It was too far away*' (The TV Corpus);

2) 'If the water gets rough, *we're too far away from shore*' (The TV Corpus);
 'And when I looked back, *you were too far away* and the current was too strong' (The TV Corpus);
 'Slow down! You're too close to that car' (The TV Corpus); 'Blow the bomb' '*He's too close. We do it now, he dies.*' (The TV Corpus); '<...> Little piece lodged in my back.' 'Can't they take that out?' '*It's too close to the spine.*' (The TV Corpus).

Метафтонимия

Репрезентация неконтролируемого действия через его фазу

Действие с отрицательным результатом может быть передано метонимически, через одну из стадий контролируемого изначально действия (см. п. 1.2.), при помощи интенциональной (модальной) лексики (*hope, want, intend, plan, try, attempt, etc.*): when I tried to reconnect with her in my twenties, I couldn't find her (Galbraith); *I try to block her path*, but she shoves me hard (Hannah); конативных глаголов (и соответствующих им лексем других частей речи) типа *look, listen, search*; конативных конструкций (*Verb + at*).

Необходимо, однако, отметить, что рассматриваемый механизм синтаксической репрезентации отличается от большинства реализаций метонимии или метафоры, приведенных нами ранее, и поэтому рассмотрение такого типа репрезентаций в рамках изучения концептуального потенциала структуры высказывания и, в частности, синтаксической модели простого предложения требует отдельного обоснования.

Объяснить семантику неконтролируемости, присутствующую в таких конструкциях, основываясь только на теоретических, умозрительных заключениях, вряд ли возможно. Во-первых, сами по себе предложения типа *I try*

to block her path не содержат на уровне лексики никаких прямых указаний на неконтролируемость действия (за исключением небольшого числа глаголов со значением провала на ментальной фазе *forget, omit, etc.* или провала в целом *fail*). Во-вторых, пропозиции типа *I try to block her path* подразумевают фазу *любого* изначально контролируемого действия, не обязательно действия, вышедшего из-под контроля или конкретного неконтролируемого действия (ср.: метонимические репрезентации, имеющие логическую связь именно с неконтролируемостью ситуации: *The ice was too thin. She was light enough and he wasn't (The TV Corpus)* или репрезентирующие результат *конкретной* неконтролируемой ситуации: *Before I knew it I was on the ground (NOW Corpus)*).

Тем не менее, попробуем обосновать использование данных конструкций для репрезентации ситуаций с отрицательным результатом, эмпирически. Для начала ограничим интересующие нас репрезентации до описывающих уже совершенное действие, тем самым исключим случаи собственно обдумывания, планирования, попытки осуществления и т.д. еще не завершенного действия, так как подобные репрезентации в целом имеют то же значение, что заложено в предикате: действие на определенной фазе актогенеза (даже если дальнейшее выполнение действия и имплицуруется). Наиболее удобным инструментом для анализа представляются корпуса английского языка, где собраны образцы диалогической речи (корпуса с транскриптами фильмов, сериалов, телепередач, как *The TV Corpus, The Movie Corpus, etc.*), поскольку в устной речи описание реальности, как правило, ведется относительно настоящего времени, а сами репрезентации более конкретные и простые. Для того чтобы минимизировать контаминацию выборки примерами со значением собственно фазы действия, глагол в запросе поставим в форму *Past Simple*, интуитивный выбор для описания уже свершившихся событий. Чтобы избежать контаминации примерами типа «неодушевленный объект + причастие», поставим в качестве слова, предваряющего глагол, личное местоимение. Запросы выглядят следующим образом: «PRON wanted to», «PRON intended to», «PRON decided to», «PRON planned to», «PRON tried to». Такие общие запросы дают многотысячные

подборки микроконтекстов, в каждом случае проанализированы несколько первых страниц (в пределах 300-400 примеров в каждом запросе с учетом небольшой контаминации).

Результаты по запросам «PRON intended to», «PRON planned to», «PRON tried to» подтверждают предположение о том, что использование по крайней мере некоторых фазовых конструкций можно считать конвенциональным способом репрезентации действия с отрицательным результатом. С другой стороны, выборка по запросу «PRON decided to», наоборот, в основном состоит из репрезентаций контролируемых действий, следовательно, фазу принятия решения нельзя считать метонимической репрезентацией неконтролируемого действия.

Результаты по запросу «PRON wanted to» более размыты (и в значительной степени контаминированы примерами, не относящимся к искомым значениям, наподобие второго типа условных предложений, косвенной речи и т.д.) и в равной степени содержат репрезентации как успешно завершившихся действий, так и провалов. Впрочем, спектр значений *want + infinitive* в принципе намного шире, чем у ранее упомянутых сочетаний. К примеру, уже устоявшиеся соответствия *I wanted to ask = I'm asking* и т.д. Значение *want* также наиболее отдалено от эффекторной стадии действия. С другой стороны, менее органичный и, следовательно, многозначный в этом окружении «PRON meant to VERB» выдает большее количество именно неконтролируемых действий (хотя и ассимилирует многие значения по аналогии с *want*, типа *I meant to say = I'm saying*).

Отметим, что большинство репрезентаций через фазовые глаголы все-таки содержат дополнительную экспликацию неуспеха, провала вне минимального набора актантов структурной модели, однако профилирование говорящим фазы свершенного действия вместо выражения действия целиком уже само по себе заставляет прогнозировать неудачный исход хотя бы из-за принципа экономии языковых средств. Кроме того, в репрезентациях типа «интенциональный глагол + глагол действия» так или иначе смещается фокус со структуры основного действия, которое полностью выражается в рамках одной позиции объекта: ср. распределение фокуса: 1) *S = he* 2) *P = wanted* 3) *O_{Dir} = to make everyone else in the*

restaurant laugh и 1) $S = he$ 2) $P = made$ 3) $O_{Dir} = everyone\ else\ in\ the\ restaurant$ 4) $A_{Dir.Loc} = laugh$. Если действие успешно выполнено, его проще выразить кратко и без искажения структуры ситуации, в то же время, для репрезентации провальной попытки часто интуитивно задействуется большее количество языковых средств, позволяющих объяснить суть дела или оправдать провал. Возможно, поэтому в семантике некоторых репрезентантов эффекторной фазы появляется значение сложности, трудновыполнимости, затрачивания дополнительных усилий, как в **struggle** (to try very hard to do something when it is difficult or when there are a lot of problems (OALD)), **endeavor** (to try very hard to do something (OALD)), **attempt** (to make an effort or try to do something, especially something difficult (OALD)), даже значение неуспеха, как в **attempt (n)** (an act of trying to do something, especially something difficult, often with no success (OALD)) — дополнительная семантика увеличивает салиентность языковой единицы.

С точки зрения структурных принципов выражения фазы действия, представляется, что в основе таких репрезентаций лежит механизм концептуальной метафоры, в результате работы которого целые ситуации репрезентируются как более оформленные, предметные сущности. Для предикатов **want** (Middle English: the noun from Old Norse *vant*, neuter of *vanr* ‘lacking’; the verb from Old Norse *vanta* ‘be lacking’ (OALD)), **omit** (late Middle English: from Latin *omittere*, from *ob*— ‘down’ + *mittere* ‘let go’ (OALD)), **intend** (Middle English *entend* (in the sense ‘direct the attention to’), from Old French *entendre*, from Latin *intendere* ‘intend, extend, direct’, from *in*— ‘towards’ + *tendere* ‘stretch, tend’ (OALD)), **try** (Middle English: from Old French *trier* ‘sift’, of unknown origin (OALD)) и других со значением модальности первичной является более конкретная семантика, связанная с физическим опытом: попадание предмета в поле зрения, обладания, воздействия на предмет, каузированного перемещения.

Глагол неудачи **fail** (to not be successful in achieving something), передающий неудачу напрямую, концептуализирует признак, качество процесса, однако за счет того, что он занимает позицию предиката, позволяет вывести в главный фокус субъекта действия, в отличие от репрезентаций типа *His blows were*

unsuccessful, где субъект дефокусируется либо выражен средствами низкой престижности.

Рассмотрим теперь возможные репрезентации действия с отрицательным результатом через его фазу.

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

В высказываниях, построенных по модели направленного действия, в фокусе внимания находится субъект ситуации; само действие выражено в рамках позиции прямого дополнения.

1) Провал на ментальном или эффекторном этапе передается при помощи переходных глаголов с семантикой «неосуществления», провала: *omit, forget, fail*. Подлежащее-субъект выражено субстантивной единицей, прямое дополнение выражено инфинитивом, репрезентирующим действие, которое не было доведено до конца / закончилось провалом:

she had forgotten to tell him about his newspaper (Atkinson); she'd omitted to pack toothbrush or toothpaste (Galbraith); it was Ian Ventham the paramedics failed to save (Osman); 1971: August: [he] failed to abduct pharmacist Peggy Hiskett, 34 (Galbraith).

2) Подлежащее выражено субстантивной группой и репрезентирует субъекта; сказуемое выражено переходным глаголом с семантикой интенциональности: *want, wish, mean, intend, plan, try, attempt, etc.* Прямое дополнение выражено субстантивной единицей, инфинитивом, герундием, репрезентирующим действие, которое пытаются совершить:

*Lewis tried to help me. He was heroic. I didn't want help, though (Hannah); *If you tried to kill it, it would mend magically, or else split into two Ickabogs (Rowling); *He attempts to shift his weight forward, but, without realizing it, Ibrahim has his elbow nestling against Chris's hip and Chris is forced to settle back again (Osman); *He attempts a sip at the tea, but it is still scalding hot and any blowing would send a wave over the brim (Osman); *He hopes to placate him. But in Ron's view he was "unsuccessful" (Osman); *He wanted to solve the noise problem, but not as much as he******

wanted to make everyone else in the restaurant laugh. None of us did (Hannah); I aimed the gun at his right arm — or I thought I did. *I never meant to hit his head* (Hannah).

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

Предметом сообщения выступает отношение к действию, объект сообщения (в именной части сказуемого) — само действие. Субъект действия дефокусирован или выражен в виде определения к подлежащему (притяжательные формы).

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует какую-либо ментальную фазу действия (*hope, wish, intention, plan*) — иногда, чтобы подчеркнуть, что первоначальная задумка / намерение / план не осуществились, используются прилагательные типа *initial, original*. Именная часть сказуемого, выраженная субстантивной единицей, инфинитивом или герундием с придаточными словами, эксплицирует содержание данной фазы, конкретизируя намерение, план и т.д.:

Her intention was to kiss him on the cheek, but <...> he turned his head and their lips met (McEwan); *Having stepped aside, his initial plan was to take a year off but Wexford chairman Diarmuid Devereux had other ideas* (NOW Corpus); *The original plan was to build a cinema in Newmarket-on-Fergus but somebody else got in ahead of him* (NOW Corpus); *My real wish was to go back to school and make something better of myself. But I guess that dream only works out for people with real homes and families* (NOW Corpus).

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель SPA_{Dir.Loc}

В рамках модели направленного действия (SPO_{Dir}) уже были рассмотрены метонимические репрезентации ситуации неконтролируемого действия через одну из его фаз посредством глаголов со значением попытки *try, attempt, endeavor, etc.* в сочетании с контекстом, эксплицирующим неудачу, отрицательный результат. Похожие реализации существуют и в рамках модели самостоятельного перемещения с той разницей, что значение попытки выражается не отдельным глаголом, а инкорпорировано в семантику глагола действия или грамматической конструкции.

В данном случае, подлежащее репрезентирует субъекта ситуации, являющегося предметом сообщения; сказуемое, выраженное непереходным глаголом, — попытку действия; директивный локативный комплемент, выраженный конструкциями «предлог направления *to, against, for, into* + субстантивная единица, репрезентирующая объект направленного действия».

1) Сказуемое выражено при помощи конативных глаголов (с ингерентным значением попытки), в т.ч. глаголов направленного восприятия [Кузьмина 2015: 231-232]: *listen to, look / peer at*; поиска *search / look for*:

He searches in the kitchen cupboard for a fresh roll without success (Lodge); I listened to her, although not really hearing anything she had to say (Atkinson).

2) На еще один способ выражения попытки действия, но не обязательно результативного действия обращается внимание в [Филлмор 1983; Perek, Lemmens 2010]: предложные группы *at / against it* после переходных глаголов конкретно-предметного типа *push, pull, shoot* выражают только эффекторную стадию действия, которая не обязательно приводит к желаемому результату (ср.: *I pulled at it* = я тащил ее / пытался тащить ее; *I pulled it* = Я потащил ее).

But he lost his footing, grabbed at the wrong branch for support and fell backwards (NOW Corpus); He pulled at the door, but it was locked (NOW Corpus); She pushed at the door but it wouldn't budge (OALD).

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

1) Если сторонний наблюдатель квалифицирует действия субъекта, пытающегося симитировать определенное эмоциональное состояние, как притворство, как действие, требующее усилий — такую ситуацию также можно считать примером действия с отрицательным результатом. Подлежащее выражено субстантивной единицей и репрезентирует субъекта высказывания; сказуемое выражено переходным глаголом со значением симуляции (*fake, pretend, feign*)¹,

¹ За предикатами притворства, симуляции стоит, как правило, значение воздействия на предмет, причем от созидания, до изменения формы: *fake*: late 18th cent. (originally slang): origin uncertain; perhaps ultimately related to German *fegen* 'sweep, thrash' (OALD), *feign*: Middle English: from Old French *feign-*, stem of *feindre*, from Latin *figere* 'mould, contrive' (OALD), *pretend* (ядерный для выражения этого типа ситуаций): late Middle English: from Latin *praetendere* 'stretch forth, claim', from *prae* 'before' + *tendere* 'stretch'.

прикладывания усилий (*force*)¹, интенциональным глаголом факторного типа (*intend, attempt, try*).² Прямое дополнение выражает субстантивированное эмоциональное состояние (*being sick, sleep, interest, happiness, grief*), физическую или эмоциональную реакцию (*smile, tears*); может быть репрезентировано субстантивной единицей, инфинитивом, герундием, придаточным дополнения:

It was feigning sleep, she realized (Atkinson); *Stop pretending you are not pleased to see us again, because I know that you are* (Osman); *Chris would feign a lack of interest, but she would know she had him* (Osman); *Robin forced a smile* (Galbraith).

Похожие случаи рассматривались в рамках разбора репрезентаций эмоциональных реакций: если наблюдатель квалифицирует такую реакцию как неестественную, фальшивую, значит субъект не испытывает состояние, а безуспешно симулирует его:

— в рамках модели SP: *M7's face is nice but his smile looks fake*; *Her smile looks forced and unnatural*; *The laughter seemed disingenuous which is rare for Visitor and Alaimo* (NOW Corpus).

— в рамках модели SP_{Comp.Nom.}: *She said his smile was fake, his eyes cold* (NOW Corpus); *people will probably know that your laugh is fake* (NOW Corpus).

2) Репрезентация через отсутствие во владении субъекта качеств, необходимых для успешного осуществления действия. При этом репрезентация статической характеристики структурируется как ситуация воздействия на предмет, где в качестве предмета выступает то или иное качество.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует субъекта; сказуемое выражено переходным предикатом со значением утраты, отсутствия предмета в распоряжении (*lack, lose*); прямое дополнение выражено субстантивной репрезентацией качества (*concentration, confidence, competence, skill, ability, etc.*):

¹ Семантически сюда также относится непереходный глагол *struggle* (*to try very hard to do something when it is difficult or when there are a lot of problems* (OALD)). Репрезентации с ним в качестве предиката структурируются по пропозициональной модели самостоятельного перемещения: *He struggled to keep the irritation out of his voice* (McEwan).

² См. также о репрезентации неконтролируемых реакций при помощи интенциональной лексики факторного типа в разделе 3.2.1.4.2. (п.3).

She thought *she lacked the concentration*, and the Mahler was difficult (McEwan); *Ron* then starts to make a point about David Cameron and the EU referendum, but *loses his thread* (Osman); Ibrahim knew *he had lost his confidence on right-hand turns* (Osman).

3.2.5. Не полностью контролируемые действия с положительным результатом

Положительный результат намеренного действия может рассматриваться не как однозначно определяемый этим намеренным действием. Действия, входящие в эту группу в целом являются намеренными и контролируемыми, однако на эффекторной стадии происходит частичная утрата контроля, выраженная в количестве прикладываемых усилий, нерегулярном способе действия, элементе удачи и др. В целом можно разделить описываемые действия на три группы: 1) действие с нерегулярным способом исполнения; 2) ситуация с ослабленным контролем; 3) действие, успех которого определяется усилиями не только субъекта.

3.2.5.1. Действия с нерегулярным способом исполнения

Такие действия репрезентируются, как правило, специальными лексемами: движения / перемещения: *clatter, trudge, squelch, stomp, shuffle, totter, limp*; поглощения пищи: *champ, munch, crunch, crush*; говорения: *wheeze, croak* (как и любым другим глаголом звуковой эмоциональной реакции, переосмысленным как глагол говорения: *whimper, moan, groan, etc.*).

Способы прямой номинации

Выделенные типы действий с неконтролируемым способом исполнения изоморфны синтаксическим моделям для репрезентации перемещения (контролируемое перемещение и ненаправленное действие) и направленного действия:

Концепт ACTIVITY OF AN OBJECT / Модель SP: Fräulein Rosenfeld, who nodded and trudged on her way (Atkinson); *At the checkout she fumbled with her money, spilling coins onto the floor* (McEwan).

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}:
 “Your Majesty!” he wheezed (Rowling); She crunched her apple noisily (OALD); He croaked a greeting (OALD).

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель SPA_{Dir.Loc}: Fräulein Rosenfeld shuffled towards them (Atkinson); The old man who now tottered up the long red carpet toward the throne (Rowling); they squelched along (Rowling); he <...> [was] limping after Robin toward the sunlight (Galbraith); while *she* ranted like a loony and *stomped round the classroom* (Hannah).

Метафора

— Метафорическое представление неконтролируемой части исполнения как местонахождения / присутствия предмета при помощи модели SP_{LinkA}_{Loc}: There’s a clattering of footsteps on the stairs (Hannah);

— представление объекта действия как направления посредством модели SPO_{DirA}_{Dir.Loc} (см. также п. 3.2.1. про метафорическое структурирование ненаправленного действия по пропозициональной модели самостоятельного перемещения): He was crunching on a piece of toast (OALD); The traveller champed meditatively at his steak (Lexico.com).

— выражение неконтролируемого действия по модели SP_{Comp.Nom} в рамках именной части сказуемого (отглагольным прилагательным), а субъекта или объекта действия в рамках позиции подлежащего: ‘Did you bring the Cheetos?’ ‘No. [They are] Too crunchy. I brought gummy bears.’ (The TV Corpus). Возможно также выражение по модели SP: He heard a floorboard creak upstairs (OALD) — направленный процесс (каузация) репрезентирован как ненаправленное действие с одним участником-объектом, при этом субъект действия только имплицитруется.

Метонимия

Возможно также метонимическое представление не полностью контролируемых ситуаций говорения через характеристику голоса субъекта (модели SP_{Comp.Nom} и SP): *My voice is hoarse and croaky, my hands hurt and I'm still shaking!* (Lexico.com) / *His voice was shaking* (Atkinson).

Интеграция

Репрезентация посредством механизма концептуальной интеграции (по моделям **SPA_{Dir.Loc}** и **SPO_{DirA}Dir.Loc**). Глаголы со значением производства звука (*click, clatter, creak, bang, knock, drum, clank, etc.*) используются для выражения перемещения (о подобных конструкциях см., напр., [Goldberg 1995: 152-219], см. также п. 3.2.1. про механизм интеграции):

The eldest, Luke, clattered and shouted his way down the narrow stairs every morning (Galbraith); Alan creaked his way down them [the stairs] (Knox); *he's rattling down a road* on his motorcycle (NOW Corpus); I can hear *him clanking down the hallway* (NOW Corpus).

3.2.5.2. Ситуации с ослабленным контролем

Контроль над ситуацией можно считать ослабленным, если для выполнения действия требуется большое количество усилий или если указывается на сложность выполняемой задачи. Такое значение передается посредством специальной лексики, указывающей на сложность достижения результата: *manage, achieve*; сложность эффекторной фазы: *struggle, scumble, force, strain, drag, heave, push; effort, challenge, etc.*

Такие ситуации могут репрезентироваться и обычной лексикой либо при помощи более широкого контекста, не ограниченного аргументным составом одной модели: *She walked to the flat as quickly as she dared in high heels* (McEwan); *I can almost get through this piece by Bach without a mistake* (McEwan); *Tony gets the four-digit code right on the third attempt. A new record* (Osman). Однако, в настоящем исследовании случаи репрезентации, выходящие за рамки базовых структурных моделей, рассматриваться не будут.

Следующие репрезентации действий в рамках базовых моделей передают семантику дополнительных усилий, сложности на эффекторном этапе:

Способы прямой номинации

В основном глаголы, обозначающие действия с ослабленным контролем, передают самостоятельное (*squeeze, struggle*) или каузированное перемещение

(*heave, drag, tug*). Синтаксические репрезентации, в которых они задействованы, структурируются при помощи соответствующих пропозициональных моделей:

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель SPA_{Dir.Loc}

Подлежащее выражено субстантивной единицей и репрезентирует субъекта ситуации; сказуемое выражено непереходным глаголом (непереходным ЛСВ переходного) с семантикой перемещения с дополнительными усилиями (*squeeze, struggle*); директивный локативный компонент выражен наречием / сочетанием «предлог + существительное», обозначающими направление движения, пространственный ориентир: *They struggled onward (Rowling); They squeezed into a corner table (Atkinson)*.

Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT / Модель SPO_{DirA}Dir.Loc

Осложненное каузированное перемещение предмета передается при помощи сказуемого, выраженного переходным глаголом с семантикой дополнительных усилий: *heave, drag, tug, pull, push, haul, etc.* Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует субъекта ситуации; прямое дополнение обозначает материальный объект воздействия (*box, trunk, person, body*); директивный локативный компонент выражен наречием направления движения, сочетанием «предлог + субстантивная единица»: *together they heaved the last trunk of gold upstairs (Rowling); the servants heaved him into his skin-tight satin pantaloons (Rowling); I dragged the body up the path (Osman)*.

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

Ситуация с ослабленным контролем может быть показана в виде отношения обладания некой ситуации непроцессуальным признаком. В данном случае сложность действия в целом или конкретного действия в конкретных обстоятельствах означает, что контроль над действием ослаблен.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует ситуацию (в общем или метонимически, через вовлеченных в нее людей, предметы: например, объект действия вместо всей ситуации); именная часть сказуемого выражена именной единицей или группой со значением сложности, труднодостижимости (*difficult, hard, no easy matter, challenge, ordeal, great /*

monumental effort, difficult task): Chasing girls is all Steve cares about. He'd think *a doctor was a challenge*, knowing him (Galbraith); a level of care and finesse that is hard to achieve (NOW Corpus); Russ said *it was a great effort* from the side just to make it to an Inter-District grand final (NOW Corpus); Editing him was an ordeal (NOW Corpus); *Hiding the body*, now *that's usually the hard part* (Osman).

Зачастую такие репрезентации можно интерпретировать и как метонимическую (метафтонимическую) репрезентацию действия с отрицательным результатом: The crowd booed the soldiers so loudly that *it was hard to hear what the judge (Lord Spittleworth) was saying* (Rowling); She thought she lacked the concentration, and *the Mahler was difficult [to play]* (McEwan).

Метафора

Концепт ACTIVITY OF AN OBJECT / Модель SP

Ментальное ощущение по поводу ситуации можно передать в виде ненаправленного действия.

Оценочные конструкции *look / seem / feel like* с инкорпорированным субъектом квалификации + именная единица со значением усилий (см. выше прямые номинации по модели $SP_{Comp.Nom}$): *it feels like a monumental effort* to push out each word (Hannah); even making the semi-finals seems a difficult task at best (NOW Corpus).

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

1) Модальные отношения структурируются как ситуации направленного действия. В данном случае на первый план выходят субъект, какое-либо действие, а также сложность достижения результата. При этом структура действия эксплицируется только в рамках позиции прямого дополнения.

Подлежащее выражено субстантивной единицей и репрезентирует субъекта ситуации; сказуемое выражено переходным глаголом со значением «достигать чего-либо за счет прикладывания значительных усилий» (*manage, achieve*); прямое дополнение выражено субстантивной единицей (в т.ч. именной группой), инфинитивным оборотом со значением действия.

— Глагол *manage* может указывать **как на собственно дополнительные усилия (как действия, старание):** I manage to get inside (Hannah); he'd once managed to catch and kill a wasp all by himself (Rowling); **так и на действие, на выполнение которого потребовалось больше времени, чем планировалось:** Eventually she managed to bring down a taxi (Atkinson); After a week sleeping in hostels or on park benches, Creed managed to find himself a single room in a boarding house (Galbraith).

— Глагол *achieve* может означать достижение конкретной ситуации: As a result, *achieving any change* in society is always an uphill and often thankless task (Lexico.com); но чаще речь идет о достижении чего-то более абстрактного, цели, результата (*result, effect, ambition, goal, objective*): I achieved a longstanding ambition to fly solo (OALD); They could not achieve their target of less than 3% inflation (OALD).

2) Неодушевленный предмет или состояние наделяются агентивными свойствами и репрезентируются как агенс, препятствующий достижению положительного результата, усложняющий этот процесс. В данном случае внимание фокусируется на каузанте, препятствующем выполнению действия. Субъект действия уходит на второй план, однако присутствует в предложении в виде притяжательных местоимений и под.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует обстоятельства, усложняющие выполнение задачи; сказуемое выражено переходным глаголом со значением «мешать», «препятствовать» (*impede, hinder, hamper, obstruct, restrict*); прямое дополнение, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует субъекта ситуации или его часть тела, характер действия (*movement, speech, smile*): his movements were impeded by the beer can in his other hand (McEwan); something <...> seemed to restrict his movement (NOW Corpus); the concussions also hinder his speech (NOW Corpus).

Схожие по принципу репрезентации (только реализующие базовые ориентационные метафоры с *up, down, etc.*) обнаруживаются также и в рамках

модели каузированного перемещения: *At a point I was not breathing well. It also slowed down my movement* (NOW Corpus).

Концепт TRANSFER OF AN OBJECT / Модель SPO_{Ind.ODir}

В рамках модели передачи предмета есть смысл рассмотреть высказывания с двупереходными глаголами *take, cost*, использованными в значении «что-то отняло у субъекта время или усилия». Подлежащее в данном случае будет выражать осуществляемое действие; косвенное дополнение, выраженное субстантивной единицей, — субъекта действия, а прямое дополнение, выраженное субстантивной единицей, прилагательным, наречием, — усилия или время, затраченные для достижения положительного результата: *It takes me longer than it should to find my bag* (Hannah); *She manages to produce a polite smile eventually, but it takes her some time* (Hannah).

Этот концепт структурируется также и по модели направленного действия. Различие заключается в дефокусировании субъекта ситуации:

Extracting it from her pocket took a little longer than usual (Galbraith); *It takes a lot to get Chris to drum his fingers on a table* (Osman); *it is taking all his efforts to keep it [the cup] balanced* (Osman).

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель SPA_{Dir.Loc}

Поза как пространственный ориентир контролируемого перемещения.

Подлежащее, выраженное субстантивной единицей, репрезентирует субъекта ситуации; сказуемое выражено непереходным глаголом (непереходным ЛСВ) со значением осуществления действия с применением дополнительных усилий (*struggle, scramble*); директивный локативный комплемент выражен существительным, обозначающим позу, которую субъект пытается принять: напрямую (*to certain position*) или метонимически (*to one's feet*): *Lewis tries to scramble to his feet* (Hannah); *Juliet struggled sleepily to her feet* (Atkinson); *[He was] struggling back into a sitting position to clear his lungs* (Galbraith).

Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT / Модель SPO_{DirA.Dir.Loc}

По аналогии с прямыми репрезентациями осложненного каузированного перемещения предмета (см. выше в п. 3.2.5.2.), возможно переосмысление более

абстрактных ситуаций, например, речи или ситуаций восприятия. Прямое дополнение, таким образом, будет обозначать не материальный, а абстрактный объект воздействия (*word, speech*): [for him] it feels like a monumental effort to *push out each word* (Hannah).

В качестве прямого дополнения могут также выступать органы чувств субъекта (*eyes, ears*); локативный комплемент в этом случае будет выражать объект восприятия: they strained their eyes for any sign of torches and fires in the soldiers' encampment (Rowling).

Интеграция

Модель Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT / SPO_{DirA}Dir.Loc

Структурирование блендов по принципу *way-construction* [Goldberg 1995: 199-219]. Подлежащее выражено субстантивной единицей и репрезентирует субъекта ситуации; сказуемое выражено переходным глаголом (ЛСВ) со значением утилитарного действия, являющегося проявлением осторожности, неуверенности (*grope, feel (in the darkness)*), осложненности (*thread, push, force, fight*). Прямое дополнение выражено сочетанием *one's way*. Локативный комплемент выражен наречием, существительным, сочетанием «предлог + существительное» со значением направления движения:

She threaded her way through the throng (Atkinson); she and Clarissa groped their way home in the blackout (Atkinson); Spittleworth [was] feeling his way downstairs (Rowling); Daisy [was] forcing her way through the crowds (Rowling); Polworth pushed his way back to the table (Galbraith).

3.2.5.3. Действие, успех которого определяется усилиями не только субъекта

К таким действиям можно причислить победы / достижения в разных проверках, тестах, состязаниях и сражениях, когда положительный результат зависит не только от субъекта ситуации, его способностей, подготовки, усилий, но и от усилий сокомандников, противника, судей, проверяющего, избирателей и т.д.

Репрезентация таких ситуаций возможна при помощи переходных предикатов со значением «победить», «завоевать»: *win, defeat, beat, conquer*; дериватов типа *winner, champion*; лексических единиц со значением «успешно сдать», «получить официальное подтверждение о соответствии стандартам»: *pass, get accredited / certified / approved, qualify*.¹

Рассмотрим теперь основные виды репрезентаций наиболее базовых концептов победы, успешной квалификации:

Способы прямой номинации

Учитывая абстрактный характер ситуаций «победа» и «аккредитация», не удивительно, что, как правило, и их языковые репрезентации довольно абстрактны: предикаты *accredit, approve* структурируют статическую ситуацию, отношение, как динамическую: направленное действие или перемещение; предикаты *beat, defeat* основываются на предметно-конкретном образе воздействия на объект; *pass* имеет значение перемещения и т.д.

Случаев прямой номинации не так уж много. Приведем в качестве примера реализации концепта приобретения при помощи пропозициональных моделей направленного действия и передачи предмета:

Подлежащее будет выражать субъекта ситуации; сказуемое выражено глаголами *win, conquer* со значением «выиграть, завоевать, захватить», а прямое дополнение обозначает выигранный приз, захваченную территорию и т.д.: *They turned the Adelphi into a Travelodge last year <...> they recently revamped it and it has won a number of awards (Osman); Britain won five gold medals (OALD); the Spanish conquistador who conquered the Incan Empire, including modern Peru (NOW Corpus).*

Метафора

Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT / Модель SP_{Comp.Nom}

Победа выражена как признак субъекта. В данном случае в фокусе внимания находится субъект и абстрактное указание на одержанную победу.

¹ Безусловно, подобные действия также могут быть репрезентированы лексикой с более узким, частным значением (в том числе посредством базовых механизмов вторичной концептуализации), как то: выборный дискурс, отдельные особенности спортивных и интеллектуальных игр и их правил, криминальный дискурс (погони, обнаружение улик и т.д.). Однако в рамках данного исследования будут рассмотрены только наиболее общие ситуации и закономерности их репрезентации.

Подлежащее выражает субъекта ситуации; именная часть сказуемого представлена существительным *winner, champion*: Labour was the clear winner in Scotland (OALD); if Brady had been a winner in all six of his Super Bowls (NOW Corpus).

Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT / Модель SPO_{Dir}

1) В позицию подлежащего помещен субъект ситуации; сказуемое выражено предикатом, означающим победу в конкурсе или состязании; прямое дополнение репрезентирует:

a) выигранный турнир: You have to try and win every race (OALD); United won four games in a row (Lexico.com);

b) обыгранного соперника: she beat him easily at chess (Lexico.com); e Theseus defeated her in battle (Lexico.com).

2) Сказуемое может выражаться предикатом *pass* с инкорпорированной семантикой перемещения мимо ориентира (*go past something*); прямое дополнение в этом случае репрезентирует тот или иной вид проверки: She had passed the test (Atkinson);

Концепт TRANSFER OF AN OBJECT / Модель SPO_{Ind.O}Dir

По аналогии с репрезентациями по модели SPO_{Dir} (см. выше) рассмотрим также случаи репрезентации, в которых агентивными свойствами и наибольшей салиентностью наделяется не субъект, а конкретное качество или поступок субъекта, обеспечившие ему победу; субъект ситуации при этом репрезентируется в позиции косвенного дополнения:

His jumping won him the race (NOW Corpus); defense <...> won the Packers that game (NOW Corpus); This kind of athletic dive <...> won the Schmidt/Cerutti dream team the World Championships on July 5 (NOW Corpus).

Концепт MOTION OF AN OBJECT / Модель SPA_{Dir.Loc}

Репрезентация ситуации неполного контроля при помощи конструкции *get + participle II* (похожие случаи со значением неконтролируемой каузации рассматривались в п. 3.2.3.2.2.). Обычно такие репрезентации описывают ситуации, когда человек, группа людей, принадлежащий им предмет (в позиции

подлежащего) проходят официальную проверку, аккредитацию, сертификацию и т.д. Получение положительного результата, одобрения зависит от качеств и усилий субъекта, однако финальное решение принимается кем-то другим: *they got certified in security management (NOW Corpus); the film got certified (NOW Corpus); within a year we got accredited at the FSB (NOW Corpus); I got accredited as The Globe and Mail's new China correspondent (NOW Corpus).*

Синонимичной является репрезентация по модели **SPO_{Dir}**, в которой сказуемое выражено глаголом *get* в значении получения (или синонимом), а прямое дополнение репрезентирует субстантивированный вариант какой-либо сторонней квалификации / оценки: *accreditation, credit, certification, certificate, license, an excellent mark, etc.:*

Warner could not get accreditation for all his coaches (NOW Corpus); so Conor McGregor got a boxing license in CA (NOW Corpus); *urban dwellers wanting to get a construction license and occupancy certificate for single dwelling units (NOW Corpus).*

Метафтонимия

К метафтонимии отнесем случаи репрезентации с непереходным глаголом *qualify* (в значениях OALD: (1) to reach the standard of ability or knowledge needed to do a particular job, for example *by completing a course of study or passing exams*; (3) to be of a high enough standard to enter a competition; to defeat another person or team in order to enter or continue in a competition). Метонимически это выражение всего действия или цепочки действий, усилий (обучение, тренировки, победы в играх) через статичный результат (получение той или иной оценки, квалификации). Метафорически это структурирование отношения, статичной ситуации как ненаправленного действия или перемещения: соответственно, по моделям **SP** и **SPA_{Dir.Loc}**. Локативный комплемент (при наличии) репрезентирует этап соревнования, обучения и т.д., куда субъект попал благодаря предыдущим достижениям: *What d'you reckon to Arsenal's chances, then? Gonna qualify? (Galbraith); He qualified as a doctor last year (OALD); South Korea qualified for the finals when they beat Italy 6–1 (OALD).*

Выводы

1. Репрезентация неконтролируемого действия посредством простого предложения подразумевает репрезентацию диктума-действия и модуса-неконтролируемости в рамках позиций одной из семи базовых моделей простого предложения. В репрезентации задействуются различные лексические и синтаксические средства, а также базовые механизмы концептуализации: метафора, метонимия, интеграция, метафтонимия.

2. Действие и неконтролируемость могут иметь прямой способ выражения либо передаваться **метафорически**: а) в рамках одной синтаксической позиции посредством одной лексемы; б) в рамках одной синтаксической позиции посредством двух лексем; в) расщепленно в рамках нескольких синтаксических позиций. Неконтролируемое действие также может выражаться **метонимически**: в таких случаях само действие и / или его неконтролируемость только имплицитно.

3. К прямым репрезентациям неконтролируемого действия относится: выражение действия посредством прототипического для той или иной ситуации предиката и набора актантов, составляющих структурную модель, изоморфную структуре ситуации действительности; высказывания, в которых отсутствует локативный компонент, свойственный типовой ситуации, при этом остальные элементы ситуации выражены прототипическим образом; высказывания, в которых субъект неконтролируемой реакции выражен через часть его тела, в рамках которой происходит реакция; высказывания, структура которых не изоморфна структуре ситуации действительности, но которые, однако, не являются результатом концептуального переосмысления: выражение тождества, акцентирование внимания на временной фазе неконтролируемого действия.

4. Модели метафорической концептуализации ситуации неконтролируемого действия разнообразны, и их реализации соответствуют общим тенденциям метафоризации на уровне структуры высказывания: UNCONTROLLED ACTION AS AN ATTRIBUTE OF THE SUBJECT, HUMAN BODY AS A CONTAINER FOR

AN UNCONTROLLED ACTION, UNCONTROLLED ACTIVITY AS OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT (PART OF THE BODY AS AN OBJECT), UNCONTROLLED ACTION AS AN OBJECT, UNCONTROLLED ACTION AS AN ACTIVE SUBJECT, UNCONTROLLED ACTION AS A SUBSTANCE, UNCONTROLLED ACTION AS THE OBJECT TRANSFERRED TO THE RECIPIENT, UNCONTROLLED ACTION AS THE DIRECTIONAL REFERENT, UNCONTROLLED ACTION AS AN OBJECT IN SPACE, UNCONTROLLED ACTION AS THE DIRECTION OF MOTION, UNCONTROLLED ACTION AS THE SUBJECT OF MOTION, UNCONTROLLED ACTION AS THE OBJECT OF CAUSED MOTION, UNCONTROLLED ACTION AS THE DIRECTIONAL REFERENT OF CAUSED MOTION, EMOTIONAL STATE AS THE OBJECT TRANSFERRED TO THE EXPERIENCER, CAUSE AS THE SUBJECT AFFECTING THE EXPERIENCER OF EMOTIONAL STATE, UNCONTROLLED ACTION AS CONTROLLED MOTION, CAUSE (OF ACCIDENT) AS THE DIRECTIONAL REFERENT, PART OF BODY AS THE DIRECTIONAL REFERENT, OBJECT AS THE DIRECTIONAL REFERENT, OBJECT OF CAUSED MOTION AS THE SUBJECT OF MOTION, [SPEECH AS OBJECT] AS THE SUBJECT OF MOTION, CAUSE AS THE SUBJECT OF CAUSED MOTION, EMOTIONAL STATE AS THE DIRECTIONAL REFERENT OF CAUSED MOTION.

5. Отличительной чертой метонимических репрезентаций неконтролируемого действия является отсутствие лексических маркеров неконтролируемого действия и / или неконтролируемости. Были выявлены следующие регулярные модели репрезентации:

— Ингерентно неконтролируемое действие через его результат: CRYING → EYES ARE RED, FALLING → LOCATION, FALLING → SUBJECT'S ACTION ON THE DESTINATION POINT.

— Неконтролируемое действие (провал) через его нерезультативную фазу: WANT / INTEND / PLAN / TRY → FAIL.

— Неконтролируемое действие через один из элементов сцены: TEARS AS A SUBSTANCE → CRYING; ATTRIBUTE OF THE SUBJECT'S VOICE → UNCONTROLLED MANNER OF SPEECH.

— Неконтролируемое действие (как правило, неконтролируемое перемещение) через признак объекта действительности, каузивовавшего его: ATTRIBUTE OF THE SUBJECT / OBJECT → ACCIDENT; ATTRIBUTE OF THE ROAD → ACCIDENT; LOCATION OF AN OBJECT → MISTAKE; LOCATION OF AN OBJECT → ACCIDENT.

— Неконтролируемое действие через каузирующее его внутреннее состояние: EMOTIONAL STATE → BODY LANGUAGE; EMOTIONAL STATE → UNCONTROLLED ACTION; PHYSICAL STATE → BODY LANGUAGE / SYMPTOM.

6. Наличие регулярной метонимической связи между а) синтаксическим концептом определенного неконтролируемого действия, выражаемого в языке посредством типового предиката и синтаксической модели, структура которой изоморфна структуре пропозициональной модели данного синтаксического концепта, и б) базовыми синтаксическими концептами, отражающими ситуации предметно-конкретного мира и закрепленными в языке в виде базовых синтаксических моделей, — подразумевает метонимию на уровне структуры высказывания.

В репрезентации метонимического (смежного) композитивного концепта (как конкретной, так и абстрактной ситуации) может быть задействована когнитивная метафора. Совместная работа механизмов когнитивной метафоры и метонимии на уровне пропозиции и структуры высказывания в данном исследовании получила название синтаксической метафтонимии.

7. Неконтролируемое действие, будучи динамической ситуацией, может репрезентироваться при помощи синтаксических моделей, прототипических для ингерентно статических ситуаций, в результате работы механизмов синтаксической метафоры и метонимии.

8. Синтаксическая структура высказывания является незаменимым механизмом фокусирования, передачи отношения говорящего к действию, стилистической игры: переосмысление концептов действия или контролируемости, их репрезентация в рамках непрототипических позиций субъекта, объекта, локативного компонента позволяет усиливать фокус как на неконтролируемом действии в целом, так и на действии и приписываемой ему неконтролируемости по-отдельности; неконтролируемое действие может быть показано как фоновое, параллельное другому действию; механизмы синтаксической репрезентации позволяют дефокусировать различных актантов ситуации, например, субъекта или объект; в случае метонимической реализации языковая репрезентация может сокращаться до одного элемента сцены или этапа действия, в то время как остальные участники ситуации и само действие только имплицитно.

9. В совокупности с лексикой структурная организация англоязычного высказывания может передавать степень контролируемости / неконтролируемости ситуации субъектом, в частности метафорические репрезентации ситуаций каузации «санкционного» действия посредством моделей, связанных с выражением местоположения, перемещения, каузированного перемещения предмета зачастую приписывают субъекту большую степень контроля и / или приписывают меньшую степень контроля агенту «санкционного» действия.

10. В английском языке не выявляются синтаксические модели, однозначно являющиеся маркером неконтролируемого действия, однако некоторые модели демонстрируют подобную тенденцию: метонимические репрезентации действий-провалов через одну ментальную или эффекторную фазу; метафорические репрезентации ситуаций неконтролируемого разрушения или неконтролируемого каузированного перемещения предмета посредством модели ненаправленного действия, в которой дефокусируется как таковой субъект, а задействованный предикат при этом не содержит семы неконтролируемости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертации были выявлены и исследованы различные синтаксические механизмы языковой репрезентации категории неконтролируемости в английском языке, включая механизмы концептуализации неконтролируемого действия на уровне структуры высказывания.

Ситуация неконтролируемого действия, как и любая другая ситуация, отражается в сознании в виде сложного концепта, который структурируется посредством типовой пропозиции, имеющей предикатно-аргументную организацию, и затем репрезентируется в языке посредством синтаксической модели простого предложения. На основе анализа валентностей глаголов, репрезентирующих базовые процессы и явления предметно-конкретного мира, в английском языке можно выделить семь таких моделей, при этом структура каждой из них будет изоморфна структуре пропозициональной модели одного из базовых синтаксических концептов: $SP_{Comp.Nom}$: модель с составным именным сказуемым / Концепт ATTRIBUTE OF AN OBJECT; SP : модель с глагольным сказуемым / Концепт ACTIVITY OF AN OBJECT; SPO_{Dir} : модель с глагольным сказуемым и прямым дополнением / Концепт OBJECT'S ACTION ON ANOTHER OBJECT; $SPO_{Ind.O_{Dir}}$: модель с глагольным сказуемым, прямым и косвенным дополнениями / Концепт TRANSFER OF AN OBJECT; $SP_{LinkA_{Loc}}$: модель с составным адвербиальным сказуемым / Концепт LOCATION OF AN OBJECT; $SPA_{Dir.Loc}$: модель с глагольным сказуемым и директивным локативным компонентом / Концепт MOTION OF AN OBJECT; $SPO_{Dir.A_{Dir.Loc}}$: модель с глагольным сказуемым, прямым дополнением и директивным локативным компонентом / Концепт CAUSED MOTION OF AN OBJECT.

Неконтролируемое действие является предикативным центром некой динамической ситуации, локализованной во времени и пространстве, а также обладающей одушевленным субъектом-экспериенцером или псевдоагентом. Конкретные типы ситуаций неконтролируемого действия могут предполагать

наличие объекта, адресата, пространственного референта. Диктумно-модусный характер ситуации неконтролируемого действия также обуславливает особенности ее структуры: обязательным актантом, наравне с субъектом, является наблюдатель, квалифицирующий ситуацию как неконтролируемую. При этом роль наблюдателя может играть как сам субъект ситуации, так и сторонний интерпретатор. Режим интерпретации играет ключевую роль при анализе репрезентаций действий и категоризации репрезентируемых концептов как контролируемого или неконтролируемого действия.

Ситуации неконтролируемого действия разнообразны по составу и особенностям воплощения признака неконтролируемости и подразделяются на принципиально неконтролируемые ситуации, такие, как неконтролируемые физические или эмоциональные реакции и машинальные действия; ситуации, где объект намерения не совпадает с результатом; ситуации с положительным результатом, который определяется усилиями не только субъекта.

Расширенный актантный состав того или иного типа ситуации неконтролируемого действия выявляется посредством анализа валентности предикатов, прототипических для выражения соответствующего типа неконтролируемого действия. Прототипические предикаты, под которыми имеются в виду предикаты, лексикализирующие как само действие, так и его неконтролируемый характер, обнаруживаются не для всех типов неконтролируемого действия. В случае отсутствия подобных единиц расширенный состав определить невозможно: при анализе таких разновидностей неконтролируемого действия рассматриваются, соответственно, особенности концептуализации элементов, обязательных для любой ситуации неконтролируемого действия: субъекта, наблюдателя, признака неконтролируемости, ситуации действия, подробная структура которой в анализе не учитывается.

Анализ особенностей синтаксического выражения проводился последовательно для каждого из выделенных типов неконтролируемого действия. При наличии прототипического предиката возможна прямая номинация

неконтролируемого действия. В этом случае структура языковой репрезентации будет изоморфна структуре модели типовой пропозиции соответствующего синтаксического концепта. Видом прямой номинации считаются также репрезентации, структура которых не изоморфна структуре типовой пропозиции, но которые, однако, не являются случаями переосмысления одного концепта в терминах другого: выражение тождества, указание на временную фазу действия.

Если прототипическая модель репрезентации ситуации недостаточна для выражения ситуации в том виде, в котором ее воспринимает наблюдатель как субъект концептуализации, или если осмысляется концепт, за которым в языке не закреплено никакой прототипической структурной модели, ситуация может быть *переосмыслена* или, соответственно, осмыслена посредством различных механизмов вторичной концептуализации: синтаксической метафоры, синтаксической интеграции, синтаксической метонимии. В результате исследования обнаружен также механизм синтаксической метафтонимии, представляющий собой одновременную работу синтаксической метафоры и синтаксической метонимии и подразумевающий, что один композитивный концепт представляется в терминах другого, смежного, концепта, который, в свою очередь, структурируется в сознании и затем отображается в языке метафорически, по структурной модели, прототипической для другого концепта.

В исследовании выявлены и проанализированы модели метафорической концептуализации разных видов неконтролируемого действия: их реализации соответствуют общим тенденциям метафоризации на уровне структуры высказывания. Выявляется ряд регулярных метонимических выражений: некоторые из них являются общими для всех типов динамических ситуаций, другие соотносятся с конкретными разновидностями неконтролируемого действия. Наличие регулярной метонимической связи между синтаксическим концептом неконтролируемого действия, выражаемого в языке посредством типового предиката и синтаксической модели, структура которой изоморфна структуре пропозициональной модели данного синтаксического концепта, и базовыми синтаксическими концептами, отражающими ситуации предметно-

конкретного мира и закреплёнными в языке в виде базовых синтаксических моделей простого предложения, подразумевает метонимию соответствующих синтаксических моделей.

Поскольку *неконтролируемое* действие не является прототипическим, в английском языке не обнаруживается синтаксической модели простого предложения, которую можно было бы считать автономной репрезентацией *неконтролируемого* действия. Однако выявлено, что в сочетании с лексикой синтаксическая структура предложения обеспечивает смену фокуса внимания, передает степень контролируемости или — в редких случаях — обладает семантикой неконтролируемости.

Исследование особенностей репрезентации неконтролируемого действия посредством простого предложения английского языка, безусловно, может быть продолжено. Намечены следующие перспективы исследования:

1. Дальнейшее исследование особенностей работы механизмов синтаксической концептуализации в английском языке: как тенденций, общих для английского языка, так и особенностей репрезентации конкретных типов ситуаций.
2. Рассмотрение особенностей синтаксической репрезентации конкретных ситуаций неконтролируемого действия в СМИ, в первую очередь ситуаций высокой социальной значимости; событий, вызывающих широкий интерес и отклик публики: внешне- и внутривополитических вопросов, выборов, масштабных спортивных и культурных мероприятий.
3. Разработка и усовершенствование техник работы с корпусами английского языка для поиска типовых структурных кластеров в рамках определенной тематики.
4. Проведение сравнительного анализа синтаксических средств выражения неконтролируемости на материале английского, русского и испанского языков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адмони, В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения / В.Г. Адмони. — Л.: Наука, 1973. — 366 с.
2. Алисова, Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения) / Т.Б. Алисова. — М., 1971. — 294 с.
3. Алисова, Т. Б. Введение в романскую филологию : учебник по направлению 031000 и специальности 031001-"Филология" / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева ; Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. — 3-е изд., испр. и доп.. — Москва : Высшая школа, 2007. — 453 с.
4. Андреева, Е.Г. Сопоставительный анализ семантических классов глаголов, вводящих прямую речь (английский и русский языки) / Е.Г. Андреева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2015 — 16(1) — С. 362-373.
5. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д.Апресян // Семиотика и информатика. — М., 1986. — 28 — С. 644–647.
6. Апресян, Ю.Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии. / Ю.Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — С. 33-163.
7. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. — М., 1974. — 368 с.
8. Апресян, Ю.Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании / Ю.Д. Апресян // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. — М.: Наука, 1969. — С. 302-306.
9. Аринштейн, В.М. Текстуальная семантика и имплицативные функции глаголов интенции / В.М. Аринштейн, Л.В. Пантелеева // Разноуровневые

- единицы языка в содержательно-коммуникативной организации текста. Межвузовский сборник научных трудов. — Челябинск, 1988. — С. 12-19.
10. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1976. — 383 с.
11. Арутюнова, Н.Д. Язык цели / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Модели действия / Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. — М: РАН, ин-т языкознания, Наука, 1992. — С. 14-23.
12. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 911 с.
13. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. / АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1976. — 383 с.
14. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. — 416 с.
15. Бархударов, Л.С. Структура простого предложения современного английского языка / Л.С. Бархударов. — М.: “Высшая школа”, 1966. — 199 с.
16. Белошапкова, В.А. Деривационная парадигма предложения / В.А. Белошапкова, Т.В. Шмелева // Вестник МГУ. — М., 1981. — №2. — С. 5-28.
17. Белошапкова, В.А. Современный русский язык. Под ред. Белошапковой В.А. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1989. — 800 с.
18. Бергельсон, М. Б. Прагматический принцип Приоритета и его отражение в грамматике языка / М.Б. Бергельсон, А.Е. Кибрик // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / отв.ред. Кибрик А. Е, Нариньяни А. С. — М.: Наука, 1987. — С. 52–63.
19. Беркович, Р. И. К вопросу о лексических конверсиях / Р.И. Беркович // Системное описание лексики германских языков: межвуз. сб. / отв. ред. К. А. Иванова. — Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. — С. 69–72.
20. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. — Л., 1977. — 204 с.

21. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии: учебное пособие / Н. Н. Болдырев — Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2016. — 163 с.
22. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2009. — Вып. IV. — С. 25–77.
23. Болдырев, Н. Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании / Н. Н. Болдырев // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 212-216.
24. Болдырев, Н.Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола / Н.Н. Болдырев // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность. — СПб: Наука, 2003. — С. 54-74.
25. Болдырев, Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2016. — № 4. — С. 10-20.
26. Болдырев, Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики — 2007. — № 4 — С. 17-27.
27. Болдырев, Н.Н. Репрезентация языковых и неязыковых знаний синтаксическими средствами / Н.Н. Болдырев, Л.А. Фурс // Филологические науки. — 2004. — № 3. — С. 67-74.
28. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18-36.
29. Болотина, М. А. Категория контролируемости в семантической структуре глагола / М.А. Болотина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2008. — №2 — С. 56-60.

30. Булыгина, Т.В. Перемещение в пространстве как метафора эмоций / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка : языки пространств. — М., 2000. — С. 277-288.
31. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с.
32. Волохина, Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. — Воронеж, 1999. — 196 с.
33. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.
34. Григорьян, Е. Л. «Скрытая» категория контроля и синтаксис / Е.Л. Григорьян // Известия ЮФУ. Филологические науки, вып. 2. — 2010 — С. 96-107.
35. Демьянков, В. З. «Событие» в семантике, прагматике и координаты интерпретации текста / В.З. Демьянков // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1983. — № 4. — С. 320-329.
36. Зализняк, Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния / Анна А. Зализняк. — Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1992. — С. 63-69.
37. Зализняк, Анна А. Введение в русскую аспектологию / Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 40-43.
38. Зализняк, Анна А. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте / Анна А. Зализняк, Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. — М.: Наука, 1989. — с.92-116.
39. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. — М.: Наука, 1973. — 351 с.
40. Иванова, И.Е. Репрезентация конверсивной лексики в современном русском языке и проблемы её лексикографирования // дис. ... канд. филол. наук. / И.Е. Иванова — Иркутск, 2016.

- 41.Иванова, И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. — М.: Высш. Школа, 1981. — 285 с.
- 42.Ирисханова, О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 320 с
- 43.Казарина, В.И. Синтаксический концепт "состояние" в современном русском языке: К вопросу о его формировании: автореф. дис. ... докт. филол. Наук. / В.И. Казарина. — Воронеж, 2003. — 44 с.
- 44.Казыдуб, Н.Н. Системно-функциональное исследование интенциональных глаголов (На материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Н.Н. Казыдуб — СПб., 1991. — 17 с.
- 45.Касевич, В.Б. Субъектность и объектность: проблемы семантики / В.Б. Касевич // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. — СПб.: Наука, 1992. — С. 5-29
- 46.Кибрик, А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. — 1994. — № 5. — С. 126-139.
47. Кибрик, А.Е. Соотношение формы и значения в грамматическом описании / А.Е. Кибрик // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР: Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 132. М., 1980. С 24-45.
48. Клепикова, Т.А. Лингвистические метарепрезентации в грамматике конструкций / Т.А. Клепикова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. — 2008. — №11(66). — С. 47-54.
- 49.Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.

50. Козлова, Б.А. Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола : дис. ... канд. филол. наук. / Б.А. Козлова — Тамбов, 2001. — 154 с.
51. Колесов, И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия : На материале английского и русского языков / И. Ю. Колесов. — Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2008. — 354 с.
52. Копров, В.Ю. О современных концепциях структурно-семантического устройства русского простого предложения / В.Ю. Копров // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов. — Вып. 1. — Елец: ЕГУ, 2002. — С. 18-27.
53. Кузьмина, С. Е. Механизмы концептуализации и синтаксической репрезентации ситуации действительности / С. Е. Кузьмина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — № 4. — С. 16-20.
54. Кузьмина, С. Е. Простое предложение современного английского языка как средство репрезентации синтаксического концепта: специальность 10.02.04 "Германские языки": дис. ... докт. филол. наук / С. Е. Кузьмина. — Нижний Новгород, 2015. — 499 с.
55. Кустова, Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля / Г. И. Кустова // Логический анализ языка: Модели действия. — М.: Наука, 1992. — С. 145-150.
56. Кустова, Г.И. Глаголы с семантикой успеха / неудачи и стратегии концептуализации агентивных ситуаций / Г. И. Кустова // Труды ИРЯ РАН. — 2019. — № 2 (20) — С. 116-128.
57. Куцевич, Ю. А. Интенциональные лексические значения как объект исследования / Ю. А. Куцевич // Известия Смоленского государственного университета. — 2020. — № 1(49). — С. 121-134
58. Куцевич, Ю. А. Семантическая классификация факторных интенциональных глаголов в современном английском языке :

специальность 10.02.04 "Германские языки" : автореф. дис. ... канд. филол. наук. // Ю. А. Куцевич. — Смоленск, 2013. — 23 с.

59. Куцевич, Ю.А. Лексико-грамматические средства выражения семантических признаков факторных интенциональных единиц / Ю. А. Куцевич // Известия смоленского государственного университета. — 2015. — № 4(32). — С. 118-126.
60. Левонтина, И.Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка / И.Б. Левонтина // Языковая картина мира и системная лексикография. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — С. 163-241.
61. Леонова, А.В. Неконтролируемая акциональная ситуация: способы выражения и семантические типы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Леонова. — Новосибирск, 2007. — 27 с.
62. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
63. Магировская, О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук / О.В. Магировская. — Тамбов, 2009а. — 40 с.
64. Магировская, О.В. Уровни концептуализации в языке / О.В. Магировская // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009б. — 460 с.
65. Муняева, Е. И. Анализ конструкций с глаголом see в свете теории концептуальной интеграции : специальность 10.02.04 "Германские языки" : дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Муняева. — Иркутск, 2007. — 141 с.
66. Мустайоки, А. Почему говорящий прибегает к «стихийной» конструкции? / А. Мустайоки // Проблемы функциональной грамматики. Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий / Отв. ред. В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.
67. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 510 с.

68. Нагорный, И.А. Предикативные функции модально-персуазивных частиц. / И.А. Нагорный. — Барнаул, 2000. — 310 с.
69. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 608 с.
70. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева — М.: Наука, 1985. — 272 с.
71. Падучева, Е.В. Диатеза, генитив отрицания, наблюдатель / Е.В. Падучева // Проблемы типологии и общей лингвистики. — СПб., 2006. — С. 103-109.
72. Падучева, Е.В. Семантические явления в высказываниях от 1 лица: говорящий и наблюдатель / Е.В. Падучева // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. — Охрид, 10-16 сентября 2008 года. — С. 372-395.
73. Падучева, Е.В. Структура события: семантические роли, аспектуальность, каузация / Е.В. Падучева // Научно-техническая информация, серия 2 — 2009. — № 6. — С. 38-45.
74. Папулинова, И.Е. Языковая манифестация жестов рук в диалогическом дискурсе: (На материале русского, немецкого и английского языков): автореф. ... дис. канд. филол. наук / И.Е. Папулинова. — Тамбов, 2003. — 185 с.
75. Пахарь, А.В. Семантика и коммуникативные функции кинесических средств общения: автореф. дис. ... канд. фил. наук / А.В. Пахарь. — М., 1999. — 21с.
76. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. — М., 1956. — 511 с.
77. Письмак, Т. Г. Семантика неконтролируемого действия (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. / Т. Г. Письмак. — Кемерово, 2009. — 238 с.
78. Плунгян, В.А. Анतिрезультатив: до и после результата / В.А. Плунгян [Электронный ресурс] // Исследования по теории грамматики. Вып. 1:

- Глагольные категории. — 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/plungyan-01.htm>.
79. Плу́нган, В.А. Заметки о контроле / В.А. Плу́нган, Е.В. Рахилина // Речь: восприятие и семантика. — М.: Наука, 1988. — С. 40-48.
80. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 314 с.
81. Почепцов, Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения / Г.Г. Почепцов. — Киев, 1971. — 193 с.
82. Проскурнич, О.Д. Концептуализация мимики и механизмы интерпретации мимических движений в языке (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. / О.Д. Проскурнич. — Тамбов, 2019 — 208 с.
83. Разумова, М. В. Синтаксическая структура простого предложения в современном английском языке. / М. В. Разумова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. — 2008. — № 13 — С. 50-51.
84. Рахманкулова, С. Е. Концептуальная метонимия на уровне структуры высказывания (на материале английского языка) / С. Е. Рахманкулова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. — 2018. — № 1. — С. 5-10.
85. Родионова, М.Ю. Семантические и грамматические аспекты функционирования слов, называющих эмоции, в современном английском языке (на материале англоязычных переводов романа Ф.М. Достоевского "Идиот") : специальность 10.02.04 "Германские языки" : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Ю. Родионова. — Нижний Новгород, 2015. — 22 с.
86. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). — М.: Наука, 1980.
87. Сахно, С.Л. Действие в контексте естественного языка / С.Л. Сахно // Логический анализ языка. Модели действия. — М., 1992. — С. 88–96.

88. Селиверстова, О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка / О.Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. — М.: Наука, 1982. — С. 86-157.
89. Сильницкий, Г.Г. «Секвенциальные» лексические значения / Г.Г. Сильницкий // Известия смоленского государственного университета. — Смоленск, 2012. — № 2(18). — С. 146-154.
90. Сильницкий, Г.Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов / Г.Г. Сильницкий // Проблемы структурной лингвистики, 1972. — М., 1973. — С. 373-391.
91. Сильницкий, Г.Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: дис. ... докт. филол. наук / Г.Г. Сильницкий. — Смоленск, 1974. — 442 с.
92. Стексова, Т.И. Семантическая категория невольности осуществления в русском языке: Дис. ... докт. филол. наук. — Барнаул, 2002. — 327 с.
93. Степанов, Ю. С. Концепт «действие» в контексте мировой культуры / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин // Логический анализ языка: модели действия. — М.: Наука, 1992. — С. 5-14.
94. Стросон, П. Ф. О референции / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). — М.: Радуга, 1982. — С. 160-173.
95. Структурный синтаксис английского языка / ред. Л.Л. Иофик. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. — 176 с.
96. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. — М.: Радуга, 1983. — С.74-122.
97. Фурс, Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: дис. ... докт. филол. наук / Л.А. Фурс. — Тамбов, 2004. — 370 с.
98. Хлыстова, В.Г. Функционально-структурная и семантическая характеристика кинематических речений, отражающих коммуникативный аспект кинесики: Дис. ... канд. филол. наук. / В.Г. Хлыстова. — Нижний Новгород, 2005. — 151с.

99. Хорнби, А.С. Конструкции и обороты английского языка / А.С. Хорнби / пер. с англ. А.С. Игнатъева. — М.: АО «Буклет», 1993. — 264 с.
100. Хэллидей, М.А.К. Место функциональной перспективы предложения (ФПП) в системе лингвистического описания / М.А.К. Хэллидей // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.8. — М.,1978 — С. 138-149.
101. Чейф, У. Память и вербализация прошлого опыта / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. — М.: Прогресс, 1983. — С. 35-74.
102. Шатуновский, И.Б. Пропозициональные установки: воля и желание / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. — М.: Наука, 1989. — С. 155-186.
103. Шрамко, Л.И. Антропоцентрические глаголы неконтролируемого действия в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. / Л.И. Шрамко. — Санкт-Петербург, 2002. —150 с.
104. Шустова, С. В. Потенциал каузативных глаголов в динамико-функциональном аспекте: специальность 10.02.19 "Теория языка": автореф. дис. ... докт. филол. наук / С.В. Шустова. — Пермь, 2011. — 41 с.
105. Barcelona, A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update / A. Barcelona // Metaphor and metonymy in comparison and contrast. — Berlin, New York, 2009. — P. 209–277.
106. Barcelona, A. Types of arguments for metonymic motivation of conceptual metaphor / A. Barcelona // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. — New York, 2000. — P. 31-58.
107. Chafe, W.L. The Meaning and Structure of Language / W.L. Chafe. — Chicago-London, 1970. — 360 p.
108. Chapell, H. Is the get-passive adversative? / H. Chapell // Paper in Linguistics. —1980 — 13 (3) — P. 411-452.
109. Chomsky, N. Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky. — Cambridge, Mass., 1965. — 251 p.

110. Cruse, D. Some thoughts on agentivity / D. Cruse // *Journal of Linguistics*. — 1973. — Vol. 9. — No. 1. — P. 11–23.
111. Cutrer, M. L. Semantic and Syntactic Factors in Control / M. L. Cutrer // *Advances in role and reference grammar* / ed. by R. Van Valin. — Amsterdam: John Benjamins, 1993. — P. 167-195.
112. Dowty, D.R. Word meaning and Montague grammar. The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ. *Synthese language library, vol. 7* / D.R. Dowty — D. Reidel Publishing Company, Dordrecht, Boston, and London, 1979. — 415 p.
113. Ekman, P. Felt, false, and miserable smiles / P. Ekman, W.V. Friesen // *Journal of Nonverbal Behavior*. — 1982 — 6(4) — P. 238–258.
114. Ekman, P. *Unmasking the Face: a Guide to Recognizing Emotions from Facial Expressions* / P. Ekman, W.V. Friesen. — Cambridge MA: Malor Books, 2003. — 208 p.
115. Fauconnier, G. *Conceptual Blending, Form and Meaning* / G. Fauconnier, M. Turner // *Vol. 19: Sémiotique cognitive* — 2003. — P. 57-86.
116. Fauconnier, G. *Conceptual Integration Networks* / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive Science*. — 1998 — Vol. 22 — No. 2 — P. 133-187.
117. Fauconnier, G. *Conceptual Integration and Formal Expression* / G. Fauconnier, M. Turner // *Journal of Metaphor and Symbolic Activity*. — 1995. — 10 (3). — P. 183-204.
118. Fauconnier, G. *Mental Spaces* / G. Fauconnier. — Cambridge: MIT Press, 1994. — 190 p.
119. Fillmore, Ch. *Subjects, speakers and roles* / Ch. Fillmore // *Semantics of Natural Languages*. — D. Reidel Publishing Company Dordrecht-Holland, 1972. — P. 1-24.
120. Fillmore, Ch. *Frame Semantics* / Ch. Fillmore // *Linguistics in the Morning Calm* / Linguistic Society of Korea (ed.). — Seoul: Hanshin, 1982. — P. 111-138.

121. Fillmore, Ch. The Case for Case // *Universals in Linguistic Theory* / ed. by E. Bach and R. Tarms. — N.Y.; London; Toronto, 1968. — P. 1-88.
122. Geeraerts, D. The interaction of metaphor and metonymy in composite expressions / D. Geeraerts // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by René Dirven and Ralf Pörings. — Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009 — P. 435-468.
123. Gibbs, R. W. Why Do Some People Dislike Conceptual Metaphor Theory? / R. W. Gibbs // *Cognitive Semiotics*. — 2009. — vol. 5 — No. 1-2 — P. 14-36.
124. Gibbs, R. Why Many Concepts are Metaphorical? / R. W. Gibbs // *Cognition*. — 1996. — No. 62. — P. 309-319.
125. Givon, T. *Syntax: an introduction, Volume 1.* / T. Givon. — J. Benjamins, 2nd ed., 2001 (1st: 1984). — 500 p.
126. Givon, T. *Syntax: an introduction, Volume 2.* / T. Givon. — J. Benjamins, 2nd ed. 2001 (1st: 1984). — 406 p.
127. Givón, T. The Rise of the English Get-Passive / T. Givon, Y. Lynne // *Voice: Form and Function, Typological Studies in Language, Vol. 27* / ed. by Barbara Fox and Paul J. Hopper. — Amsterdam: John Benjamins, 1994 — P. 119–49.
128. Goossens, L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic act / L. Goossens // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by René Dirven and Ralf Pörings. — Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009 — P. 349-378.
129. Greenbaum, S. *A Student's Grammar of the English Language* / S. Greenbaum, R. Quirk. — Longman, 1998. — 496 p.
130. Gruber, J.S. Look and see / J.S. Gruber // *Language* 43,4. — 1967 — P. 937-947.
131. Halliday, M.A.K. *Introduction to Functional Grammar: 4th ed.* / M.A.K. Halliday. — London: Routledge, 2013. — 808 p.
132. Huettenlocher, S. Figurative language processing: Fictive motion and the visual world. / S. Huettenlocher, T. Matlock // *Visually situated language comprehension* / ed.

- by P. Knoeferle, P. Pyykkönen-Klauck, M. W. Crocker. — John Benjamins Publishing Company, 2016 — P. 185–203.
133. Kuzmina, S. Conceptual metaphor in syntax: sentence structure level. In: *Moderna språk*. — 2013. — Vol. 107. — No 2. — P. 99-114.
134. Jackendoff, R. *Semantic Structures* / R. Jackendoff. — MIT Press, Cambridge MA, 1990. — 322 p.
135. Klaiman, M. H. *Grammatical voice* / M. H. Klaiman. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991. — P. 110-161.
136. Korte, B. *Body Language in Literature* / B. Korte. — Toronto: University of Toronto Press, 1997. — 329 p.
137. Kovecses, Z. *Metaphor and Emotion: Language, Culture and Body in Human Feeling* / Z. Kovecses. — CUP, 2004. — 224 p.
138. Lakoff, G. *Stative Adjectives and Verbs in English* / G. Lakoff // *Mathematical Linguistics and Automatic Translation*. — UC Berkeley, 1965. URL: <https://escholarship.org/uc/item/3qk519qr> (accessed 03 July 2020)
139. Lakoff, G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind* / G. Lakoff. — Chicago: The University of Chicago Press, 1987. — 614 p.
140. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 354 p.
141. Lakoff, G. *The Contemporary Theory of Metaphor* / G. Lakoff // *Metaphor and Thought* / ed. by A. Ortony. — 2nd edition. — Cambridge University Press, 1993. — P. 202-251.
142. Langacker, R.W. *Concept, image, and symbol: the cognitive basis of grammar* / Ronald W. Langacker. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. — 395 p.
143. Langacker, R. *Dynamicity, fictivity, and scanning: The imaginative basis of logic and linguistic meaning*. // *Korean Linguistics Today and Tomorrow: Proceedings of the 2002 International Conference on Korean Linguistics*, Seoul: Association for Korean Linguistics. — 2002 — P. 3-32.

144. Langacker, R.W. *Foundations of Cognitive Grammar / R.W. Langacker.*
— Vol. 2.: *Descriptive application.* — Stanford: Stanford University Press, 1991.
— 628 p.
145. Lyons, J. *Semantics. Vol. 1–2. L. etc./ J. Lyons.* — Cambridge Univ.
Press, 1977.
146. Matlock, T. *Fictive Motion as Cognitive Simulation / T. Matlock //*
Memory and Cognition. — 2004. — 32 (8). — P. 1389-1400.
147. Perek, F. *Getting at the meaning of the English at-construction: the case of*
a constructional split / F. Perek, M. Lemmens // CogniTextes, vol. 5. 2010. URL:
<http://cognitextes.revues.org/331> (accessed 5 August 2021).
148. Pokhoday, M. Yu. *Effects of auditory and visual cueing of attention on*
syntactic choice in sentence production / M. Yu. Pokhoday, A. V. Myachykov //
Психология. Журнал ВШЭ. — 2018. — No 2. — P. 209-221.
149. Poyatos, F. *Nonverbal Communication across Disciplines: Volume 2:*
Paralanguage, kinesics, silence, personal and environmental interaction / F.
Poyatos. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2002. — 458
p.
150. Radden, G. *How metonymic are metaphors?. / G. Radden // Metaphor and*
Metonymy in Comparison and Contrast / ed. by René Dirven and Ralf Pörings.
— Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009 — P. 407-434.
151. Riemer, N. *When is a metonymy no longer a metonymy? / N. Riemer //*
Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / ed. by René Dirven, Ralf
Pörings. — Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009 — P. 379-406.
152. Roberts, P. *Understanding English / P. Roberts.* — N.Y.: Harper, 1958. —
508 p.
153. Ruiz de Mendoza, F.J. *Patterns of conceptual interaction / F.J. Ruiz de*
Mendoza, O.I. Díez // Metaphor and metonymy in comparison and contrast. —
Berlin, New York, 2009. — P. 489–533.
154. Sweetser, E. *Blended Spaces and Performativity Text. / E. Sweetser //*
Cognitive Linguistics. — 2000. — No. 11. — P. 305-333.

155. Talmy, L. Attention phenomena / L. Talmy // *The Oxford handbook of cognitive linguistics* / ed. by D. Geeraerts & H. Cuyckens. — Oxford: Oxford University Press, 2007 — P. 264–293.
156. Talmy, L. Fictive motion in language and ‘ception’ / Talmy L. // *Paul Bloom, Language and Space* / ed. by Mary A. Peterson, Lynn Nadel, and Merrill F. Garrett. — Cambridge, MA: MIT Press, 1996 — P. 211–276.
157. Talmy, L. Figure and Ground in Complex sentences / L. Talmy // *Universals of Human Language* / ed. by J.H. Greenberg. — Stanford: Stanford University Press, 1978. — Vol. 4. — P. 625-649.
158. Talmy, L. *Toward a cognitive semantics: Concept structuring systems (Vol. 1)* / L. Talmy. — Cambridge, MA: The MIT Press, 2001. — 494 p.
159. Taylor, J. R. Category extension by metonymy and metaphor / J. R. Taylor // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by René Dirven and Ralf Pörings. — Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009 — P. 323-348.
160. Tomlin, R.S. Focal attention, voice, and word order: an experimental, cross-linguistic study / R.S. Tomlin // *Word order in discourse*. — Cambridge: Cambridge univ. press, 1995. — P. 517-554.
161. Van Valin Jr., R. Predicting syntactic structure from semantic representations / R. Van Valin Jr., D. Wilkins // *Advances in role and reference grammar* / ed. by R. Van Valin. — Amsterdam: John Benjamins, 1993. — P. 499–534.
162. Vendler, Z. *Linguistics in Philosophy* / Z. Vendler. — Ithaca; N.Y.: Cornell Univ. Press, 1967. — 216 p.
163. Warren, B. Referential metonymy. (*Scripta Minora Regiae Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis*) / B. Warren. — Kungliga Humanistiska vetenskapssamfundet i Lund, 2006. — 95 p.
164. Weber, M. *Economy and Society. Vol. 1.* / M. Weber. — Berkeley, 1978. — P. 24-25.

Словари

1. Борисов, А. Б. Большой юридический словарь / А. Б. Борисов. — Москва : Книжный мир, 2010. — 848 с.
2. (БСЭ) Большая советская энциклопедия: в 30 т. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/>.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — М. : Большая рос. энцикл., 2002. — 709 с.
4. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244>
5. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/>
6. (CD) Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus [Electronic resource]. — Cambridge University Press. — URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/>.
7. (LDCE) The Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]. — 5th edition 2009. — URL: <http://www.ldoceanline.com>.
8. (Lexico.com) LEXICO (Powered by Oxford): Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator. — URL: <https://www.lexico.com/>.
9. (MW) The Merriam-Webster Unabridged Dictionary [Electronic resource]. — Merriam-Webster Inc., 2013. — URL: <http://www.merriam-webster.com>.
- 10.(OALD) Oxford Advanced Learners' Dictionary (8th Edition) Ox: OUP, 2010 (CD).
- 11.Oxford English-Russian Dictionary (4th Edition), Ox: OUP, 2004 (CD).
12. (WordReference.com) WordReference Random House Learner's Dictionary of American English [Electronic resource]. — WordReference Random House Learner's Dictionary of American English, 2021. — URL: <https://www.wordreference.com/>.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ ПРИМЕРОВ

Литературные произведения

1. Atkinson, K. *Transcription* / K. Atkinson. — Little, Brown and Company. 2018. — 352 p.
2. Atkinson, K. *A God in Ruins* / K. Atkinson. — Back Bay Books, 2016. — 480 p.
3. Galbraith, R. *Troubled Blood* / R. Galbraith. — Mulholland Books, 2020. — 944 p.
4. Grisham, J. *The Firm* / J. Grisham. — NY: A Dell Book, 2009. — 560 p.
5. Grisham, J. *The Rainmaker* / J. Grisham. — NY: A Dell Book, 2003. — 598 p.
6. Hannah, S. *Haven't They Grown* / S. Hannah. — Hodder & Stoughton, 2020. — 336 p.
7. Hosseini, K. *The Kite Runner* / K. Hosseini. — Riverhead Books, 2013. — 400 p.
8. Lodge, D. *Small World* / D. Lodge. — Penguin Books, 1995. — 352 p.
9. Knox, T. *The Genesis Secret* / T. Knox. Harper, 2009. — 516 p.
10. McEwan, I. *The Children Act* / I. McEwan. — Nan A. Talese, 2014. — 240 p.
11. McEwan, I. *The Cockroach* / I. McEwan. — Anchor, 2019. — 112 p.
12. Miéville, C. *The City & the City* / C. Miéville. — Del Rey (Reprint edition), 2010. — 336 p.
13. Osman, R. *The Thursday Murder Club* / R. Osman. — Viking, 2020. — 400 p.
14. Rowling, J. K. *The Ickabog* / J. K. Rowling. — Scholastic Inc.; Illustrated edition (November 10, 2020). — 304 p.
15. Rowling, J. K. *Harry Potter and the Cursed Child, Parts One and Two* / J. K. Rowling, J. Thorne, J. Tiffany. — Arthur A. Levine Books, 2017. — 336 p.
16. Rowling, J.K. *Casual Vacancy* / J. K. Rowling. — Sphere, 2014. — 568 p.
17. Smith, Z. *White Teeth* / Z. Smith. — L.: Vintage, 2001. — 464 p.

Публицистические тексты

1. Antle III, W.J. In praise of Tom Coburn, the thinking man's Ted Cruz / W.J. Antle III. — URL: <https://theweek.com/articles/441278/praise-tom-coburn-thinking-mans-ted-cruz>

2. Borowitz, A. Democrats Beg Trump to Stop Impeaching Himself So They Have Something to Do [Electronic resource] / A. Borowitz. — URL: <https://www.newyorker.com/humor/borowitz-report/democrats-beg-trump-to-stop-impeaching-himself-so-they-have-something-to-do>.
3. Driscoll-Woodford, H. Research has revealed that almost half of road users continue to make their journey, despite the weather forecast [Electronic resource] / H. Driscoll-Woodford. — URL: http://news.bbc.co.uk/local/surrey/hi/front_page/newsid_8424000/8424308.stm
4. Glanton, D. Column: White privilege and the shooting of Ahmaud Arbery [Electronic resource] / D. Glanton. — URL: <https://www.chicagotribune.com/columns/dahleen-glanton/ct-ahmaud-arbery-shooting-white-privilege-20200507-dhzwvu6b7reslbtz5chpxhsp7i-story.html>
5. Golding, B. Senate GOP claims John Kerry falsely denied knowledge of Hunter Biden [Electronic resource] / B. Golding. — URL: <https://nypost.com/2020/09/23/john-kerry-falsely-denied-knowledge-of-biden-burisma-senate/>
6. Gray, K.J. John Kelly's done trying to stop Trump from getting himself impeached [Electronic resource] / K.J. Gray. — URL: <https://americanindependent.com/john-kellys-done-trying-stop-trump-getting-impeached/>
7. Jones, R. Jose Mourinho falls over red carpet after face-off in Russian ice hockey match [Electronic resource] / R. Jones. — URL: <https://www.mirror.co.uk/sport/football/news/jose-mourinho-falls-over-red-13951829>.
8. Jose Mourinho takes a tumble on the ice as he slips up during ice hockey puck drop in Russia [Electronic resource] / Telegraph Sport. — URL: <https://www.telegraph.co.uk/football/2019/02/04/jose-mourinho-takes-tumble-ice-slips-ice-hockey-puck-drop-russia/>.

9. Kwong, J. Donald Trump 'One Step Closer to Impeachment': Democrat [Electronic resource] / J. Kwong. — URL: <https://www.newsweek.com/donald-trump-impeachment-congress-steve-king-1294555>.
10. Miscaro, L. Trump impeached after Capitol riot in historic second charge [Electronic resource] / L. Miscaro. - URL: <https://apnews.com/article/trump-impeachment-vote-capitol-siege-0a6f2a348a6e43f27d5e1dc486027860>
11. Mourinh-ouch! Check out Jose's epic fall [Electronic resource] / BBC.CO.UK. — URL: <https://www.bbc.co.uk/newsround/47127373>.
12. Nieuwsma, M. My Take: Is Trump marching to impeachment? [Electronic resource] / M. Nieuwsma. — URL: <https://www.hollandsentinel.com/news/20170223/my-take-is-trump-marching-to-impeachment?template=ampart>
13. Puckey, I. JOSE MOURINHO must have hoped his slip-ups were behind him when Manchester United sacked him. [Electronic resource] / I. Puckey. — URL: <https://www.thesun.co.uk/sport/football/8351204/jose-mourinho-avangard-omsk-ice-hockey-man-utd/amp/>
14. Rubin, J. If Trump won by illegal means, can he be indicted or impeached? [Electronic resource] / J. Rubin. — URL: <https://www.washingtonpost.com/news/opinions/wp/2018/08/23/if-trump-won-by-illegal-means-can-he-be-indicted-or-impeached/>
15. Smith, Sh. The House impeached President Trump again [Electronic resource] / Sh. Smith. — URL: https://www.cnbc.com/pro/?__source=youtube|PRO|description|description1&&t_pcc=youtube|description|description1
16. Zelizer, J. Trump is impeaching himself [Electronic resource] / J. Zelizer. -URL: <https://edition.cnn.com/2019/08/11/opinions/trump-impeaching-himself-zelizer/index.html>.

Тексты песен

1. Placebo. Meds. Lyrics. — URL: <https://genius.com/Placebo-meds-lyrics>.

2. Placebo. Kings of Medicine. Lyrics. — URL: <https://genius.com/Placebo-kings-of-medicine-lyrics>.

Корпусы

1. (BNC) British National Corpus: a 100 million word collection of samples of written and spoken language from a wide range of sources, designed to represent a wide cross-section of current British English, both spoken and written. — URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
2. (COCA) Corpus of Contemporary American English: contains more than 1 billion words of text and is equally divided among spoken, fiction, popular magazines, newspapers, and academic texts. — URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>
3. (iWeb) The iWeb corpus: 14 billion words in 22 million web pages. It is related to many other corpora of English that we have created (and which were formerly known as the "BYU Corpora", and they offer unparalleled insight into variation in English). — URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/>
4. (Coronavirus Corpus) Coronavirus Corpus: 1,19 billion words. The Coronavirus Corpus is designed to be the definitive record of the social, cultural, and economic impact of the coronavirus (COVID-19) in 2020 and beyond. — URL: <https://www.english-corpora.org/corona/>
5. (NOW Corpus) The NOW corpus (News on the Web) contains 13.5 billion words of data from web-based newspapers and magazines from 2010 to the present time. — URL: <https://www.english-corpora.org/now/>
6. (The TV Corpus) The TV Corpus contains 325 million words of data in 75,000 TV episodes from the 1950s to the current time. — URL: <https://www.english-corpora.org/tv/>